

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель министра юстиции
Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
центра научных исследований ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сьюань, кандидат филологических наук,
доцент, начальник секретариата Центра
обмена и сотрудничества при Комиссии по
юридическим услугам для ШОС (Шанхайского
политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель директора, курирующий
научно-методическую и образовательную
деятельность Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве
юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста
России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических
наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ,
генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной
работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-
правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой
финансового, налогового и банковского права ВГУЮ
(РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL COUNCIL**

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology,
Vice-Rector for Science and Innovations
of International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of Civil and Business Law
of All-Russian State University of Justice, Honored
Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief
Researcher of the Center for Scientific Research
of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the
Department of State and Legal Disciplines of the
Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice, Honored Worker of Science
of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat
of the Center for Exchange and Cooperation under
the Commission on Legal Services for the SCO
(Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy
Director in Charge of Scientific, Methodological
and Educational Activities of the Russian Federal
Center for Forensic Science Under the Ministry
of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow
State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev
Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Law and
Criminology of All-Russian State University
of Justice, Honored Lawyer of the Russian
Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL BOARD**

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer
of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law,
Rector of All-Russian State University of Justice
O.I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department
of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff
Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Acting Head of the Department of Financial, Tax and Banking
Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova**
(Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2023

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

К 280-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Александрова О. И.

Роль Г. Р. Державина в государственно-правовом развитии России
в конце XVIII – начале XIX вв..... 10

Бабенко В. Н.

Г. Р. Державин и проблемы борьбы со взяточничеством
в Российской империи в 1-й половине XIX в..... 17

Никитин П. В.

Деятельность Г. Р. Державина на посту министра юстиции
и генерал-прокурора 26

Аверин М. Б.

Участие Г. Р. Державина в подавлении восстания Емельяна Пугачева 35

Милованова Д. Б.

Деятельность Г. Р. Державина в качестве губернатора
в 1784–1788 гг..... 45

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА,
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Максуров А. А.

Правовая позиция суда как юридическая категория..... 54

Паршина Н. В.

Обычай как правовая категория и его влияние на формирование
системы преступлений и наказаний у донских казаков
(XVI – первая четверть XVIII вв.) 64

Репьев А. Г.

Юридические гарантии эффективной научно-исследовательской
деятельности в системе МВД России 73

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Годованик Е. В.

Морская доктрина Российской Федерации: правовой взгляд
на содержание и перспективы реализации 84

Бухарова И. В., Никитина А. А.

Правовая природа института мирового соглашения
в арбитражном процессе и проблемы его развития.....95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Гаврилов В. Н., Орищенко А. С., Спицин К. О.

Понуждение покупателя к принятию товара в гражданском праве
России и ряда зарубежных стран 106

Бурганова Г. В.

Правовой режим объектов, выделенных под воинские
и гражданские захоронения 118

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Магомедов Г. Б., Рашидов Ш. М.

Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей
в районных (городских) судах общей юрисдикции 126

Забурдаева К. А.

Публичное уголовное преследование в досудебном производстве:
понятие, субъекты и формы реализации..... 134

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Антонченко В. В.

Право и демократия в политической системе общества 148

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Чиркова Д. В.

К вопросу об относимости и достаточности доказательств
при их оценке в гражданском судопроизводстве 158

Оганесян Р. Г.

Рецензия на книгу «Творческое наследие Г. Р. Державина :
библиографический указатель (1773–2019 гг.) / сост. М. Б. Аверин [и др.] ;
отв. ред. О. И. Александрова ; ВГУЮ (РПА Минюста России). – М. : ВГУЮ
(РПА Минюста России), 2020. – СПб. : ООО «ИПК «НП-Принт»,
2020. – 164 с.»..... 169

CONTENT

ON THE 280TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF G. R. DERZHAVIN

Olga I. Alexandrova

The Role of G. R. Derzhavin in the State-Legal Development of Russia
at the End of the 18th – Beginning of the 19th Century 11

Vasily N. Babenko

G. R. Derzhavin and the Problems of Combating Bribery
in the Russian Empire in the 1st Half of the 19th Century 18

Pavel V. Nikitin

Activity of G. R. Derzhavin as Minister of Justice
and Prosecutor General 27

Mikhail B. Averin

Participation of G. R. Derzhavin in the Suppression
of the Emelyan Pugachev Uprising 36

Daria B. Milovanova

The Activity of G. R. Derzhavin as a Governor
in 1784–1788 46

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Alexey A. Maksurov

The Legal Position of the Court as a Legal Category 55

Natalya V. Parshina

Custom as a Legal Category and its Influence on the Formation
of the System of Crimes and Punishments Among the Don Cossacks
(16th – First Quarter of the 18th Centuries) 65

Artem G. Repyev

Legal Guarantees of Effective Scientific Research Activities
in the System of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation 74

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Evgeny V. Godovanik

The Maritime Doctrine of the Russian Federation: A Legal View
on the Content and Prospects of Implementation 85

Irina V. Bukharova, Anna A. Nikitina

The Legal Nature of the Institution of a Settlement Agreement
in Arbitration Procedure and the Problems of its Development 96

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Vladimir N. Gavrilov, Anastasia S. Orishchenko, Kirill O. Spitsin

Forcing the Buyer to Accept the Goods in Civil Law of Russia
and Some Foreign Countries..... 107

Guzel V. Burganova

Legal Regime of Objects Allocated for Military and Civil Burials 119

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Hussein B. Magomedov, Sharaputdin M. Rashidov

The Problems of Forming a Jury in the District (City) Courts
of General Jurisdiction..... 127

Kristina A. Ziburdaeva

Public Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings:
Concept, Subjects and Forms of Implementation..... 135

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Vadim V. Antonchenko

Law and Democracy in the Political System of Society 149

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Diana V. Chirkova

On the Relevance and Sufficiency of Evidence During Their Assessment
in Civil Legal Proceedings..... 159

Roman G. Oganessian

Review of the Book "The Creative Heritage of G. R. Derzhavin:
Bibliographic Index (1773–2019) / Comp. by M. B. Averin [et al.];
Ed. by O. I. Alexandrova; All-Russian State University of Justice. –
Moscow: All-Russian State University of Justice, 2020. –
St. Petersburg: IPK NP-Print LLC, 2020. – 164 p." 170

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-10-16>

РОЛЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Ольга Ивановна Александрова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpa@rpa-mjust.ru

Аннотация

Автор отмечает значительную роль Г. Р. Державина в государственно-правовом развитии России. Первый министр юстиции России, Державин видел свой долг в честном исполнении своих обязанностей. Он был непримирим к нарушениям законности, казнокрадству, взяточничеству. Державинская программа устранения недостатков в механизме действия бюрократического аппарата власти достаточно проста – строгое соблюдение законности. С первых дней службы в должности министра Державин повел борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти и взяточничеством. Автор указывает, что в настоящее время может быть использован историко-правовой опыт деятельности Г. Р. Державина по вопросам совершенствования принципов государственной службы и структуры Министерства юстиции России.

Ключевые слова: Г. Р. Державин; Министерство юстиции России; правопорядок; соблюдение законности; борьба с коррупцией.

Для цитирования: Александрова О. И. Роль Г. Р. Державина в государственно-правовом развитии России в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 10–16. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-10-16>

Research Article

THE ROLE OF G. R. DERZHAVIN IN THE STATE-LEGAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Olga I. Alexandrova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

The author notes the significant role of G. R. Derzhavin in the state-legal development of Russia. The first Minister of Justice of Russia, Derzhavin saw his duty in the honest performance of his duties. He was irreconcilable to violations of the rule of law, embezzlement, bribery. Derzhavin's program of eliminating shortcomings in the mechanism of action of the bureaucratic apparatus of power is quite simple – strict observance of the rule of law. From the first days of his service as a minister, Derzhavin led the fight against lawlessness, arbitrariness, abuse of power and bribery. The author points out that at present, the historical and legal experience of G. R. Derzhavin's activities on improving the principles of public service and the structure of the Ministry of Justice of Russia can be used.

Keywords: G. R. Derzhavin; Ministry of Justice of Russia; law and order; observance of the rule of law; fight against corruption.

For citation: *Alexandrova O. I.* The Role of G. R. Derzhavin in the State-Legal Development of Russia at the End of the 18th – Beginning of the 19th Century. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2, pp. 10–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-10-16>

Введение

Роль Г. Р. Державина в государственно-правовом развитии России весьма значительна, ее сложно преувеличить. Гавриил Романович, став первым министром юстиции России, заложил основы развития правопорядка, защиты справедливости, охраны прав и свобод граждан.

Гавриил Романович Державин – великий русский поэт, драматург, государственный деятель Российской империи, сенатор, первый министр юстиции, действительный тайный советник.

Г. Р. Державин родился 280 лет назад, 3 июля 1743 г., в небогатой дворянской семье в Казанской губернии. После открытия в 1758 г. в Казани гимназии он был направлен туда учиться. За успехи в учебе по ходатайству директора гимназии Державин был зачислен в Петербургский инженерный корпус. Однако из-за ошибки, допущенной чиновниками, в 1762 г. он был зачислен солдатом в Преображенский полк, в составе которого принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г. В 1772 г. он получил первый офицерский чин. В 1773 г. началось крестьянское восстание под предводительством Е. Пугачева, в подавлении которого Державин принимал участие.

Одновременно Державин занимался литературным творчеством, став впоследствии ярким представителем русского классицизма. В 1776 г. отдельной книгой были изданы его торжественные оды, проникнутые идеей сильной государственной власти. Они включали также сатиру на вельмож, пейзажные и бытовые зарисовки, размышления о жизни и смерти.

Дослужившись до чина капитана-поручика, в 1777 г. он вышел в отставку и продолжил гражданскую службу в Правительствующем сенате. После публикации в 1782 г. оды «Фелица», в которой он прославлял деятельность императрицы Екатерины II, к Державину пришла широкая известность.

В 1784 г. он был назначен первым губернатором Олонецкой губернии. В связи с тем, что у него возникли противоречия с генерал-губернатором Т. И. Тутолминым по поводу недобросовестного исполнения местными чиновниками законов, он занимал этот пост менее года. Генерал-губернатор необоснованно обвинял его в нарушении порядка управления губернией, «но все пред невинностью и правотою под щитом Екатерины, невзирая на недоброхотство Вяземского и Тутолмина, – как отмечал Г. Р. Державин, – исчезли» [1, с. 103]. После этого Державин в 1785–1788 гг. возглавлял Тамбовскую губернию. Однако и здесь у него возник конфликт по вопросу нецелевого расходования казенных средств с генерал-губернатором И. В. Гудовичем. В результате этого генерал-губернатор подал на Державина две жалобы в Сенат.

В итоге он был полностью оправдан Сенатом и продолжил государственную службу. В 1783 г. Державин был избран членом Императорской Российской академии. В 1791 г. Державин был назначен кабинет-секретарем Екатерины II, а в 1795 г. был назначен на должность президента Коммерц-коллегии. Следует отметить, что «принципиальность Державина не позволяла ему ладить с чиновниками, поэтому его часто переводили с места на место» [2, с. 19].

1. Основные принципы деятельности Г. Р. Державина на государственной службе

Державин видел долг чиновника в честном исполнении своих обязанностей. Он проявлял непримиримость к нарушениям законности, казнокрадству и взяточничеству. Он сформулировал свои требования к чиновнику в речи «Рассуждения о достоинстве государственного человека», согласно которым необходимым ус-

ловием успешной его работы должна быть любовь к своему Отечеству и монарху. Чиновник, находящийся на государственной службе, должен был, по его мнению, обладать деловитостью, честностью, нетерпимостью к лицемерию и умением говорить правду.

Образ государственного чиновника широко представлен в поэтических произведениях Державина. В стихотворении «Властителям и судиям» Державин называл главным качеством образцового чиновника «приверженность законам».

Нарушение законов Державин рассматривал как серьезное преступление, за которое должно было следовать неотвратимое наказание. Он призывал к честному исполнению чиновниками своих служебных обязанностей. Добросовестная деятельность на благо Отечества должна стать, считал он, единственным мериллом заслуг государственного чиновника.

Державин всегда старался сам честно и добросовестно выполнять возложенные на него обязанности. Так, император Александр I поручил ему расследовать злоупотребления калужского губернатора Лопухина, на которого поступали жалобы. В результате тайного посещения Калуги Державин выявил различные преступления губернатора Лопухина. С помощью шантажа он вымогал деньги у фабриканта Гончарова. Кроме того, он разорил чугунный завод купца Засыпкина, за взятки ограждал от преследования преступников и вместе с архиереем совершал недопустимые для губернатора поступки. Дошло до того, что Лопухин в пьяном виде разбивал окна, а также в губернском правлении при всех ездил верхом на раздьяконе, приговаривая разные прибаутки и неприличные слова. Державин направил Александру I подробный отчет более чем на 50 листах. Тем не менее губернатор Лопухин не понес никакого наказания, а был лишь отстранен от должности.

Таким образом, Державин считал, что соблюдение законов обязательно для всех без исключения: будь то царь или канцелярский служащий. Его понимание служебного долга сводилось не только к честному исполнению своих непосредственных обязанностей, оно включало в себя и право правдиво и прямо говорить обо всех недостатках представителям вышестоящих органов власти, не опасаясь каких-либо последствий. Обер-прокурор Сената А. Н. Голицын писал о Державине: «В минуту желчи гений блестел в его глазах; тогда с необыкновенной пронизательностью он охватывал предмет; ум его был вообще положителен, но тяжел; память и изучение законов редкая; но он облакал их в формальности до педантизма, которым он всем надоедал. Олицетворенную честность и правдивость его мало оценивали, потому что о житейском такте он и не догадывался, хотя всю службу почти был близок ко Двору» [3, с. 117].

2. Г. Р. Державин – первый министр юстиции России

В соответствии с Манифестом от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» Гавриила Романович Державин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором Российской империи. Уже через две недели после своего назначения он представил Сенату два доклада: «О правилах судопроизводства в Правительствующем Сенате», «О порядке слушания дел в Сенате». Он разработал также проект закона о третейском суде [3, с. 116].

Полномочия Министерства юстиции в начале XIX в. распространялись на вопросы подготовки проектов законодательных актов, управления деятельностью судебных органов и прокуратуры. К его ведению были, в частности, отнесены кадровое обеспечение судебных органов, учреждение и упразднение судов, а также надзор за их деятельностью. Важную задачу, связанную с подготовкой юридических заключений по разработанным во всех ведомствах страны законопроектам, выполняла Консультация, являвшаяся структурным подразделением министерства.

Державину удалось в кратчайшие сроки организовать эффективно функционирующий центральный аппарат министерства и внести предложения по совершенствованию судебной системы. В состав центрального аппарата Министерства юстиции входили: министр, его товарищ (заместитель), Консультация, Канцелярия и Департамент, включавший три экспедиции. В соответствии с ведомственным актом «Учреждение Департамента Министра юстиции или Генерал-прокурора» все дела, поступавшие в Министерство юстиции, должна была рассматривать одна из трех экспедиций Департамента. Для контроля входящих и исходящих документов была учреждена Общая регистратура.

В качестве министра юстиции Державин вел борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти и взяточничеством. Он считал, что в его ведении находятся все гражданские и уголовные дела. Поэтому он стремился оказывать влияние на принятие решений не только в Сенате, но и в Комитете министров. Это привело к недовольству со стороны некоторых министров и представителей окружения императора Александра I.

В соответствии с действовавшим в то время законом Сенат имел право расходовать из государственной казны сумму не более 10 тыс. руб. При этом министры для использования казенных средств получить согласие Сената. В то же время отдельные министры заключали контракты на миллионы рублей, не обращаясь в Сенат. Им удавалось добиваться одобрения императором своих необоснованных сделок. По словам Державина, министры пытались опустошать «казну всякий по своему желанию» [1, с. 237]. Естественно, это вызвало у таких министров большое недовольство.

Державин добился принятия Указа «О судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновниках», согласно которому осужденные чиновники получили право в течение двух недель обжаловать приговоры судебных палат. В случае отклонения их жалобы «примечания» чиновников отсылались вместе с делом на ревизию в Сенат. Это правило, по мнению Державина, необходимо было для того, чтобы чиновникам, «иногда сверх меры их вин утесненным от губернских начальников», предоставить способ для оправдания.

26 сентября 1802 г. Державин подготовил Циркулярный ордер для прокурорских работников. В нем предписывалось, что при обнаружении в органах местного управления фактов нарушения законов, наносящих вред службе и ущерб интересам государства, надо об этом срочно докладывать губернскому правлению и лично генерал-прокурору. Кроме того, в том случае, если распоряжение государственного органа, противоречившее действовавшему законодательству, принималось по инициативе министра, губернский прокурор должен был немедленно доло-

жить об этом генерал-прокурору. Обо всех нарушениях законов прокурор обязан был периодически докладывать генерал-прокурору. По предложению Державина Циркулярный ордер был направлен Сенатом во все учреждения и ведомства с тем, чтобы они сообщали прокурорам все необходимые сведения.

Державин предложил принять также указ о взяточничестве с тем, чтобы четко установить различия между теми, которые берут взятки, и теми, кто «по необходимости иногда, чтобы избавиться от несносной волокиты и притеснения в производстве и напрасно, ходя за делами, не проживаться, дают подарки». Он полагал, что необходимо отличать «зловредного лихоимца от приемателя из крайней нужды какой-либо безделки» [1, с. 264]. В итоге проект указа о взяточничестве, предложенный Державиным, так и не был принят.

«Державин отставил свои взгляды даже тогда, когда сознавал, что идет вразрез, – как отмечают А. Г. Звягинцев и Ю. Г. Орлов, – с волей императора», нередко выражая «свое несогласие со многими его преобразованиями», и открыто критиковал молодых советников монарха [3, с. 116].

Бескомпромиссная борьба Державина с нарушениями законности, с казнокрадством и взяточничеством, которые допускали представители высших государственных чиновников, а также стремление упорядочить отчетность министров на заседаниях Сената вызвали большое недовольство со стороны ближайших соратников императора Александра I, постоянно направлявших ему жалобы на министра юстиции. Это привело к тому, что 8 октября 1803 г. Державин был освобожден от занимаемой должности. По словам императора, причиной отставки была его ревностная служба, на что Державин ответил: «А как так, государь, то я иначе служить не могу. Простите» [1, с. 267–268].

Заключение

Гавриил Романович Державин внес заметный вклад в развитие российской государственности в конце XVIII – начале XIX вв. Заложенные им организационно-правовые основы деятельности Министерства юстиции и его взаимодействия с другими органами государственной власти и управления получили дальнейшее развитие в Российской империи, Советском Союзе и в современной Российской Федерации.

Таким образом, вопросы недобросовестного исполнения законов и служебных обязанностей государственными чиновниками, а также борьбы с коррупцией и хищением бюджетных средств Г. Р. Державин неоднократно поднимал перед высшим руководством страны. Следует отметить, что они сохранили актуальность и в наши дни. 4 декабря 2014 г. в Послании Федеральному Собранию РФ В. В. Путин указывал: «Как прямой удар по национальной безопасности надо рассматривать нецелевое использование или хищение бюджетных ассигнований на государственный оборонный заказ, и работать по таким фактам так же серьезно и строго, как по пресечению финансирования терроризма» [5]. В условиях крайнего обострения международной обстановки в мире и проведения специальной военной операции на Украине проблемы противодействия коррупции и противозаконному использованию бюджетных средств приобретают в нашей стране особое значение.

Пристатейный библиографический список

1. *Державин Г. Р.* Записки (1743–1812). М. : Мысль, 2000.
2. *Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П.* К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802–1861 гг.) // Юридическая наука : история и современность. 2021. № 6.
3. *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Самые знаменитые юристы России. М. : Вече, 2003.
4. *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Око государево : Российские прокуроры. XVIII в. / предисл. О. Е. Кутафина. М. : Российская политическая энциклопедия, 1994.
5. Послание Президента РФ Федеральному собранию // Российская газета. 2014. 5 дек. № 278.

References

1. *Derzhavin G. R.* Notes (1743–1812). Moscow: Mysl, 2000. (In Russ.)
2. *Gutman M. Ju., Nikulin A. G., Salnikov V. P.* To the 220th Anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Ministers of Justice, Prosecutors-General of Pre-Reform Russia (1802–1861). *Legal Science: History and Modernity*, 2021, no. 6. (In Russ.)
3. *Zviagintsev A. G., Orlov Ju. G.* The Most Famous Lawyers of Russia. Moscow: Veche, 2003. (In Russ.)
4. *Zviagintsev A. G., Orlov Ju. G.* Oко Gosudarevo: Russian Prosecutors. 18th Century. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1994. (In Russ.)
5. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. *Rossiiskaia Gazeta*, 5 December 2014, no. 278. (In Russ.)

Сведения об авторе:

О. И. Александрова – кандидат юридических наук, доцент, ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author:

O. I. Alexandrova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Rector of All-Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-17-25>

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1-Й ПОЛОВИНЕ XIX В.

Василий Николаевич Бабенко

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vasbabenko@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам борьбы с коррупцией в России в 1-й половине XIX в. Уделяется значительное внимание вкладу Г. Р. Державина в борьбу со взяточничеством среди государственных чиновников. Рассматриваются попытки усиления противодействия коррупции после проведения кодификации российского законодательства и введения в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Целью статьи является выявление особенностей в применении норм правовых актов по борьбе со взяточничеством в ведомствах и учреждениях, а также усилении требований антикоррупционной направленности в отношении государственных чиновников. Основу методологии исследования составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Автор приходит к выводу, что широкое распространение взяточничества в России в 1-й половине XIX в. было связано с низкими окладами государственных чиновников, недостаточным уровнем их образования, попустительством властей к нарушениям антикоррупционного законодательства представителями привилегированных сословий и довольно терпимым отношением общества к взяточничеству. Результаты данной работы могут быть использованы при подготовке научных публикаций и учебных пособий в области истории государства и права.

Ключевые слова: Г. Р. Державин; Российская империя; 1-я половина XIX в.; борьба с коррупцией; Александр I; Николай I; нормативно-правовые акты.

Для цитирования: *Бабенко В. Н. Г. Р. Державин и проблемы борьбы со взяточничеством в Российской империи в 1-й половине XIX в. // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 17–25. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-17-25>*

Research Article

G. R. DERZHAVIN AND THE PROBLEMS OF COMBATING BRIBERY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1ST HALF OF THE 19TH CENTURY

Vasily N. Babenko

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
vasbabenko@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of combating corruption in Russia in the 1st half of the 19th century. Considerable attention is paid to the contribution of G. R. Derzhavin in the fight against bribery among government officials. Attempts to strengthen the fight against corruption after the codification of Russian legislation and the enactment of the Criminal and Correctional Penalties Ordinance of 1845 are considered. The purpose of the article is to identify features in the application of the norms of legal acts on combating bribery in departments and institutions, as well as strengthening the requirements of anti-corruption orientation in relation to government officials. The research methodology is based on historical-legal and comparative-legal methods. The author comes to the conclusion that the widespread bribery in Russia in the 1st half of the 19th century was associated with low salaries of government officials, insufficient level of their education, with the connivance of the authorities to violations of anti-corruption legislation by representatives of the privileged classes and a fairly tolerant attitude of society to bribery. The results of this work can be used in the preparation of scientific publications and textbooks in the field of the history of state and law.

Keywords: G. R. Derzhavin; Russian Empire; 1st half of the 19th century; fight against corruption; Alexander I; Nicholas I; regulatory legal acts.

For citation: *Babenko V. N. G. R. Derzhavin and the Problems of Combating Bribery in the Russian Empire in the 1st Half of the 19th Century. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-17-25>*

Введение

Г. Р. Державин внес значительный вклад в совершенствование российской государственности. В его государственной деятельности отразились особенности сложной эпохи, связанной с реформами Екатерины II и преобразованиями Александра I.

В 1784–1788 гг. Г. Р. Державин был губернатором Олонецкой, а затем Тамбовской губернии. Он добросовестно исполнял свои обязанности и требовал от подчиненных соблюдения законов. Это привело к возникновению конфликта с генерал-губернатором И. В. Гудовичем по вопросам нецелевого расходования казенных средств. Несмотря на его две жалобы, поданные в Сенат, Державин был оправдан и продолжил государственную службу. В 1791–1793 гг. он являлся статс-секретарем Екатерины II, а в 1794 г. стал президентом Коммерц-коллегии.

8 сентября 1802 г. Г. Р. Державин был назначен министром юстиции. Немногим более года он занимал пост министра юстиции и одновременно являлся генерал-прокурором Сената. За этот короткий период он много сделал для укрепления российской государственности, защиты справедливости, законности и правосудия.

Державин добивался соблюдения законов всеми чиновниками без каких-либо исключений. Он понимал служебный долг не только как честное исполнение своих обязанностей, но и как моральную необходимость правдиво и прямо говорить обо всех недостатках вышестоящим чиновникам.

Являясь министром юстиции, Державин вел непримиримую борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти и взяточничеством. Он стремился оказывать влияние не только на решения Сената, но и на деятельность отдельных министерств.

Так, еще по закону, утвержденному Петром I, Сенат имел право использовать из казны сумму, не превышавшую 10 тыс. руб., а министры должны были получить согласие Сената на использование казенных средств. Однако некоторые министры, входившие в ближнее окружение императора, самостоятельно заключали контракты на миллионы рублей, не обращаясь в Сенат. Затем они добивались их утверждения императором. Державин доложил Александру I о том, что министры начали «тащить казну всякий по своему желанию» [1, с. 237]. Однако император не принял по этому вопросу никаких решений.

Державин предложил тогда утвердить указ о взяточничестве с тем, чтобы не подвергать одинаковым наказаниям тех, кто берет взятки, и тех, «которые, по необходимости... дают подарки» [1, с. 264]. Тем не менее проект указа о взяточничестве, предложенный Державиным, так и не был принят.

Кроме того, Г. Р. Державин в 1802 г. проводил проверку по жалобам о взяточничестве калужского губернатора Лопухина. В результате работы комиссии Сената Лопухин и губернский прокурор по итогам судебного разбирательства «отделались легким испугом», так как суровые наказания лихоимцев в то время нечасто применялись [2, с. 123]. Всем было очевидно, что «добиваясь справедливости, Державин резко выступал против многих министров и сенаторов, чем нажил себе немало врагов» [3, с. 19].

Борьба Державина с нарушениями законности, казнокрадством и взяточничеством со стороны высших государственных чиновников, а также стремление

к строгому соблюдению порядка отчетности министров на заседаниях Сената вызвали большое недовольство со стороны таких ближайших соратников императора Александра I, как В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, А. А. Чарторыжский и др. В результате их постоянных жалоб 8 октября 1803 г. Державин был отправлен в отставку. На прямой вопрос, за что его увольняют, император откровенно ему сказал: «Ты очень ревностно служишь», на что Державин ответил: «А как так, государь, то я иначе служить не могу. Простите» [1, с. 267–268].

Нормативно-правовое регулирование борьбы с коррупцией в России в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. в связи с реформированием государственной системы управления изменились и «способы злоупотреблений и получения незаконным путем доходов» [4, с. 49].

В этот период создавалась нормативно-правовая база, направленная на борьбу со взяточничеством. В указах от 1809 и 1811 гг. Александр I призывал суды шире использовать действовавшее законодательство в борьбе с коррупцией.

В 1813 г. был подготовлен проект Уголовного уложения, в котором предусматривались два вида получения взятки. Первый касался строгого запрещения взяточничества в процессе судебного рассмотрения дела. Второй был связан со сбором пошлин, податей и иных государственных доходов. Согласно данному проекту взяткодатели наказывались только в случае выявленного взяточничества.

В 1817 г. комиссия Сената выявила злоупотребления отдельных губернаторов. Так, пензенский губернатор Панчулидзе ввел официальный денежный сбор в свою пользу, в результате чего с каждого из 12 откупщиков собирали по 2 тыс. руб. в год. А в Киевской губернии «все помещики платили «дань» чинам губернской и уездной полиции, дополняя ее «натурально-продовольственными» подношениями» [2, с. 123].

После подавления в декабре 1825 г. восстания декабристов в составе Собственной его императорского величества канцелярии было образовано Третье отделение, к ведению которого был отнесен и контроль за органами государственной власти и управления. Полномочия Третьего отделения определялись лишь внутренними служебными инструкциями, предоставлявшими большие возможности при осуществлении своей деятельности.

В 1826 г. при общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Сената был образован Особый комитет, который должен был изыскать более эффективные способы борьбы с лихоимством и лихоимством [5, с. 13]. В марте 1827 г. данный Комитет направил министру юстиции «Записку» с замечаниями и первую главу «Проекта приуготовительных законов к истреблению лихоимства».

Среди основных причин коррупционных правонарушений Особый комитет выделил следующие: 1) отсутствие нормативных актов, четко устанавливающих исполнение должностных обязанностей государственными чиновниками; 2) низкий уровень материального обеспечения служащих; 3) порядок применения одного наказания за коррупционные преступления, совершенные из корысти, а также в результате крайней нищеты. В «Записке» содержались предложения о «совер-

шенствовании законодательства по борьбе со взяточничеством, повышении жалования чиновникам, введении гласности суда и принятии мер по обеспечению независимости суда от посторонних «влияний»» [2, с. 124].

Для усиления борьбы со взяточничеством большое значение имела систематизация российского законодательства, в результате которой были изданы Полное собрание законов Российской империи (1830 г.), Свод законов Российской империи (1832 г.) и составлен первый российский уголовный кодекс – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.).

Под руководством М. М. Сперанского комиссия подготовила Свод законов Российской империи 1832 г., состоявший из 15 томов. Он включал действовавшие правовые акты, которые были систематизированы по отраслевому принципу. В разд. V Свода законов содержались нормы «О преступлениях чиновников по службе». В нем указывались преступления должностных лиц с учетом характера правонарушения и степени их ответственности. В Своде законов к коррупционным преступлениям были отнесены лихоимство, вымогательство и взяточничество.

В 1830-е гг. издавались также отдельные правовые акты, направленные на борьбу с коррупцией. Так, в Указе «О воспрещении начальствующим лицам принимать подношения от общества» (1832 г.) вводился запрет на получение подарков государственными чиновниками. В Уставе «О службе гражданской» (1832 г.) предлагались административные и правовые средства для борьбы со взяточничеством. В нем устанавливались соответствующие требования антикоррупционного характера, которые предъявлялись к личности государственного чиновника.

Предлагавшиеся меры по применению дисциплинарных взысканий, направленные на усиление борьбы с коррупцией в губерниях, не могли быть эффективными, так как при этом надзор за законностью осуществляли губернские прокуроры, подчинявшиеся министру юстиции. В то же время они должны были докладывать о выявленных злоупотреблениях и местным губернаторам, находясь в непосредственной зависимости от них.

В 1845 г. было подготовлено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [6, с. 174–309], введенное в действие 1 мая 1846 г. Оно содержало специальную главу «О мздоимстве и лихоимстве», в которой предлагалось усилить борьбу со взяточничеством и упорядочить порядок применения дисциплинарных взысканий в отношении государственных служащих. В данном Уложении взяточничество как преступное деяние подразделялось на два вида: мздоимство и лихоимство. При этом на взяточполучателя в том случае, если он не нарушал своих должностных обязанностей, налагался штраф в сумме двойной стоимости подарка или он освобождался от занимаемой должности. Если же чиновник, получивший взятку, нарушал закон и служебные обязанности, то он обвинялся в злоупотреблении должностными полномочиями и подвергался наказанию в уголовном порядке.

В разд. 5 данного Уложения «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», состоявшем из 11 глав, содержались и антикоррупционные нормы.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных содержались следующие виды коррупционных преступлений: 1) неприведение в исполнение имен-

ных или объявляемых в установленном порядке высочайших указов и повелений; 2) неприведение в исполнение указов Правительствующего Сената, других присутственных мест; 3) необъявление поступавших к чиновникам или рассылаемых для обнародования указов и постановлений; 4) превышение и бездействие власти; 5) присвоение и растрата, подлог, неправосудие, мздоимство и лихоимство. Указанные правонарушения могли повлечь за собой наказания уголовного и исправительного характера – от строгого выговора до ссылки на каторжные работы, в зависимости от тяжести совершенного преступления и наступавших последствий. При этом допускалось также применение мер материального возмещения причиненного вреда.

В главе «О мздоимстве и лихоимстве» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных взяточничество делилось на «мздоимство» и «лихоимство». Преступления различались также по их общественной опасности – от менее опасных к более опасным. В том случае, если чиновник принимал взятки без нарушения служебных обязанностей и законов, он мог получить наказание в виде штрафа в двойном размере от цены подарка или освобождался от должности. В то же время получение взятки с нарушением при этом «государственных законов и служебных обязанностей, квалифицировалось как злоупотребление властью и наказывалось в уголовном порядке» [7, с. 125].

Примеры широкого применения различных способов злоупотреблений и получения незаконным путем доходов содержатся в материалах фонда князей Голицыных, которые владели многими имениями и предприятиями в разных губерниях России. Сохранившиеся годовые ведомости (с мая 1804 по май 1853 г.), составленные в Главном правлении пермских заводов, промыслов и вотчин князей Голицыных, содержат сведения о передаче натуральных и денежных средств местным органам власти в качестве взяток. Если на первом этапе (с мая 1804 по май 1805 г.) свыше 60% этих подношений составляли, как отмечает Л. Ф. Писарькова, «натуральные выплаты: хлебными припасами, вареньем, сахаром, лимонами, фуражом и пр.», то в 1852 – мае 1853 г. «на «помощь чиновникам по делам» кн. Голицыными было использовано в общей сложности 29 506 руб., из них 1406 руб. припасами, что составило 5% от всей суммы» [8, с. 37].

Взятки князей Голицыных некоторым чиновникам Пермской губернии в период правления Николая I, как отмечает Л. Ф. Писарькова, по сравнению с казенным жалованием «превышали их должностные оклады в 2–4 и даже 6 раз». Она полагает, что в царском правительстве в этот период «взятки признавались злом, но при низком жалованьи служащих – злом неизбежным и неискоренимым» [8, с. 45].

В то же время предпринимались попытки использовать различные способы подношений чиновникам без нарушения при этом норм действовавшего законодательства. Так, московские купцы обратились в Сенат с просьбой разрешить им установить в Москве памятник генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну. Однако в 1832 г. Сенат принял Указ «О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от общества», в котором подчеркивалось, что памятники, портреты, адреса и т.п. могут рассматриваться в качестве взятки. Таким образом, принимавшиеся государством в первой половине XIX в. меры не всегда могли помешать го-

сударственным служащим «брать взятки, подношения, подарки к различным праздникам и именинам» [9, с. 55–56].

О широком распространении взяточничества в судебных учреждениях свидетельствует тот факт, что даже министр юстиции России граф В. Н. Панин, «составляя рядную запись в пользу своей дочери в петербургском уездном суде, вынужден был, – как отмечал В. Бочкарев, – в силу обычая, дать, правда, не лично, а через директора департамента Топильского, 100 рублей надсмотрщику, в руках которого находилось это дело» [10, с. 216].

Проблема повсеместного распространения взяточничества в России побудила императора Николая I к выяснению, кто из действовавших в то время губернаторов не брал взятку. Оказалось, что по результатам полученных материалов таковыми были только киевский и ровенский губернаторы Фундуклей и Радищев. Тем не менее «крайняя нужда в опытных администраторах», как полагает А. В. Куракин, делала Николая I достаточно снисходительным по отношению к коррупционным проявлениям в чиновничьей среде [11, с. 14]. А это привело к тому, что в 40–50-е гг. XIX в. почти 100 тыс. государственных чиновников были привлечены к суду за различные преступления, включая взяточничество и присвоение казенного имущества. В конце своего правления Николай I вынужден был сказать своему сыну, будущему императору Александру II: «В России не воруют только два человека – я и ты» [11, с. 13]. Вполне справедливо считается, что своеобразным символом данного периода «стала знаменитая комедия Н. В. Гоголя «Ревизор», которая высмеяла взяточничество и воровство и собирала огромные залы в театрах» [12, с. 33].

Заключение

Таким образом, Гавриил Романович Державин внес заметный вклад не только в развитие российской государственности, в создание организационно-правовых основ деятельности Министерства юстиции и его взаимодействия с другими органами государственной власти и управления, но и в борьбу со взяточничеством и расхищением бюджетных средств.

Тем не менее в первой половине XIX в. в Российской империи получило достаточно широкое распространение взяточничество. Однако не стоит сводить это только к низким окладам чиновников или элементарной человеческой жадности. К основным причинам этого явления необходимо отнести прежде всего недостаточный уровень образования государственных чиновников и оплаты их труда, а также связанное с этим отношение к допущенным ими коррупционным преступлениям со стороны государства. Немаловажное значение имело и попустительство властей в отношении нарушения законодательства представителями привилегированных сословий, а также довольно терпимое отношение общества к взяточничеству.

Пристатейный библиографический список

1. *Державин Г. Р.* Записки (1743–1812). М. : Мысль, 2000.
2. *Барциц И. Н., Краковский К. П.* Антикоррупционное законодательство России в XVIII–XIX веках // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 3.
3. *Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П.* К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Министры юстиции, генерал-прокуроры дореформенной России (1802–1861 гг.) // *Юридическая наука : история и современность*. 2021. № 6.
4. *Бабенко В. Н.* Коррупция в России : от обычаев и традиций к образу жизни? // *Россия и современный мир*. 2009. № 4.
5. *Астанин В. В.* Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков : развитие системного подхода. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // *Российское законодательство X–XX веков : в 9 т.* М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6.
7. *Мельников В. П., Нечипоренко В. С.* Государственная служба в России : отечественный опыт организации и современность. М. : Изд-во РАГС, 2000. Ч. 1.
8. *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // *Отечественная история*. 2002. № 5.
9. *Болотина Н. Ю.* Взятка на Руси // *Вестник архивиста*. 2001. № 4–5.
10. *Бочкарев В.* Дореформенный суд // *Судебная реформа*. М. : Объединение, 1915. Т. 1.
11. *Куракин А. В.* История предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской империи // *История государства и права*. 2003. № 3.
12. *Мартыненко А. В., Милешина Н. А., Потанова Л. А.* Противодействие коррупции в Российской империи первой половины XIX столетия // *Манускрипт*. 2020. Т. 13. № 11.

References

1. *Derzhavin G. R.* Notes (1743–1812). Moscow: Mysl, 2000. (In Russ.)
2. *Bartsits I. N., Krakovskii K. P.* Anti-Corruption Legislation of Russia in the 18th – 19th Centuries. *Union of Criminologists*, 2020, no. 3. (In Russ.)
3. *Gutman M. Ju., Nikulin A. G., Salnikov V. P.* To the 220th Anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Ministers of Justice, Prosecutors-General of Pre-Reform Russia (1802–1861). *Legal Science: History and Modernity*, 2021, no. 6. (In Russ.)
4. *Babenko V. N.* Corruption in Russia: From Customs and Traditions to Lifestyle? *Russia and the Modern World*, 2009, no. 4. (In Russ.)
5. *Astanin V. V.* The Fight Against Corruption in Russia of the 16th–20th Centuries: The Development of a Systematic Approach. Moscow: Russian Criminological Association, 2003. (In Russ.)

6. The Code of Criminal and Correctional Punishments. In Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1988. Vol. 6. (In Russ.)
7. Melnikov V. P., Nechiporenko V. S. Public Service in Russia: Domestic Experience of Organization and Modernity. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Public Administration, 2000. Part 1. (In Russ.)
8. Pisarkova L. F. On the History of Bribes in Russia (Based on the Materials of the Golitsyns' "Secret Office" Book of the First Half of the 19th Century). *Russian History*, 2002, no. 5. (In Russ.)
9. Bolotina N. Iu. A Bribe in Russia. *Archivist's Bulletin*, 2001, nos. 4–5. (In Russ.)
10. Bochkarev V. Pre-Reform Court. In Judicial Reform. M.: Ob"edinenie, 1915. Vol. 1. (In Russ.)
11. Kurakin A. V. History of Prevention and Suppression of Corruption in the Public Service System of the Russian Empire. *History of State and Law*, 2003, no. 3. (In Russ.)
12. Martynenko A. V., Mileshina N. A., Potapova L. A. Countering Corruption in the Russian Empire of the First Half of the 19th Century. *Manuscript*, 2020, vol. 13, no. 11. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Н. Бабенко – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author:

V. N. Babenko – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 14.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-26-34>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА НА ПОСТУ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ И ГЕНЕРАЛ-ПРОКУРОРА

Павел Владиславович Никитин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

nikitinP2007@yandex.ru

Аннотация

В сентябре 1802 г. в России началась министерская реформа, в ходе которой было создано Министерство юстиции. Гавриил Романович Державин, ставший первым министром юстиции, активно занимался проблемами разграничения компетенций между вновь созданными государственными учреждениями, противодействия коррупции, соблюдения законности на всех уровнях власти, борьбы с расхищением государственных средств, что является актуальным и сейчас. Методологическую основу работы составили историко-правовой и проблемно-хронологический методы. В заключение делается вывод о том, что деятельность Г. Р. Державина на посту министра юстиции была направлена на укрепление положения вверенного ему министерства в системе органов государственной власти Российской империи. Полученные результаты и выводы могут применяться в исследованиях по истории государства и права.

Ключевые слова: Российская империя; Негласный комитет; Министерство юстиции; Комитет министров; Александр I; Г. Р. Державин; В. П. Кочубей.

Для цитирования: *Никитин П. В.* Деятельность Г. Р. Державина на посту министра юстиции и генерал-прокурора // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 26–34. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-26-34>

Research Article

ACTIVITY OF G. R. DERZHAVIN AS MINISTER OF JUSTICE AND PROSECUTOR GENERAL

Pavel V. Nikitin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
nikitinP2007@yandex.ru

Abstract

In September 1802, a ministerial reform began in Russia, during which the Ministry of Justice was created. Gavriil Romanovich Derzhavin, who became the first Minister of Justice, was actively engaged in the problems of delineating competencies between newly created state institutions, combating corruption, upholding the rule of law at all levels of government, combating the embezzlement of public funds, which is still relevant today. The methodological basis of the work was made up of historical-legal and problem-chronological methods. In conclusion, it is concluded that the activities of G. R. Derzhavin as Minister of Justice were aimed at strengthening the position of the ministry entrusted to him in the system of state authorities of the Russian Empire. The obtained results and conclusions can be applied in research on the history of state and law.

Keywords: Russian Empire; Secret Committee; Ministry of Justice; Committee of Ministers; Alexander I; G. R. Derzhavin; V. P. Kochubey.

For citation: Nikitin P. V. Activity of G. R. Derzhavin as Minister of Justice and Prosecutor General. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2, pp. 26–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-26-34>

Введение

В марте 1801 г. новым императором Российской империи стал Александр I. В период его правления проводились реформы органов центрального управления, которые коснулись и организации юстиции. Реформы, проводимые императором, должны были приспособить органы государственного управления к новому, современному уровню развития страны и явились ответом правительства на новые общемировые вызовы и явления в жизни российского общества. Эти преобразования привели к укреплению централизации аппарата управления и дали возможность сформировать более гибкую и совершенную систему государственного управления.

При молодом императоре сформировался «Негласный комитет», в который вошли лица из его ближайшего окружения (князь Адам Чарторыйский, граф Виктор Кочубей, граф Павел Строганов, Николай Новосильцев). В недрах этого комитета была разработана программа «важнейших и настоятельнейших изменений существующего порядка». Большое внимание уделялось проблеме изменения органов центрального управления. По этому вопросу было проведено девять заседаний [1, с. 124], в результате которых был принят Манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» [2, с. 46].

1. Участие Г. Р. Державина в организации и деятельности Министерства юстиции

В основу разграничения полномочий между органами государственного управления было положено деление, установленное Петром I при создании коллегий. Согласно п. I Манифеста «Об общем учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. были созданы восемь министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, юстиции и народного просвещения.

Возглавляли министерства министры, которые должны были реализовывать широкий круг задач по охранению и развитию «благоденствия народа» [2, с. 49].

В соответствии с положениями Манифеста император обладал правом назначать и увольнять министров, несших перед ним единоличную ответственность по делам своих ведомств. Для контроля за деятельностью министерств устанавливалось предоставление ежегодных отчетов через Правительствующий Сенат императору. Манифест предусматривал создание специального органа – Комитета министров, в обязанности которого входило обсуждение вопросов межведомственного управления, а также вопросов, официально входивших в круг полномочий одного министерства, но которые министры хотели решить коллегиально, чтобы не нести персональной ответственности [3].

Главными задачами организованного Министерства юстиции считались управление судебной системой в целом и осуществление общего контроля за деятельностью судебных учреждений. В непосредственные полномочия ведомства входила также охрана земельных прав дворянства, реализуемая через надзор за судебно-межевыми делами. Наблюдение за деятельностью судебных органов производилось путем изучения определений Сената, донесений обер-прокуроров, протестов губернских прокуроров на решения губернских судов, рассмотрения отчетов о движении дел в судах, жалоб, ревизий.

Большое место в работе Министерства юстиции отводилось созданию и обсуждению законопроектов, составлению отзывов на проекты законов, подготовленные в других ведомствах, изданию частных и циркулярных предписаний о правоприменении законов подведомственными органами и другим вопросам; министерство инициировало мероприятия по улучшению делопроизводства в Сенате и местных судебных органах. В сфере управления личным составом судебных органов оно имело право назначать чиновников на некоторые должности и утверждать в должности по выборам.

Положения Манифеста от 8 сентября 1802 г. предусматривали объединение должностей министра юстиции и генерал-прокурора с целью усиления карательного аппарата. В соответствии с именованным указом Александра I первым министром юстиции был назначен Гавриил Романович Державин.

11 сентября 1802 г. министр внутренних дел Кочубей и министр юстиции Державин подписали своеобразный меморандум о разграничении сфер деятельности своих ведомств. Документ выглядит как совместный приказ о делении между министерствами нерешенных дел, скопившихся в бывшей канцелярии генерал-прокурора Сената. Было решено, что дела о пожаловании имений, аренд, об освобождении от разных денежных взысканий, ведомости о казенных землях, передаваемых в частные руки, отсылались в Министерство финансов. Дела же о казенных строениях, чрезвычайных происшествиях в губерниях и в целом по стране передавались в ведение министра внутренних дел. Министру юстиции оставались все дела, касавшиеся Сената, жалобы на его решения, дела по Герольдии, юнкерской школе, Экспедиции безгласных дел (о взятках и казнокрадстве), донесения прокуроров и жалобы на губернские суды. Неоконченные дела должны были быть разобраны по категориям и высланы в профильные ведомства. Решенные дела в соответствии с описью сдавались в архив при Сенате [4, с. 77–78].

10 сентября 1802 г. состоялось первое заседание вновь образованного Комитета министров с целью выработки оснований и порядка собраний будущих совещаний. На этом заседании Гавриил Романович указал на важность скорейшего составления инструкций для министров (их создание было предусмотрено Манифестом), в противном случае они будут постоянно вторгаться в полномочия друг друга и, таким образом, вновь созданные учреждения не принесут никакой пользы для дела упорядочения государственного управления. Это совершенно обоснованное его стремление размежевать сферы компетенций между отдельными министерствами, определить полномочия министерских служащих всех уровней, правила межведомственного документооборота, ввести трудовую дисциплину не встретило понимания и поддержки среди остальных министров. Несмотря на это, на следующий день, когда Комитет собрался в личном присутствии императора, Державин снова поднял вопрос о необходимости безотлагательного составления инструкции министрам. При этом он сообщил, что согласно Манифесту впредь до подготовки новых указаний он будет руководствоваться в своей повседневной деятельности инструкцией генерал-прокурора и, чтобы не допустить вторжения прокуроров в область дел, которые сейчас им неподведомственны, он даст им надлежащие по этому предмету указания в особых ордерах. Такие ордера с одобрения Александра I были разосланы прокурорам 26 октября 1802 г.

27 марта 1803 г. министр внутренних дел, граф Кочубей, обратился с запиской на имя императора. В ней он указывал, что создание подобных инструкций, в которых определялись права и обязанности министров, является не своевременным и излишним, так как ввиду назначения на эти должности лиц, пользующихся полным доверием монарха, и вследствие контроля за их деятельностью со стороны Сената нельзя предполагать возможности каких-либо с их стороны злоупотреблений властью. Император Александр I не принял во внимание эту точку зрения

и приказал каждому министру подготовить свои представления по вопросу порядка составления и самого содержания данных инструкций.

16 сентября 1802 г. прошло второе заседание Комитета министров, на котором генерал-прокурор Державин заострил внимание на том, где необходимо рассматривать дела, подведомственные министрам и попадавшие после министерской реформы вначале в Сенат: в Сенате или в министерствах? Комитет постановил, что все дела до особого распоряжения императора должны рассматриваться в Сенате. Вместе с тем император и остальные министры согласились с рекомендацией министра юстиции о том, чтобы ежегодные министерские отчеты рассматривались в общем присутствии Сената, а не в его Первом департаменте. Вместе с тем он настаивал на необходимости подачи министрами отчетов уже за первый год их руководства учреждениями. После одобрения этого предложения императором все отчеты были вовремя представлены министрами. Тем не менее сам Державин считал, что цель введения контроля Сената за деятельностью министерств осталась так и недостигнутой. Тогда же были рассмотрены и мелкие вопросы о делопроизводстве и о разграничении предметов ведения между Сенатом и Министерством юстиции [5, с. 10–11].

На заседании Комитета министров 19 сентября 1802 г. были рассмотрены и одобрены подготовленные Гавриилом Романовичем новые циркулярные распоряжения для прокуроров коллегий и губерний, закрепленные в Указе от 15 декабря 1802 г. «О доставлении ведомостей из присутственных мест о делах губернских прокуроров» [6]. В соответствии с этим Указом из учреждений на местах согласно установленной форме губернским прокурорам направлялись сведения о делах и колодниках, которые впоследствии перенаправлялись министру юстиции. Направляемая информация обязана была содержать ряд примечаний: «1) по какому случаю и поводу, в каком месте, какое дело началось, когда и как разрешилось, и по решению когда и куда послано на ревизию, сколько по какому делу под стражей и где арестанты содержимы были, когда оные освобождены были, с наказанием или без наказания, или куда посланы? 2) Как содержатся находящиеся под стражею преступники, то есть доставляется ли им пристойное пропитание? Разведены ли они сообразно важности каждого преступления, и отделяются ли присужденные уже к наказанию от обвиняемых? Имеют ли тюрьмы необходимые к человеческой жизни выгоды, как то: теплоту, сухость и свежий воздух, не изнуряются ли какими тяжкими сверх меры работами и паче каким-либо наказанием, и буде куды в работу посылаются, то получают ли узаконенный платеж?..» [6].

На собрании 21 ноября Державин предлагал создать особые сенатские комитеты, которые бы изучали жалобы, поступавшие на имя императора, но министры настояли на сохранении действовавшего порядка рассмотрения жалоб генерал-прокурором. 2 декабря 1802 г. прошло заседание, на котором министр юстиции выступил с предложением о необходимости рассмотрения спорных дел на общем собрании Московских департаментов Сената, по месту их обсуждения, т.е. в г. Москве, и не переносить их в петербургское общее собрание [7]. К собранию Комитета министров 5 декабря Гавриил Романович подготовил инструкцию и штатное расписание для своей канцелярии.

По инициативе Державина император 13 декабря 1802 г. подписал Указ, по которому мемории по судебным делам, принятым к рассмотрению, надо подготавливать на наличное число сенаторов и знакомить их с ними за две недели до начала рассмотрения дела. А сами судебные дела должны находиться в свободном доступе сенаторов для дополнительного изучения. Сенаторы, несогласные с решением, должны были в течение восьми дней дать письменные разъяснения на имя обер-прокурора или генерал-прокурора о причинах несогласия. В Московских департаментах на это отводилось три недели [8]. В развитие этого Указа 24 декабря Александр I издал Указ, по которому сенаторы, ознакомленные с материалами дела и отсутствовавшие на заседании, обязаны были в письменном виде представлять свое мнение по этим делам, а также стороны по уголовным делам получили право свободно знакомиться с материалами дела и иными бумагами, подготовленными в Сенате [9].

На заседании 8 мая 1803 г. Державин выступил с вопросом о польских метрических книгах, которые содержали данные о польских и литовских дворянских родах и их права на недвижимое имущество. Данные метрики были перевезены из г. Варшавы в г. Петербург. Гавриил Романович рекомендовал вместо коронной и литовской метрик образовать при Сенате специальную экспедицию (отдел) «Метрика присоединенных провинций», для выдачи просителям дубликатов и справок. Для содержания штата экспедиции предлагалось введение гербового сбора [4, с. 85]. Император согласился с мнением министра юстиции, и 9 июня 1803 г. был подписан Указ «Об учреждении при Сенате экспедиции под названием «Метрика присоединенных провинций»» [10].

2. Деятельность Г. Р. Державина по противодействию коррупции и установлению законности в действиях высших должностных лиц Империи

Сторонник старых порядков эпохи Екатерины Великой, в период правления которой прошла значительная часть его карьеры, Державин относился негативно и к некоторым проводившимся реформам, и к новым советникам императора, разрабатывавшим эти преобразования, а потому сразу же после назначения на должность министра юстиции и генерал-прокурора он вступил в открытую конфронтацию со своими коллегами.

Гавриил Романович как прямой и честный человек, не таясь, высказывал свои взгляды по наиболее важным проблемам государственного управления, не обращая внимания на то, что они нередко шли вразрез с мнением большинства и даже императора. За год своего пребывания на посту министра и генерал-прокурора было несколько таких случаев. По воспоминаниям самого Державина, самыми яркими и больно ударившими одновременно и по его авторитету, и по самолюбию оппонентов были вопросы о сроках воинской службы дворян, об утверждении закона о «вольных хлебопашцах», о заступничестве перед В. П. Кочубеем за председателя нижегородской уголовной палаты суда, об обмере и выравнивании площади казенных лесов, дозволении иезуитам распространять на территории России католическую веру и др. [4, с. 93–94]

На посту генерал-прокурора Гавриил Романович активно боролся с различными проявлениями мздоимства, произвола отдельных чиновников, превышения полномочий, а также несоблюдения закона.

В оставленных им записках указывается, что многие руководители министерств постоянно нарушали законы, регламентирующие порядок распоряжения государственными кредитами, при этом все протесты по линии генерал-прокурора оставались без внимания. Так, например, морской министр П. В. Чичагов в прямое нарушение закона заключил контракт на поставку флоту провианта на несколько миллионов рублей не только без разрешения Сената, но и без торгов и публикаций. Державин в качестве генерал-прокурора опротестовал данные действия морского министра, но протест этот не повлек за собой никаких последствий [11, с. 15].

Император Александр I, обеспокоенный ростом количества взяток, 18 ноября 1802 г. издал Указ «Об искоренении лихоимства» [12], в котором повелевалось подготовить проекты мер по борьбе со взятками. Державиным был разработан проект указа, который предполагал разграничение мер ответственности для лиц, дающих и принимающих мзду. Однако этот проект не был одобрен.

Борясь со взяточничеством в судебной системе, он предложил создать третейский суд, который он предполагал соединить с судом совестным.

«Ваш долг Монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать» [13, с. 65].

Суд этот, по мнению Державина, надлежало сделать обязательным, а посредников обратить в судей от правительства. Этим путем он надеялся прекратить взятки и доставить государству скорое и беспристрастное правосудие. Этот проект также не был одобрен.

Большое внимание Державин уделял вопросам, относящимся к юстиции. Так, под его руководством действовала специальная сенатская комиссия по пересмотру прежних уголовных дел. В период с ноября 1802 по май 1803 г. ею было разобрано большое количество дворянских прошений, заявлений чиновников о пересмотре решений по уголовным делам [14]. Г. Р. Державин обращал пристальное внимание на состояние тюрем и содержание заключенных-колодников в них. В 1803 г. на имя императора был подготовлен отчет о заключенных-колодниках в Российской империи. В нем отмечалось, что на начало 1802 г. в государстве находилось 91 060 заключенных, из них в течение 1802 г. выбыло 85 940 человек, таким образом, на начало 1803 г. на содержании у государства осталось лишь 5120 человек, лишенных свободы [4, с. 108].

Активная гражданская позиция Державина по вопросам расхищения казны, взяточничества, несоблюдения законодательства, а также его частое нежелание контрассигновать некоторые законы вызывали большое раздражение у министров и самого императора. Это привело к тому, что 7 октября 1803 г. Гавриил Романович Державин был уволен с должности министра юстиции и генерал-прокурора.

Заключение

Подводя итог 13-месячному руководству Г. Р. Державиним Министерством юстиции, хотелось бы отметить, что в своем ведомстве он не допускал проявлений лихоимства, контролировал деятельность подчиненных через постоянные ревизии, самостоятельно вникал в тонкости документов. По его инициативе были подготовлены и утверждены правила внутреннего распорядка – «Учреждение Департамента Министерства юстиции или генерал-прокурора», которые определили обязанности основных должностных лиц, входящих в состав Департамента: директора, экспедиторов, юрисконсультов, эзекутора. Все дела, подведомственные Министерству юстиции, распределялись по трем экспедициям Департамента. Благодаря энергичности и настойчивости Г. Р. Державина был принят ряд указов, касающихся межевых споров, содержания содержания колодников, избрания на государственные должности, правил прохождения государственной службы амнистированных дворян, порядка производства в чины по выслуге лет, представления на ревизию губернаторам приговоров местных уголовных судебных палат и проч. [4, с. 86]

Пристатейный библиографический список

1. *Приходько М. А.* Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. Вып. 11.
2. *Филиппов А. Н.* Исторический очерк образования министерств в России // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830 (далее – ПСЗ-I). Т. 27. № 20406.
4. *Цинцадзе Н. С.* Г. Р. Державин : на службе у трех императоров : в 3 ч. 2-е изд., испр. Тамбов : ТГУ, 2018. Ч. 3 : Государственная деятельность в царствование Александра I.
5. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I : в 2 т. СПб., 1888. Т. 1 : 1802–1810 гг. Отд. 2.
6. ПСЗ-I. Т. 27. № 20553.
7. ПСЗ-I. Т. 27. № 20546.
8. ПСЗ-I. Т. 27. № 21077.
9. ПСЗ-I. Т. 27. № 20566.
10. ПСЗ-I. Т. 27. № 20790.
11. Министерство юстиции за сто лет : 1802–1902 : исторический очерк. СПб. : Сенат. тип., 1902.
12. ПСЗ-I. Т. 27. № 20516.
13. *Державин Г. Р.* Изображение Фелицы / *Державин Г. Р.* Стихотворения. М. : Худож. лит., 1958.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 228.

References

1. *Prikhodko M. A.* The Secret Committee and the Development of Administrative Reforms in Russia at the Beginning of the 19th Century. *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University*, 2012, iss. 11. (In Russ.)
2. *Filippov A. N.* Historical Sketch of the Formation of Ministries in Russia. *Journal of the Ministry of Justice*, 1902, no. 9. (In Russ.)
3. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. St. Petersburg, 1830 (hereinafter – CCL-I). Vol. 27. No. 20406. (In Russ.)
4. *Tsintsadze N. S. G. R. Derzhavin: In the Service of Three Emperors.* In 3 parts. 2nd ed. Tambov: Tambov State University, 2018. Part 3: State Activity in the Reign of Alexander I. (In Russ.)
5. Journals of the Committee of Ministers. The Reign of Emperor Alexander I. In 2 vols. St. Petersburg, 1888. Vol. 1: 1802–1810. Ed. 2. (In Russ.)
6. CCL-I. Vol. 27. No. 20553. (In Russ.)
7. CCL-I. Vol. 27. No. 20546. (In Russ.)
8. CCL-I. Vol. 27. No. 21077. (In Russ.)
9. CCL-I. Vol. 27. No. 20566. (In Russ.)
10. CCL-I. Vol. 27. No. 20790. (In Russ.)
11. Ministry of Justice for a Hundred Years: 1802–1902: Historical Essay. St. Petersburg: Senate Printing House, 1902. (In Russ.)
12. CCL-I. Vol. 27. No. 20516. (In Russ.)
13. *Derzhavin G. R.* Image of Felitsa. In *Derzhavin G. R. Poems.* Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1958. (In Russ.)
14. Russian State Historical Archive. F. 1374. Op. 5. D. 228. (In Russ.)

Сведения об авторе:

П. В. Никитин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

P. V. Nikitin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 13.01.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-35-44>

УЧАСТИЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Михаил Борисович Аверин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
123022, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

maverin@hse.ru

Аннотация

Предметом настоящего исследования является участие в подавлении восстания Емельяна Пугачева выдающегося российского поэта и государственного деятеля Гавриила Романовича Державина, его работа в составе Секретной (следственной) комиссии. В статье анализируются основные цели и задачи работы Г. Р. Державина в качестве офицера и члена комиссии, а также конкретные меры, принимаемые для осуществления поставленных задач. Целью статьи выступает анализ взглядов Г. Р. Державина на проводимую правительственную политику и конкретные меры, направленные на подавление восстания. В статье использовались конкретно-исторический, сравнительный и биографический методы исследования. Автор приходит к выводу о том, что отличительными чертами деятельности Державина были инициативность, энергичность, планирование и детальная регламентация действий подчиненных. Однако, действуя в рамках данных наставлений, признавая их необходимость, не подвергая сомнению основания существующей общественно-государственной системы, Державин прекрасно осознавал ее отдельные пороки и доносил властям об одной из главных причин справедливого недовольства населения – повсеместных злоупотреблениях чиновников.

Ключевые слова: государственная деятельность Г. Р. Державина; подавление восстания Пугачева; причины восстания Пугачева; творчество Г. Р. Державина.

Для цитирования: Аверин М. Б. Участие Г. Р. Державина в подавлении восстания Емельяна Пугачева // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 35–44. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-35-44>

Research Article

PARTICIPATION OF G. R. DERZHAVIN IN THE SUPPRESSION OF THE EMELYAN PUGACHEV UPRISING

Mikhail B. Averin

HSE University, 3 Bolshoi Trekhsviatitelskii Lane, Moscow, 123022, Russia
maverin@hse.ru

Abstract

The subject of this study is the participation of the outstanding Russian poet and statesman Gavriil Romanovich Derzhavin in the suppression of the Emelyan Pugachev uprising, his work as a member of the Secret (investigative) commission. The article analyzes the main goals and objectives of the work of G. R. Derzhavin as an officer and a member of the commission, as well as specific measures taken to implement the tasks. The purpose of the article is to analyze the views of G. R. Derzhavin on the ongoing government policy and specific measures aimed at suppressing the uprising. The article used specific historical, comparative and biographical research methods. The author comes to the conclusion that the hallmark of Derzhavin's activity was initiative, energy, planning and detailed regulation of the actions of subordinates. However, acting within the framework of these instructions, recognizing their necessity, without questioning the foundations of the existing public-state system, Derzhavin was well aware of its individual flaws and reported to the authorities about one of the main reasons for the just discontent of the population – the widespread abuse of officials.

Keywords: state activity of G. R. Derzhavin; suppression of the Pugachev uprising; causes of the Pugachev uprising; creativity of G. R. Derzhavin.

For citation: *Averin M. B. Participation of G. R. Derzhavin in the Suppression of the Emelyan Pugachev Uprising. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 35–44. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-35-44>

Введение

Профессор Н. Н. Фирсов в речи, составленной к 100-летию со дня кончины поэта и государственного деятеля, с характерным названием «Г. Р. Державин как выразитель настроения российского дворянства в Екатерининскую эпоху» так описал его сложную личность: «Гавриил Романович Державин – оригинальная и, сверх того, типическая фигура. Оригинальность и типичность – понятия несовпадающие, а взятые в чистом виде и прямо противоположны; и редко встречаются такие люди,

как Державин, в которых логическое противоречие, заключающееся в указанных понятиях, осуществилось бы с такой необыкновенной резкостью» [1, с. 1].

Трудно не согласиться с подобной характеристикой. Действительно, Державин жил в чрезвычайно интересный период истории России, когда новые передовые идеи, свершения и достижения во внешней и внутренней политике соседствовали с крепостническим самодержавием, с объективно существующими и еще крепкими старыми общественными устоями. И в отдаленных от столиц местностях, обширных окраинах Империи такое несоответствие ощущалось все более и более явственно.

Эти две тенденции, но каждая по-своему отразились в деятельности и творчестве поэта. Как государственный деятель он усердно выполнял свои обязанности, защищая существующие порядки, одновременно стремился к устранению всякого рода несправедливостей и нарушений закона, а в качестве поэта Державин обличал пороки общественного устройства, воспевал достижения родного Отечества и представителей верховной власти, вельмож. Последнее Гавриил Романович делал, «иногда не без задней, карьерной мысли... – и в этом отношении он был типическим представителем екатерининской эпохи, создавшим этого рода деятельностью себе карьеру» [1, с. 26].

Он мечтал, как и почти любой дворянин того времени, о должностях, почестях, славе и богатстве. Служба Отечеству и монарху должна быть щедро вознаграждена. Лишь немногие, такие, например, как младший соратник Державина и третий министр юстиции И. И. Дмитриев, могли подняться над всем этим: «Его высочество наследник изволил отзываться, зачем я ничего не прошу? Что императору это было бы весьма приятно. Я стыдился бы и подумать о том, чтобы просить без всякой заслуги деревень и денег. К тому же тогда я и не подозревал, что домогательства такого рода между статскими, не исключая даже и первоклассных, вошли как будто в необходимую обязанность» [2, с. 144]. И Державин как человек своего времени с крайней настойчивостью просил за свои труды соответствующие им награды.

1. Начало работы Г. Р. Державина в Секретной комиссии

Неукротимое стремление к правде, соблюдению закона и справедливости в служебных делах, что находило отражение и в творчестве поэта, не раз создавало серьезные трудности в карьере. Кроме того, существовала и другая сторона его личности, многократно отмечавшаяся исследователями, которая заключалась в дерзости, неуживчивости, нетерпеливости, насмешливости и бесцеремонности, а порой даже грубости. Природная тяга к справедливости, усиленная вышеназванными качествами Державина, конечно, вызывала неудовольствие современников, а также гнев сильных мира сего. При всем этом одновременно Державин был общительным, добродушным и участливым к людям человеком [3, с. 146].

Началом трудного восхождения на олимп творческой карьеры и государственной службы, где проявился характер Гавриила Романовича Державина, стало его участие в подавлении восстания Емельяна Пугачева.

Литературное творчество, жизнь и служба поэта с середины XIX в. выступают объектом пристального внимания литературоведов, историков, биографов, а поз-

днее историков права. Неудобный по политическим соображениям для советских авторов период жизни Державина, связанный с подавлением восстания, был менее интересен его биографам. Это время, связанное лишь с началом творчества поэта, также вызывало значительно меньшее внимание иных исследователей [4; 5, с. 46–55; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.]. Фундаментальными трудами по данному периоду жизни являются работы академика Я. Грота [12; 13], который также опубликовал переписку Державина и другие материалы, относящиеся к деятельности поэта [14]. Конечно, важное значение имеют «Записки Державина» и отдельные документы периода восстания [15, с. 405–831], которые выступают ценными источниками для изучения действий властей, а также ряд научных публикаций по различным вопросам, связанным с поэтом и затрагивающим времена Пугачевского бунта [16, с. 33–40; 17, с. 199–208].

В самом конце ноября 1773 г. генерал-аншефу А. И. Бибикову императрицей были даны обширные полномочия в целях подавления разгоравшегося восстания Пугачева. Новому командующему войсками было поручено и проведение следствия в отношении бунтовщиков, которое возлагалось на Секретную (следственную) комиссию, располагавшуюся в Казани (впоследствии и в Оренбурге). В состав комиссии Бибиков имел право набрать двух гвардейских офицеров. Державин, узнав об открывшейся возможности проявить себе на службе, без всякого знакомства и протекции явился к генерал-аншефу и смог, не без труда, добиться назначения в комиссию. Еще в Петербурге, до отъезда в Казань, Державину становится известно о замысле некоторых солдат Владимирского гренадерского полка при первом удобном случае сдать бунтовщикам. Об этом незамедлительно было доложено Бибикову, а сведения о злоумышленниках впоследствии нашли свое подтверждение [12, с. 92–93]. По прибытии в Казань Державин начал незамедлительно собирать информацию от приезжих крестьян о настроении населения и о продвижении повстанцев.

2. Приемы и методы в деятельности Г. Р. Державина при подавлении восстания Пугачева

Тем временем обстановка накалялась, восстание приобретало все больший размах. В самом конце декабря 1773 г. Державин получил поручение от Бибикова прибыть для производства следствия в Самару через Симбирск, одновременно наблюдая за состоянием и моральным духом войск. После освобождения от бунтовщиков Самары требовалось выявить там всех виновных в сдаче города и в окопах отправить в Казань, а менее важных пособников наказать плетью. Уже по дороге в Симбирск Державин столкнулся с тем, что местный староста отказался давать сменных лошадей. Лишь пистолет, приставленный к горлу, заставил старосту выполнить требование.

В докладе от 5 января 1774 г. Державин сообщает Бибикову, что войска находятся в полном порядке, офицеры выполняют «свое звание нарочито похвально», от военных властей был получен список местных пособников и прежде всего священнослужителей [14, с. 3–4]. Пойманных непосредственных бунтовщиков предлагается прислать в Казань, так как эти «враги и злодеи отечества», по мнению Державина,

вина, не могли быть наказаны только плетью перед жителями Самары – «грубым и развращенным изменою народом». Виновных в переговорах с восставшими священников следовало отправить в Секретную комиссию лишь после присылки новых, дабы не лишать население церковной службы [14, с. 4].

Дельные распоряжения Державина были одобрены Бибиковым, и вскоре он уже участвует в походе на Алексеевскую крепость, где по приказанию командующего для устрашения населения приказывает бить плетью местных поселенцев – отставных гвардейских солдат, поддержавших бунтовщиков. По возвращении в Самару усердно трудится, много пишет, продолжая следственные действия, готовит алфавитный список главных сообщников Пугачева и пострадавших от действий восставших лиц. Кроме того, ведет журнал деловой переписки и готовит описание мер правительственных сил по подавлению бунта. Одновременно сочиняет увещательное послание восставшим калмыкам с некоторыми довольно бестактными с точки зрения верховной власти выражениями, которое, после прочтения императрицей, вызвало ее неудовольствие. Однако сочиненная Державиным высоким и торжественным слогом (представлена как написанная «казанским дворянином» без указания его имени) Благодарственная речь императрице от казанского дворянства, опубликованная также в печати, вызвала похвалу монарха.

Даровитый, инициативный и деятельный офицер вызвал расположение Бибикова. В марте 1774 г. Державин получает новое поручение – ехать в Саратов и его окрестности, с. Малыковка, получив специальное секретное наставление. Официально Державин отправлялся для встречи и препровождении отряда казаков, однако в действительности ему поручалась работа в рамках функций Секретной комиссии, а именно осуществление действий, направленных на поимку Пугачева, – поиск возможных сообщников и укрывателей бунтовщика, подбор необходимых для этих целей агентов, обещание соответствующего вознаграждения за помощь властям. Кроме того, наставление предписывало собирать информацию о намерениях и действиях восставших, их численности и связях, а также о настроениях местного населения («обманутых и колеблющихся») и способах отвращения народа от «самозванца», обличения его обманов и оболъщений [14, с. 12–13]. В этих целях Державин получил 400 руб. на поощрение помощников из местного населения, цифровой шифр и местных жителей в качестве агентов – крестьян Ивана Серебрякова (характеризовался в качестве плута и авантюриста) и Трофима Герасимова из дворцового с. Малыковка, а также отдельные письма к астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову и дворцовому и экономическому управителям Малыковской волости с требованием оказания содействия.

По прибытии на место Державин немедленно развил энергичную деятельность, встречая отдельные трудности, недопонимание и противодействие отдельных представителей местных властей, работая в тесном контакте с Герасимовым, Серебряковым (последние со своими соглядатаями) и лазутчиками, которые посылали ему подробные донесения. Однако смерть генерал-аншефа А. И. Бибикова и назначение на должность главнокомандующего графа П. И. Панина со временем осложнили положение Державина, который сблизился с генерал-поручиком князем П. М. Голицыным и новым главой Секретной комиссии графом П. С. Потем-

киным. Неосмотрительность Державина и стечение обстоятельств сделали Панина могущественным врагом поэта.

В письме от 12 июля 1774 г. в Малыковское правление Гавриил Романович характеризует большинство местных представителей власти (сотников, пятидесятников, старост и десятников) в качестве пьяниц, плутов, грабителей и пособников воров, которые под видом осмотров занимаются грабежом населения, не выполняя свои обязанности. Державин предлагает переизбрать данных чиновников из «первостатейных мужиков, людей надежных». По замыслу Державина, последние должны были ловить «злодеев», доносить на их пособников и укрывателей. Местные власти были обязаны производить допросы подозрительных лиц, следить за работой караульчиков на дорогах, выявлявших всех неблагонадежных, а также производить периодические осмотры улиц с обязательным утренним рапортом [14, с. 130–131]. На берегу Волги был установлен пикет.

После пожара, уничтожившего большую часть Малыковки, Державин, уезжая в Саратов, в оставленной инструкции дает следующие наставления: «В случае необходимости, имеющихся здесь колодников, а паче по секретному делу забрать в Саратов, также и первостепенных мужиков, жен и детей, под видом для сохранения их, а на самом деле для того, чтобы мужья их, будучи сами верными, старались лучше уговаривать народ и находили средство к истреблению злодеев» [14, с. 136]. Фактически речь идет о заложниках. Однако тяжелое положение требовало применения еще более суровых мер. Население, по словам Державина, в лучшем случае колебалось, и при появлении повстанцев «нет надежды никак за верность жителей поручится. По народным слухам вижу, что всякий... ждет уповаемого им Петра Федоровича [т.е. Пугачева. – М.А.]». Милосердие, по мнению Державина, уже не действует, нужны строгие меры, например, прислать виновных и подвергнуть их на месте смертной казни для устрашения народа [14, с. 147].

Видя неготовность Саратова к обороне, Державин предлагает ряд решительных мер, направленных на ее усиление. Однако план мероприятий не находит должного одобрения среди представителей местной власти. От выборного от Малыковской волости Ивана Вавилина Гавриил Романович требует в случае измены угрожать народу смертной казнью. Но что народ, даже немецкие колонисты, судя по письму Державина о взятии повстанцами Саратова, взбунтовался, и многие присоединились к восставшим [14, с. 180].

Тема злодеяний бунтовщиков постоянно присутствует в донесениях Державина. Конечно, потери восставших, включая привлеченных к уголовной ответственности, были велики, но только по неполным данным участниками восстания было убито около 1600 дворян, членов их семей, 237 священников и 1037 офицеров и чиновников [18, с. 202]. И правительство, как видим, принимает все возможные меры, направленные на умиротворение восставших территорий.

Державин же действует в рамках данных ему предписаний и сам чуть не попадает в руки Пугачева. Он отдает приказ публично повесить одного из убийц Серебрякова, погибшего вместе с сыном от рук беглых солдат, и сетует на то, что не смог высечь жителей с. Алексеевка; просит кн. Голицина прислать к нему пойманного малыковского крестьянина Борисенка, обвиняемого в убийстве местного казна-

чая Тишина, его жены и малолетних детей, для получения перед теми же «жителями, пред которыми совершил свое варварство» возмездия [14, с. 201]. Судя по всему, остальных двух или трех пойманных местными селянами виновных в убийстве казначея Державин велел повесить, а жители, с радостью принявшие бунтовщиков, были биты плетью (по «Запискам» Державина – 200 человек) [15, с. 505].

Также Державин предпринимает неудачную попытку заслать к восставшим с целью убийства Пугачева крепостного крестьянина Быликина, выделив ему 70 руб.

Большой удачей для Державина становится подготовка и командование военной экспедицией (в составе 600 человек собранного ополчения из местных мужиков, 25 гусар и двух офицеров) против набега казахов (киргиз-кайсаков), захвативших большое число пленников, в основном немецких колонистов. По рапорту кн. Голицину от 5 сентября 1774 г. было освобождено 811 колонистов и 20 малороссиян [14, с. 209]. Эту блестящую победу отметил А. В. Суворов, приславший поэту ордер от 10 сентября 1774 г.

Победа стала весомым аргументом в долгой борьбе Державина за милости от императрицы по результатам его участия в подавлении восстания. Важно отметить, что в последующих прошениях Державина детали его похода несколько меняются: «Прикрыл колонии от расхищения киргизцев и, разбивши их, отнял у них плену около 1000 человек колонистов одними собранными мною мужиками» [14, с. 270]. Далее в прошении на имя возвысившегося Г. А. Потемкина Державин сетует, что целый год находился в гнезде бунтовщиков, не имея не одного помощника, два раза чуть не оказался в руках Пугачева, потерял все (имеются в виду разграбленные деревни), а за все эти заслуги имеет лишь похвальный ордер. Только после длительных усилий, в феврале 1777 г., Державин получил 300 душ в Белоруссии и гражданский чин коллежского советника.

В секретном наставлении, данном Бибиковым, было положение о выяснении настроения населения, выявлении способов его отвращения от «обмана» бунтовщиков. В письме от 4 июня 1774 г. казанскому губернатору и главе Казанской секретной комиссии Я. Л. Бранту Державин пишет, что для восстановления спокойствия в крае ничего не нужно, «но (если смею доложить вашему в-пр.) надобно остановить грабительство или, чтобы сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое совершенно истощает людей... лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними дело, грабит их. Это делает легковверную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это более поддерживает язву, которая свирепствует в нашем отечестве» [14, с. 110–111]. Далее Державин пишет, что по поручению Бранта готов войти по данному поводу с рапортом куда следует.

Заключение

Таким образом, Державин, работая в Секретной комиссии в период подавления восстания Пугачева, занимался крайне широким кругом вопросов в рамках следственно-судебной и полицейской деятельности, а также принимал непосредственное участие в военных операциях. Отличительными чертами действий Гавриила Романовича были инициативность, энергичность, планирование и подробные инс-

структурирование и регламентация действий подчиненных, что само по себе было выдающимся явлением. Хотя, конечно, служебное положение Державина и обстоятельства предопределили его скромную роль в общих усилиях, направленных на подавление восстания. Отдельно следует отметить активную агитационную работу с населением, которая, следует признать, сопровождалась и жестокими карательными мерами. Однако, действуя в рамках данных наставлений, признавая их необходимость, Державин прекрасно осознавал и доносил властям об одной из главных причин справедливого недовольства населения – злоупотреблениях чиновников любого уровня, видя в этом основной порок родного Отечества. Тема недостатков, присущих обществу, становится ключевой и в одах поэта, написанных в рассматриваемый период. Можно утверждать, что именно в это время окончательно формируется тот государственный деятель и поэт, которого мы хорошо знаем, – обличитель порока и несправедливостей, ярый поборник законности и верноподданный, который верит в возможность усовершенствовать существующую систему. Известный советский литературовед А. А. Западалов писал, что «по уровню развития, по своему мировоззрению Державин не смог подняться над веком, как это сделал Радищев, гениально понявший смысл крестьянской войны...» [10, с. 22]. Однако думается, что, лишь лично познакомившись с ужасами «крестьянской войны», можно понять мировоззрение Державина:

«Тогда ни вран на трупе жить,
 Ни волки течь к телам стадами
 Не будут, насыщаясь нами,
 За снесь царей благодарить;
 Не будут жатвы по плененны,
 Не будут села по паленны,
 Не прольет Пугачев кровей» [19, с. 309].

Пристатейный библиографический список

1. *Фирсов Н. Н.* Г. Р. Державин как выразитель российского дворянства в Екатерининскую эпоху : Речь, составленная к столетнему юбилею Державина со дня его смерти. Казань, 1919.
2. *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М. : Тип. В. Готье, 1866.
3. *Грот Я.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб. : Имп. Акад. наук, 1880.
4. *Замостьянов А. А.* «Чрез звуки лиры и трубы...» (из истории дружбы Державина и Суворова) // Державин и его время : сборник научных статей. Вып. 11 / под ред. Н. П. Морозовой. СПб. : Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2016.
5. *Приказчикова Е. Е.* Рецепция гинекратического начала государственного мифа русской литературы в творчестве Г. Р. Державина // Вестник СГПУ. 2013. № 6 (27).
6. *Михайлов О. Н.* Державин. Романизированное описание исторических происшествий и подлинных событий, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М. : Молодая гвардия, 1977.

7. *Цинцадзе Н. С.* Г. Р. Державин : на службе у трех императоров : в 3 ч. 2-е изд., испр. Тамбов : ТГУ, 2018. Ч. I : Государственная деятельность в царствование Екатерины II.
8. *Западалов А.* Державин. М. : Молодая гвардия, 1958.
9. *Серман И. З.* Гаврила Романович Державин. Л. : Просвещение, 1963.
10. *Западалов А.* Мастерство Державина. М. : Советский писатель, 1958.
11. *Бриллиант С. М.* Г. Р. Державин. Его жизнь, литературная деятельность и служба : библиографический очерк. СПб. : Типолит. К. И. Салова и К., 1893.
12. *Грот Я.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб. : Имп. Акад. наук, 1880.
13. *Грот Я.* Материалы для биографии Державина 1773–1777. Деятельность и переписка Державина во время Пугачевского бунта. СПб. : Имп. Акад. наук, 1861.
14. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 5: Переписка. СПб. : Имп. Акад. наук, 1869.
15. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6: Переписка (1789–1816) и «Записки». СПб. : Имп. Акад. наук, 1871.
16. *Ларкович Д. В.* Пугачевский бунт в лирическом осмыслении Г. Р. Державина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2007. № 2.
17. *Цинцадзе Н. С.* Феномен Г. Р. Державина в государственно-политической жизни России последней трети XVIII – начала XIX в. // Вестник ТГУ. 2014. Вып. 4 (132).
18. *Александр Дж. Т.* Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа : ИП Галиулин Д. А., 2012.
19. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 3 : Стихотворения. Ч. III. СПб. : Имп. Акад. наук, 1866.

References

1. *Firsov N. N.* G. R. Derzhavin as a Spokesman for the Russian Nobility in the Catherine Era: A Speech Composed for the Centennial Anniversary of Derzhavin from the Day of His Death. Kazan, 1919. (In Russ.)
2. *Dmitriev I. I.* A Look at My Life. Moscow: W. Gauthier's Printing House, 1866. (In Russ.)
3. *Grot Ia.* Derzhavin's Life According to His Writings and Letters and According to Historical Documents. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. (In Russ.)
4. *Zamostianov A. A.* "Through the Sounds of the Lyre and Trumpet ..." (From the History of Friendship Between Derzhavin and Suvorov). In *Morozova N. P. (ed.)* Derzhavin and His Time: A Collection of Scientific Articles. Issue 11. St. Petersburg: All-Russian Museum of A. S. Pushkin, 2016. (In Russ.)
5. *Prikazchikova E. E.* Reception of the Gynecratic Beginning of the State Myth of Russian Literature in the Work of G. R. Derzhavin. *Bulletin of SGPU*, 2013, no. 6 (27). (In Russ.)
6. *Mikhailov O. N.* Derzhavin. Romanized Description of Historical Incidents and True Events That Embody the Life of Gavriila Romanovich Derzhavin. Moscow: Molodaia gvardiia, 1977. (In Russ.)

7. *Tsintsadze N. S.* G. R. Derzhavin: In the Service of Three Emperors. In 3 parts. 2nd ed. Tambov: Tambov State University, 2018. Part I: State Activity in the Reign of Catherine II. (In Russ.)
8. *Zapadalov A.* Derzhavin. Moscow: Molodaia gvardiia, 1958. (In Russ.)
9. *Serman I. Z.* Gavriila Romanovich Derzhavin. Leningrad: Prosveshchenie, 1963. (In Russ.)
10. *Zapadalov A.* Derzhavin's Skill. Moscow: Sovetskii pisatel, 1958. (In Russ.)
11. *Brilliant S. M.* G. R. Derzhavin. His Life, Literary Activity and Service: A Bibliographic Essay. St. Petersburg: K.I. Salov & K.'s Printing House, 1893. (In Russ.)
12. *Grot Ia.* Derzhavin's Life According to His Writings and Letters and According to Historical Documents. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. (In Russ.)
13. *Grot Ia.* Materials for the Biography of Derzhavin 1773–1777. Activities and Correspondence of Derzhavin During the Pugachev Rebellion. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1861. (In Russ.)
14. Works by Derzhavin with Explanatory Notes by Ia. Grot. Vol. 5: Correspondence. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. (In Russ.)
15. Works by Derzhavin with Explanatory Notes by Ia. Grot. Vol. 6: Correspondence (1789–1816) and "Notes". St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1871. (In Russ.)
16. *Larkovich D. V.* Pugachev Rebellion in the Lyrical Interpretation of G. R. Derzhavin. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2007, no. 2. (In Russ.)
17. *Tsintsadze N. S.* The Phenomenon of G. R. Derzhavin in the State-Political Life of Russia in the Last Third of the 18th – Early 19th Centuries. *Bulletin of TSU*, 2014, iss. 4 (132). (In Russ.)
18. *Alexander J.T.* Russian Power and the Uprising Under the Leadership of Emeilian Pugachev. Ufa: IP Galiulin D.A., 2012. (In Russ.)
19. Works by Derzhavin with Explanatory Notes by Ia. Grot. Vol. 3: Poems. Part III. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1866. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. Б. Аверин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

M. B. Averin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 11.01.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-45-53>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В КАЧЕСТВЕ ГУБЕРНАТОРА В 1784–1788 ГГ.

Дарья Борисовна Милованова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

avdasha@yandex.ru

Аннотация

Гавриил Романович Державин являет собой пример истинного гражданина и государственного человека, любящего свое Отечество и честно и профессионально исполняющего свой долг. Важным событием в карьере Г. Р. Державина стало его назначение на пост губернатора в 1784 г. в Олонецкое наместничество, а затем в 1786 г. в Тамбовскую губернию. В этот период раскрылся его талант как грамотного управляющего и реформатора, сумевшего в сложных условиях повысить качество работы органов местной власти и наладить делопроизводство на основе строго соблюдения законов. Многие его разработки этого периода были положены в основу реформ, проводимых им в дальнейшем на посту министра юстиции и генерал-прокурора, а заложенные им основы делопроизводства и документооборота оказались настолько эффективны, что применяются до сих пор.

Ключевые слова: губернатор; документ; структура документа; предписание; логика изложения; делопроизводство; документооборот.

Для цитирования: *Милованова Д. Б.* Деятельность Г. Р. Державина в качестве губернатора в 1784–1788 гг. // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 45–53. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-45-53>

Research Article

THE ACTIVITY OF G. R. DERZHAVIN AS A GOVERNOR IN 1784–1788

Daria B. Milovanova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

Abstract

Gavriil Romanovich Derzhavin was an example of a true citizen and statesman who loved his Fatherland and honestly and professionally performed his obligations. The appointment as a governor in 1784 to the Olonets province and in 1786 to the Tambov province was an important event in the career of G. R. Derzhavin. During this period his talent as an effective manager and competent reformer was revealed, he managed to improve the quality of the work of local authorities in difficult conditions and establish office work on the basis of strict compliance with the laws. Many of his developments formed the basis for the reforms he managed later as Minister of Justice and Prosecutor General. His developments of office management and document management turned out to be so effective that they are still being used.

Keywords: governor; document; structure of document; prescription; logic of presentation; office management; document management.

For citation: *Milovanova D. B.* The Activity of G. R. Derzhavin as a Governor in 1784–1788. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2, pp. 45–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-45-53>

Введение

Гавриил Романович Державин в задуманном и начатом в 1812 г. сочинении «Рассуждение о достоинстве государственного человека» оставил потомкам загадку, так как оно не было окончено и сохранилось только в виде набросков в трех подготовительных редакциях. Однако это сочинение предваряют «Записки из известных всем произшествиев и подлинных дел...», в которых он описывает свою жизнь и деятельность на протяжении 40 лет государственной службы, на которой «без всякой подпоры и покровительства, начав с звания рядового солдата и отправляя чрез двенадцать лет самую нижнюю должность, дошел сам собою до самых высочайших» [1]. Эти «Записки...» как нельзя лучше раскрывают представления Г. Р. Державина о том, каким должен быть «идеаль или мысленный образъ государствен-

наго человека», так как на протяжении всей своей жизни он *«шелъ всегда къ единой и той же цели, чтобъ служить отечеству и государю»* и быть примером *«для созерцания юношества достойнаго государственнаго человека»*.

Особенно показательна в этом отношении деятельность Г. Р. Державина в качестве губернатора. Указом Императрицы Екатерины II от 20 мая 1784 г. Г. Р. Державин был назначен губернатором в Олонецкую область, которая была выделена из состава Петербургской губернии и преобразована в самостоятельное наместничество, а через год был переведен в Тамбовскую губернию, где занимал должность губернатора до 1788 г. В этот период раскрылся его талант как государственного служащего, эффективного управляющего, сумевшего повысить качество работы органов местной власти и наладить документооборот на основе строго соблюдения законов. Все это происходило, во-первых, в сложных климатических условиях севера (непроходимые тундровые леса и болота), когда в условиях отсутствия дорог сообщение между уездами было очень затруднительным, и, во-вторых, в условиях разгула произвола местной власти [2, с. 46–47]. Перед Г. Р. Державиным стояла непростая задача наладить управление работой органов местной власти в условиях процветания взяточничества и казнокрадства, организовать осуществление контроля за деятельностью местных чиновников, которые зачастую не знали и не соблюдали законы, на местах занимались самоуправством и собственным обогащением за счет казны, указы и распоряжения исполняли формально, не заботясь о людях и об эффективном разрешении дел.

Деятельность Г. Р. Державина в решении данных проблем находит отражение в документах из его «Записок...». Эти документы представляют собой интерес как с точки зрения содержательного наполнения, так и с точки зрения композиционного построения, логической последовательности повествования, используемых способов и приемов оформления текстов документов.

1. Деятельность Г. Р. Державина в должности губернатора Олонецкого наместничества в 1784–1785 гг. и особенности некоторых документов этого периода

За 13 месяцев работы в Олонецкой губернии Г. Р. Державин основал г. Кемь, открыл первую больницу, аптеку, создал народные училища, губернский архив, почтовую службу, составил топографическое и этнографическое описание губернии, разработал административные уставы, правила для ряда учреждений и многое другое [2, с. 47]. Сам Г. Р. Державин наиболее важными своими достижениями в должности губернатора Олонецкого наместничества считал: пресечение крестьянского возмущения, которое нарастало из-за того, что пахотные земли у крестьян отбирали и взамен им давали «пустопорожние» участки, расположенные в дремучих лесах, местах непроходимых болот или на каменистой почве (*«чрезвычайно заваленные камнями»*); открытие больницы на 40 человек; *«установление пограничной таможенной стражи между Россиею и шведскою Лапландиею»*; организацию взаимовыгодной торговли хлебом со шведами [3].

Рассмотрим некоторые документы этого периода.

Об уклонении мещанъ и крестьян от рекрутскаго набора [4, с. 54]: *«Не безызвестно наместническому правлению, что посланы были из онаго указы во все нижние*

земские суды и городские магистраты о доставлении сведений о всех мещанах и крестьянах, которые самовольно отлучились от рекрутского набора; но какъ въ бытность мою въ Корельской трети объявлено мне, что онаго указа въ получении не было, то наместническому правлению предлагаю: благоволить отобрать отъ петрозаводскаго нижняго земскаго суда, для чего вышереченный указъ не былъ тамъ объявленъ до сего времени, и для чего не прислана ведомость о бежавшихъ отъ рекрутства крестьянахъ. 20 июля 1785. Янишполь».

Этот небольшой по объему документ свидетельствует о неисполнении указа о том, что наместническому правлению должны поступать сведения обо всех мещанах и крестьянах, «которые самовольно отлучились от рекрутского набора», в связи с чем Г. Р. Державин требует «от петрозаводскаго нижняго земскаго суда» дать объяснение, почему этот указ не был там объявлен и не была прислана ведомость о бежавших от рекрутства крестьянах. Текст документа по форме представляет собой приказ, в котором ключевым смысловым типом речи является предписание: «*благоволить отобрать объяснение*» – наместническое правление должно потребовать объяснение (ср. совр. объяснительная записка). В первой части текста документа изложено основание, которое послужило поводом к изданию данного распоряжения: сообщение о том, что данный указ не был получен петрозаводским нижним земским судом, хотя он был разослан во все нижние земские суды. Формула благоволить + inf. является устойчивой конструкцией в документах Г. Р. Державина, содержащих предписание: *благоволить приказать, благоволить предписать, благоволить дать указ*. При этом часто она следует за другой устойчивой конструкцией, вместе с которой образует смысловое единство: «*Наместническому правлению предлагаю: благоволить отобрать объяснение...*». Конструкция «*наместническому правлению предлагаю*» следует за изложением обстоятельств дела и структурирует весь текст приказа, разделяя его на две части: основание и распоряжение.

О спорах и неустойках в народе по поводу генерального межевания [4, с. 56]: «*...наместническому правлению предлагаю: сообщить во известие казенной палате и требовать, чтобы приказы экспедиции экономии директора, относящиеся къ генеральному по губернии разделению земель и по спорамъ объ оныхъ, отъ старость отобраны были немедленно... Когда же г. экономии директоръ самолично обозреть земли количество ихъ и качество и доставить в наместническое правление обстоятельныя, требуемая отъ него объ оныхъ ведомости, тогда о разделе земель последуетъ общее положение и всякий по разбирательству судному ими удовольствованъ быть можетъ безобидно. 31 июля 1785. Пудожъ».*

Этот документ также представляет собой развернутый приказ, состоящий из небольшой вводной части и подробных указаний относительно распределения земельных участков между крестьянами: известить казенную палату и требовать изъять у старост приказы директора экономии, относящиеся к генеральному разделению земель, в связи с возникающими спорами между крестьянами. Если это сделано не будет и Державину станет известно о неудовольствии и возмущении народа из-за распределения земель, разослать его указы во все нижние земские суды и велеть изъять приказы директора экономии у старост, о чем доложить генерал-

губернатору и Сенату. В данных указах сообщить, что если вопросы о распределении земель не были урегулированы мирными переговорами между «поселянами», то люди должны остаться «при прежних своих владениях» и должны быть спокойны до издания «генерального о землях по всей губернии рассмотрения». Директор экономии «самолично» должен осмотреть земельные участки, их качество и количество и предоставить в наместническое правление подробный отчет.

Данный вопрос в силу его значимости, а также трудностей, возникающих с его урегулированием, не раз становился предметом специальных указов Г. Р. Державина. Двумя днями ранее в документе, именуемом «О ссорах между крестьянами Вытегорского уезда...» [4, с. 59], Г. Р. Державин уже указал на то, что в Вытегорском уезде не исполняется указ наместнического правления о распределении земельных участков, а приказ директора экономии спровоцировал между крестьянами раздоры и драки, «*близкія къ смертоубивству и междоусобному возмущенію*». В данном документе следует обратить внимание на логическую последовательность изложения и структуру документа. Здесь присутствует общее обоснование предписаний, заключающееся в опасениях относительно возможного крестьянского бунта, что вызывает особенную тревогу в связи с недавним восстанием крестьян под предводительством Пугачева: «*Всякому небезызвестно, сколь важны... в каком-либо крае по землям раздоры и какие бывають отъ нихъ губительныя бедствія; то в предупреждения чего-либо подобнаго, по вверенной мне губернии произойти могущаго, наместническому правлению предлагаю учинить следующее...*». Далее следуют подробные распоряжения, которые изложены в виде списка из шести пунктов: 1) олонецкой казенной палате изъять у старост все приказы о разделении земель между крестьянами; 2) директору экономии дать объяснение, на каком основании казенная палата самовольно издала приказы об отобрании земель; 3) директору экономии Ушакову дать объяснение, на каком основании приступил он к перераспределению земель, не ставя об этом в известность наместническое правление и не дожидаясь единого предписания о разделении земель по всей губернии; 4) запретить директору экономии издавать и посылать старостам приказы, «*которыми почти предписываетъ она [казенная палата] упорствовать нижнему земскому суду и не исполнять его указовъ*»; 5) «*Съ прописаниемъ сего предложения, известить его в-пр.*»; 6) если все вышеперечисленное не будет сделано, отрапортовать пр. Сенату «*во известіе, дабы в случае распространения раздоровъ по разделу земель не могло оно [наместническое правление] понести какого на счет свой предосуждения или взысканія*».

Следует отметить, что в данном документе каждое поручение Г. Р. Державина сопровождается подробным обоснованием и детальным анализом ситуации. В разрешении данного вопроса обращают на себя внимание такие черты деятельности Г. Р. Державина, как внимательное отношение к проблеме, полная осведомленность и стремление разобраться во всех аспектах дела, желание и намерение не спешить с принятием решений и справедливо урегулировать вопрос, учитывая интересы всех сторон. «*Во всякомъ почти жителъстве, где токмо быть мне случилось, приступали ко мне крестьяне толпами и требовали моего рассмотренія. Трудившіеся с проліяніемъ своего пота и обработавшіе своим иждивеніем*

и своими руками землю хлебопашцы жаловались, что у них отняли или отнимают не только полевые, но даже и запольные их распахки, никогда не прилежавшие къ трудамъ тунядцы, или те, которые обращаясь в другихъ промыслахъ, никогда не радели удобрять своихъ земель, и велятъ вместо отобранныхъ ими загоновъ распахивать заросшия, или совсем новыя нивы...».

2. Деятельность Г. Р. Державина в должности губернатора Тамбовской губернии в 1786–1788 гг. и особенности некоторых документов этого периода

Находясь в должности губернатора Тамбовской области, Г. Р. Державин наладил делопроизводство на основе единообразия оформления записи дел и документов, упорядоченности и упрощенности рассмотрения дел: завел реестры дел, т.е. описи в журналах, в которых советники и губернатор ежедневно ставили резолюции по каждому делу в соответствии с законом; дела объединялись по содержанию, и если они были однотипными («того же роду») и требовали одинаковой резолюции, то *«написав на первое [дело] резолюцию, согласную апробованным прежде таковым же [делам], последующия [дела] советник разрешал одним словом: тоже, тоже»*. Кроме того, Г. Р. Державин разработал и установил порядок, в соответствии с которым составлялся еженедельный реестр сообщений о делах, требующих обнародования и извещения во всех уголках губернии. С этой целью распечатанные в типографии листы с сообщениями в нескольких экземплярах рассылались по присутственным местам и земским избам, где земские писари должны были расписаться в том, что ознакомлены с публикацией. Экземпляры с подписанными листами возвращались и *«прибывались по церквам, базарам и ярмаркам, к сведению всего народа»*. *«Таким образом в весьма краткое время извещалась вся губерния самым делом, а не на письме только, о разрешении и запрещении имени, о подрядах и откупах, о беглых рекрутах и о прочем, о чем неточныя публикации производят в делах не токмо замешательство и затруднение, но и самыя злоупотребления»* [3]. Таким порядком вводилась личная ответственность за исполнение документа и упрощался документооборот.

Приведению дел в порядок препятствовал генерал-губернатор, который старался скрыть многочисленные случаи растрат и неуплаты денежных средств в казну. Так, в документе *«О неучинении пособия привесть дела по архиве в известность и порядок»* [4, с. 160] Г. Р. Державин сообщает, что, когда он принял управление губернией, ведение дел осуществлялось небрежно, многие дела были запущены и *«не нашель онъ повеленныхъ законами исправно заведенныхъ докладныхъ и настольныхъ реестровъ и прочихъ книгъ»*, поэтому невозможно было понять, какие дела оставались нерешенными. Когда Г. Р. Державин доложил генерал-губернатору *«о разныхъ неустройствахъ, найденныхъ по губернии»*, никакой реакции на это не последовало. И Г. Р. Державин поручил председателю верхнего земского суда разобрать дела на решенные и нерешенные. Решенные дела были описаны и отданы в архив. А о нерешенных доложено не было, так как не хватало канцелярских служителей и им не выделялось жалованье. При этом генерал-губернатор брал для нужд своей канцелярии по 350 руб., на которые можно было бы содержать излишнее число канцелярских служителей *«для приведения дель по архиве*

въ порядокъ и для приискания законовъ». И когда от него потребовали отчет о расходовании 350 руб., учитывая, что все необходимые канцелярские товары были в наличии, то «онаго отъ него не токмо никогда учинено не было», «но напротивъ изъявлено негодование».

Сведения о том, что имеют место хищение казенных денег, недобор рекрутов и сокрытие счетов о рекрутских недоборах за шесть лет, что казенная палата не посылает счетов (отчетности) и что *«документы к темъ счетамъ... были въ крайнемъ беспорядке и разбросаны»*, содержатся и в других документах этого периода: *«О потворстве забирать и пользоваться непозволеннымъ образомъ казенными деньгами»*, *«О непосылке казенною палатою въ надлежащее место счетовъ»*, *«О запрещении приискивать в архиве законы»* и мн. др.

Из других важных достижений Г. Р. Державина в период управления Тамбовской губернией можно выделить упорядочение процесса сбора налогов для пополнения государственной казны; учреждение типографии, в которой печатались сенатские указы, предписания губернского правления, а также губернские ведомости о ценах на хлеб, *«чем обуздывалось своевольство и злоупотребление провиантских комиссионеров»*; составление топографии Тамбовской губернии и описание русла реки Цны с исследованием «препятствий и затруднений» для осуществления успешного судоходства. Исследование реки было осуществлено с целью организации эффективной перевозки хлеба судами: *«Когда по высочайшему повелению поручена была губернатору закупка хлеба для санктпетербургскаго запаснаго магазейна, то чтобъ отвратить гибель судамъ, бываемую въ водополье по реке Цне, и устроить лучшимъ образомъ судоходство, губернаторъ собралъ все подлежащая к тому сведения и, сочинивъ проектъ, отослалъ правящему ген.-губ. должность...»* [4, с. 162].

Также необходимо отметить проводимую Г. Р. Державиным очень важную и значимую с правовой точки зрения работу по разграничению видов наказаний преступников в зависимости от категории совершенного преступления и степени вины и по улучшению условий содержания заключенных: *«разработал по точной силе законов вины преступников, содержащихся без всякаго прежде различия в тюрьмах, сделав распоряжение кого отпустить на росписки и поручительство, кого содержать строже, кого слабее, рассядя их всех по особым номерам, по мере их вин и преступлений; и перестроя из старых строений... тюремный дом с кухнею, лазаретом, приказал в нем содержать возможную чистоту и порядок, чего прежде не было, а содержали в одной так-сказать яме, огороженной палисадником, по нескольку сот колодников, которые с голоду, с стужи и духоты помирали, без всякаго о них попечения»* [3]. Стоит отметить, что и это важное дело вызвало «некоторое неудовольствие» генерал-губернатора, который донес Сенату о том, *«что якобы губернаторъ вместо рабочаго дома построилъ белыя тюрьмы»* [4, с. 157].

Заключение

Несмотря на незавершенность задуманного сочинения «Рассуждение о достоинстве государственного человека», в котором Г. Р. Державин намеревался раскрыть образ мыслей истинно государственного человека, мы можем восстановить

его идеал по «Запискам...», в которых видим его самоотверженную деятельность на государственных постах. Будучи человеком, наделенным властью и доверием государства, он всегда был исполнительным, строгим, требующим неукоснительного соблюдения законов, стремящимся навести порядок, несмотря на все сложности и препятствия. Он всегда справедливо и с внимательным отношением к людям разрешал все дела, «*желалъ при всякомъ деле и случае поступать по правиламъ истинной чести и по точности законовъ*» [4, с. 183].

Пристатейный библиографический список

1. *Державин Г. Р.* Разсуждение о достоинстве государственного человека // Гавриил Державин : сайт. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/prose/rassuzhdeniya-o-dostoinstve-gosudarstvennogo-cheloveka.html> (дата обращения: 04.03.2023).
2. *Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин : на службе у трех императоров : в 3 ч.* Тамбов : ТГУ, 2014. Ч. I : Государственная деятельность в царствование Екатерины II.
3. *Державин Г. Р.* Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающая в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Гавриил Державин : сайт. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/prose/zapiski-izvestnih-vsem-del5.html> (дата обращения: 04.03.2023).
4. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 7 : Сочинения в прозе. СПб. : Имп. Акад. наук, 1864.

References

1. *Derzhavin G. R.* Reasoning About the Dignity of a Statesman. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/prose/rassuzhdeniya-o-dostoinstve-gosudarstvennogo-cheloveka.html> (date of the application: 04.03.2023). (In Russ.)
2. *Tsintsadze N. S. G. R.* Derzhavin: In the Service of Three Emperors. In 3 parts. Tambov: Tambov State University, 2014. Part I: State Activity in the Reign of Catherine II. (In Russ.)
3. *Derzhavin G. R.* Notes from the Well-Known Occurrences and Authentic Deeds That Contain the Life of Gavril Romanovich Derzhavin. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/prose/zapiski-izvestnih-vsem-del5.html> (date of the application: 04.03.2023). (In Russ.)
4. Works by Derzhavin with Explanatory Notes by Ia. Grot. Vol. 7: Works in Prose. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1864. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. Б. Милованова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

D. B. Milovanova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 01.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-54-63>

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ СУДА КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Алексей Анатольевич Максуров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, Россия,
Ярославль, Советская улица, д. 14/2

maxurov78@yandex.ru

Аннотация

В статье рассказывается о существующих подходах к месту и роли судебной власти в современном обществе, что обуславливает и статус акта, выносимого судом. Автор приходит к выводу о том, что правовая позиция суда представляет собой не только содержательную характеристику акта в сфере применения права, но и особый акт применения права, мнение суда по поводу возможного уяснения смысла применяемых норм права, акт реализации профессионального правового сознания судьи как правоведа. Именно такое понимание правовой позиции суда как юридической категории является основой судебного правотворчества.

Ключевые слова: судебное правотворчество; правовая позиция суда; акт толкования права; акт применения права.

Для цитирования: Максуров А. А. Правовая позиция суда как юридическая категория // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 54–63. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-54-63>

Research Article

THE LEGAL POSITION OF THE COURT AS A LEGAL CATEGORY

Alexey A. Maksurov

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, 14/2 Sovetskaia St., Yaroslavl,
150003, Russia

maxurov78@yandex.ru

Abstract

The article describes the existing approaches to the place and role of the judiciary in modern society, which determines the status of the act issued by the court. The author comes to the conclusion that the legal position of the court is not only a meaningful description of the act in the field of application of law, but also a special act of application of law, the opinion of the court regarding the possible clarification of the meaning of the applicable rules of law, the act of realizing the professional legal consciousness of a judge as a lawyer. It is this understanding of the legal position of the court as a legal category that is the basis of judicial lawmaking.

Keywords: judicial law-making; legal position of the court; act of interpretation of law; act of application of law.

For citation: *Maksurov A. A. The Legal Position of the Court as a Legal Category. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 54–63. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-54-63>

Введение

Вопрос правовой позиции суда как юридической категории остается дискуссионным в научной литературе по меньшей мере по двум значимым причинам: во-первых, вследствие поступательного развития человеческой цивилизации, т.е. понимание значения правовой позиции суда в рамках единичного дела (категории дел) зависит от конкретной историко-правовой обстановки, а во-вторых, от взгляда того или иного исследователя на судебную власть как форму правового руководства обществом, причем первое зависит от последнего.

1. История вопроса

В XX–XXI вв. как в России, так и в большинстве развитых стран Европы и мира в целом наблюдаются коренные изменения в констатации места судебной власти в системе «разделения властей» наряду с исполнительной и законодательной влас-

тью. Как правило, в современных условиях предполагается необходимость обоснования создания такой судебной системы, которая отвечала бы потребностям общества в справедливом и доступном суде в современных исторических условиях. Авторы указывают на стратегическую роль судебной власти, которая призвана, с одной стороны, гарантировать реальность прав и свобод человека и гражданина, а с другой – обеспечить деятельность и взаимодействие других ветвей власти [1, с. 3]. В литературе отмечается также, что современное состояние судебной власти в развитых демократических государствах следует рассматривать как результат самоограничения государства, допускающего контроль над собой со стороны независимого и могущественного органа – суда, к деятельности которого, как правило, привлекается народ, а следовательно, без полноценной судебной власти нельзя и вести речь о построении правового государства [2, с. 15–21]. Причем отмечается, что в современном государстве суд выступает в роли не только хранителя, но и «созидателя» нового права [3, с. 94–100].

В этом смысле значение правовой позиции суда в первую очередь зависит от места и роли суда, судебной власти в системе разделения властей в конкретном государстве.

Длительное время в отечественной правовой доктрине именно указанной стороне вопроса уделялось крайне незначительное внимание. Сам суд рассматривался только с точки зрения организации судебной деятельности – как подсистема государственной власти, а термин «судебная власть» в литературе попросту отсутствовал [4, с. 16], что было связано, в числе прочего, с отсутствием реальной самостоятельности и независимости власти судов [5, с. 2]. Решения же судов в каком-то смысле даже противопоставлялись решениям других государственных органов – актам применения ими права [6, с. 135–141].

Только результаты судебной реформы начала 1990-х гг. позволили говорить о суде как об органе особой разновидности государственной власти – судебной власти [7, с. 34], однако и сегодня категория «судебная власть» в отечественной доктрине судебного права не является строго определенной по содержанию: авторы указывают на слияние в институте судебной власти функциональных и институциональных начал [8, с. 20], власти и права [9, с. 12], говорят о непосредственной (личной) роли суда в формировании права [10, с. 12–13] и т.п., однако институциональное и функциональное начала в этой палитре мнений исторически остаются главенствующими [11, с. 158].

2. Единство институционального и функционального подходов

Институциональный подход заключается в актуализации именно организационного и телеологического единства судебной системы как подсистемы органов государственной власти [12, с. 48]. Функциональный подход заключается в поставленных перед судебной властью задачах по разрешению конкретных споров (рассмотрению дел), что объективно требует наделения суда значительным объемом властных полномочий (отдельные авторы даже указывают, что сама судебная власть – это и есть совокупность полномочий [13, с. 31]), который и реализуется через функции правосудия, что опять-таки подчеркивалось еще дореволюционными процессуалистами и теоретиками судебного права [14, с. 87].

Нам представляется верной и обоснованной предпринятая в литературе попытка совместить («слить») эти две сущностные черты судебной власти, показав их в неразрывном единстве, так как данные властные полномочия действительно могут быть реализованы судом исключительно в особом организационно-процессуальном порядке [15, с. 23].

При этом судебная власть выступает в виде особой разновидности государственной власти, которая также полноценно участвует в реализации государством присущих ему функций, однако в силу своего особого назначения наделена и особыми же функциями [16, с. 44]. То есть судебная власть – государственная власть с особым функционалом [17, с. 15–21], который в своей практической реализации структурирован в виде судебной системы [18, с. 25–36].

Здесь авторы указывают нам на необходимость рассматривать категорию «судебная власть» с позиции комплексного подхода: и как совокупность правоотношений, и как многообразный круг нормативных законодательных актов, судебных органов, связанных единством принципов и задач, руководствующихся в своей деятельности общими правовыми основами [19, с. 32–41], главным образом основами конституционными [20, с. 10–19], в рамках которых определены и виды судебных процессов, и принципы правосудия [21, с. 97].

3. Характеристики правовой позиции суда

Принимая решение по делу (спору, обращению), суд выражает свою правовую позицию, которая, во-первых, принята в установленном законом процессуальном порядке, во-вторых, эта позиция выражена в определенной законом форме акта-документа, который представляет собой акт применения права, в котором, однако, имеются и интерпретационные нормы права (по сути, в акте толкуются законодательные нормы и оценивается соответствие норм применения права другими субъектами закону), в-третьих, этот акт-документ создан лицом, обладающим профессиональным правовым сознанием, в-четвертых, данный акт-документ обладает необходимой степенью властности, в том числе в виде возможности государственного принуждения к его исполнению, наконец, в-пятых, этот акт представляет собой результат юрисдикционной деятельности суда, так как именно им разрешается дело (спор, обращение) по существу.

Таким образом, правовая позиция суда как юридическая категория представляет собой нечто большее, чем просто содержательную характеристику принятого судом акта применения права. То есть в правовой позиции суда сталкиваются ее следующие характеристики: 1) это особый акт применения права, требования к которому жестко и четко установлены процессуальным законодательством; 2) в мотивировочной части это выраженное судом мнение по поводу возможного уяснения смысла применяемых норм права, т.е. имеются отдельные элементы акта толкования права; 3) в данном акте отражен акт реализации профессионального правового сознания судьи как правоведа, обладающего наибольшей компетентностью.

Именно такое понимание правовой позиции суда позволяет говорить о потенциальной возможности создания судом новых правил поведения – норм права, т.е. судебном нормотворчестве (правотворчестве). Правотворчество (нормот-

ворчество) присуще и другим субъектам применения права помимо суда, однако в отношении них не возникает сколько-нибудь значимой научной дискуссии по указанному поводу по очевидной причине: эти органы не наделены полномочиями по толкованию норм права. Соответственно, вопрос о судебном правотворчестве, допустимом или недопустимом, опирается на законодательно- и даже конституционно установленную возможность самостоятельным образом толковать норму права и на основе толкования делать вывод о достаточности или недостаточности правового «объема» регулирования для разрешения конкретного дела (отдельной категории дел), что, в случае такой недостаточности, и создает предпосылки для особого понимания судом существующих норм права, отраженных в законе, их дополнении, выходящем за пределы буквального и даже расширительного толкования этих норм, применении законодательства по аналогии в целях устранения имеющихся пробелов.

4. Правовая позиция суда и норма права

В юридической литературе даже отмечается, что судебное правотворчество призвано стать еще одним направлением совершенствования судебной системы, чему будет способствовать признание правотворческой роли судов [22, с. 218]. Очевидно, что мы наблюдаем явное усиление роли и значения судебной практики, что в свою очередь также становится дополнительным шагом на пути к признанию судебного правотворчества как особого вида судебной деятельности. Признание судебного правотворчества позволит расширить опору суда при принятии решений не только и не столько на нормы законодательства, но и на общепризнанные нормы и принципы права, общие конституционные нормы и положения и т.п., поскольку, как указывают на то отдельные авторы, судебными средствами происходит не только подтверждение и гарантирование права, но и установление и обеспечение права в его конституционном и конкретно-законодательном выражении, т.е. повышение, а в необходимых случаях и восстановление содержательно-смыслового и функционального значения применяемых при рассмотрении дел законодательных и подзаконных актов до уровня подлинно правовых [22, с. 219].

Между тем очевидно, что правовая позиция суда как юридическая категория существенным образом отличается от нормы права, причем сразу по нескольким критериям.

В частности, как правило, судебное нормотворчество обычно имеет место в рамках конкретного дела (категории дел), т.е. изначальная цель такого нормотворчества – не создание правила поведения, а разрешение конкретного спора по существу. Иначе говоря, сразу возникает несколько вопросов – об абстрактности такой нормы права, распространенности ее действия на неопределенный круг лиц и проч.

Разумеется, отражаясь в том или ином акте, ориентирующем суды на, скажем так, «расширенное» применение существующей нормы права, высшие судебные инстанции как бы объективируют правило поведения, первоначально созданное для разрешения конкретного правового спора между определенными сторонами (участниками).

Имеются и определенные замечания относительно общеобязательности правила поведения, созданного в результате судебного правотворчества.

Решение (приговор) суда, вступившее в законную силу, безусловно, обязательно для всех лиц без исключения, однако лишь в той части, в которой оно касается применения права в отношении конкретных лиц, чего нельзя сказать о возникшей в результате судебного правотворчества новой норме.

Очевидно, что такое правило поведения, выраженное в правовой позиции суда по конкретному делу, обязательно в первую очередь для сторон и других участников дела, во вторую очередь для иных лиц, в той или иной части связанных с этим делом (например, для органов государственной регистрации прав, не принимавших участия в рассмотрении дела, однако в будущем уполномоченных законом на исполнение судебного акта о признании за конкретным лицом права собственности на недвижимое имущество), и в третью очередь для нижестоящих судов и, в ряде случаев, для органов государственной власти, но лишь постольку, поскольку это предусмотрено законом (например, в части актов Конституционного Суда РФ). Иные лица, не относящиеся к сторонам спора, нижестоящим судам или системе публичной власти, могут и должны учитывать высказанное судом мнение в своей деятельности, однако не обязаны делать этого в силу закона и оставляют за собой право на иное понимание и дополнение существующей нормы права в отношениях между сторонами.

Общеобязательность в данном случае тесно связана с возможностью государственного принуждения к исполнению нормы права. Мы опять сталкиваемся с ситуацией, когда решение (приговор) суда могут быть принудительно исполнены в отношении конкретно определенного круга лиц, однако содержащиеся в правовой позиции суда по делу новые правила поведения прямо не могут быть обращены к принудительному исполнению. Принудительность исполнения здесь условная: она подразумевает учет субъектами права того обстоятельства, что судебная власть уже высказала свое мнение по поводу разрешения спора в рамках конкретного вида правоотношений, и, поступая иным, нежели предложенным судебной властью, способом, стороны принимают на себя риски остаться без государственной защиты в суде при возникновении спорной правовой ситуации.

5. Дополнительные (формальные) различия правовой позиции суда и нормы права

Существуют и некоторые формальные моменты, не позволяющие пока еще признать норму, созданную в результате судебного правотворчества, полноценной нормой права.

Безусловно, норма, рожденная в результате судебного правотворчества, являясь частью правовой позиции суда по делу, формализована в судебном акте как официальном акте-документе, исходящем от органа государственной власти. Основные характеристики такого документа установлены процессуальным законом, и им же определены процедуры принятия (издания) судом данного документа. Для созданной судом нормы права также характерны (или по крайней мере должны быть принципиально свойственны) определенность, однозначность понимания и т.п.

Вместе с тем результаты судебного правотворчества нередко не представляют собой «классической» нормы права, например, с точки зрения ее структурных элементов (гипотезы, диспозиции и санкции).

Более того, установленные законодателем процедуры «обычного» правотворчества представляют собой значительно большую открытость рассмотрения законопроектов для гражданского общества, принятие по ним решения в «прозрачной» обстановке, вовлечение в этот процесс большого числа заинтересованных лиц, в отличие от судебного правотворчества, которое «творится» в совещательной комнате, охраняемой установленной законом тайной.

Понятно, что и из этого правила есть исключения, например, в части постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые часто в виде проекта размещаются для обозрения юридическим сообществом, но это скорее исключение из правил, чем правило.

Кроме того, в правовой позиции суда по делу, в которой нашла отражение вновь созданная норма права, мы, по сути, видим одновременно три самостоятельные разновидности юридической деятельности: суд толкует нормы права (юридическое толкование), создает нормы права (правотворчество) и сам же применяет их (правоприменение), что не укладывается в классическую взаимосвязь видов юридической практики и при определенных условиях может приводить к узурпации судебной властью функций представительных органов власти.

Заключение

Таким образом, по нашему мнению, институт судебного правотворчества крайне не зависит от значения в конкретной правовой системе правовой позиции суда по делу как юридической категории, а последняя в свою очередь выступает отражением места и роли судебной системы в праве конкретного государства и общества.

Указанное понимание правовой позиции суда по делу изначально налагает некоторые ограничения на процесс и результаты судебного правотворчества, конкретизирует его алгоритм, определяет задачи и цели.

В частности, судебное правотворчество не может иметь импульсом собственную инициативу судебной власти; ему всегда предшествуют обращения к суду с просьбой разрешить конкретную, уже возникшую в жизни спорную фактическую ситуацию.

Первоначально деятельность суда имеет характер применения (попытки применения) и интерпретации существующих норм права, и лишь при невозможности применения истолкованной судом нормы к конкретной ситуации «запускается» механизм судебного правотворчества.

Судебное правотворчество, «связанное» в своей первопричине с необходимостью выработки судом правовой позиции по делу, не является универсальным: оно не состоит в создании, изменении и отмене *любых* несовершенных, по мнению суда, норм права, а призвано только лишь дополнять существующие нормы, недостаточные для правового регулирования конкретных отношений.

Для норм, созданных в результате судебного правотворчества, характерны черты, не свойственные «классическим» нормам права: нормы, возникшие в результате

нормотворчества суда, отражены в правовой позиции суда по делу – акте применения права, для них характерна лишь «условная» принудительность применения в отношении неопределенного круга лиц, наблюдается разница в «способности к правотворчеству» между судами различных уровней и инстанций и т.п.

Пристатейный библиографический список

1. *Рагозина С. А.* Судебная власть в России и Казахстане : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
2. *Кабышев В. Т.* Без полноценной судебной власти у нас не будет правового государства // Судья. 2006. № 12.
3. *Сухова Н. В.* Осознание роли суда в условиях формирования правового государства // Вестник Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2003. № 3.
4. *Савицкий В. М.* Организация судебной власти // Становление судебной власти в обновляющейся России. М. : БЕК, 2017.
5. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М. : ООО «ТК Велби», 2018.
6. *Чечина Н. А.* Судебное решение как акт государственной власти // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия юридических наук. 1954. Вып. 5. № 182.
7. *Ермошин Г. Т.* Судебная власть как система органов государственной власти // Законодательство и экономика. 2004. № 4.
8. *Колесников Е. В., Селезнева Н. М.* Статус суда в Российской Федерации : конституционные вопросы. Саратов, 2018.
9. *Терехин В. А.* Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
10. *Карпов Д. В.* Проблемы конституционно-правового гарантирования правозащитной функции судебной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
11. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Репринт. СПб., 2016. Т. 1.
12. *Дмитриев Ю. А., Черемных Г. Г.* Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 2017. № 8.
13. *Фокин В. М.* Правоохранительные органы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
14. *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. Репринт. М., 2020.
15. *Паршина О. А.* Суд как орган судебной власти : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
16. *Гуценко К. Ф., Ковалев М. А.* Правоохранительные органы. М., 2018.
17. *Петрухин И. Л.* Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2020. № 7.

18. *Кашепов В. П.* Реализация конституционных положений об основах судебной власти // Журнал российского права. 2020. № 10.

19. *Сахнова Т. В.* Гражданское процессуальное право России : перспективы развития // Государство и право. 1999. № 12.

20. *Толстых В. Л.* Актуальные проблемы современного конституционного и муниципального права // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 4.

21. *Вяткин М. Ф.* Конституционно-правовое регулирование судебной власти в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.

22. *Малюшин А. А.* Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации : проблемы теории и практики : монография. М. : Юрист, 2018.

References

1. *Ragozina S. A.* Judicial Power in Russia and Kazakhstan: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2011. (In Russ.)

2. *Kabyshev V. T.* Without a Full-Fledged Judiciary, We Will Not Have a Legal State. *Judge*, 2006, no. 12. (In Russ.)

3. *Sukhova N. V.* Awareness of the Role of the Court in the Formation of a Rule of Law. *Bulletin of the Federal Arbitration Court of the West Siberian District*, 2003, no. 3. (In Russ.)

4. *Savitskii V. M.* Organization of the Judiciary. In Formation of the Judiciary in Renewing Russia. Moscow: BEK, 2017. (In Russ.)

5. *Petrukhin I. L.* (ed.). Judiciary. Moscow: TK Velby, 2018. (In Russ.)

6. *Chechina N. A.* Judgment as an Act of State Power. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Legal Sciences*, 1954, iss. 5, no. 182. (In Russ.)

7. *Ermoshin G. T.* Judicial Power as a System of Public Authorities. *Legislation and Economics*, 2004, no. 4. (In Russ.)

8. *Kolesnikov E. V., Selezneva N. M.* The Status of the Court in the Russian Federation: Constitutional Issues. Saratov, 2018. (In Russ.)

9. *Terekhin V. A.* Judicial Power in the State-Legal Mechanism for Ensuring the Rights and Freedoms of Citizens (Questions of Theory and Practice): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2001. (In Russ.)

10. *Karpov D. V.* Problems of the Constitutional and Legal Guarantee of the Human Rights Function of the Judiciary: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. N. Novgorod, 2000. (In Russ.)

11. *Foinitskii I. Ia.* The Course of Criminal Proceedings. Reprint. St. Petersburg, 2016. Vol. 1. (In Russ.)

12. *Dmitriev Iu. A., Cheremnykh G. G.* Judicial Power in the Mechanism of Separation of Powers and Protection of Human Rights and Freedoms. *State and Law*, 2017, no. 8. (In Russ.)

13. *Fokin V. M.* Law Enforcement Agencies of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)

14. *Poznyshchev S. V.* Elementary Textbook of the Russian Criminal Process. Moscow, 1913. Reprint. Moscow, 2020. (In Russ.)

15. *Parshina O. A.* The Court as a Body of the Judiciary: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

16. *Gutsenko K. F., Kovalev M. A.* Law Enforcement Agencies. Moscow, 2018. (In Russ.)
17. *Petrukhin I. L.* The Problem of Judicial Power in Modern Russia. *State and Law*, 2020, no. 7. (In Russ.)
18. *Kashepov V. P.* Implementation of the Constitutional Provisions on the Foundations of the Judiciary. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 10. (In Russ.)
19. *Sakhnova T. V.* Civil Procedural Law in Russia: Development Prospects. *State and Law*, 1999, no. 12. (In Russ.)
20. *Tolstykh V. L.* Actual Problems of Modern Constitutional and Municipal Law. *Constitutional and Municipal Law*, 2002, no. 4. (In Russ.)
21. *Viatkin M. F.* Constitutional and Legal Regulation of the Judiciary in the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk, 2014. (In Russ.)
22. *Maliushin A. A.* Constitutional and Judicial Lawmaking in the Russian Federation: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Iurist, 2018. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Максуров – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. A. Maksurov – Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 01.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-64-72>

ОБЫЧАЙ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ (XVI – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВВ.)

Наталья Викторовна Паршина

Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью юридического анализа обычая как регулятора общественных отношений в Донском казачьем войске на рубеже XVI – первой четверти XVIII вв. Данный анализ интересен с позиции комплексного историко-правового изучения этого источника права в совокупности с его теоретическим научным осмыслением. Как известно, в указанный период донское казачество первоначально представляло собой часть иррегулярных войск России, а при Петре I постепенно стало инкорпорироваться в особую служилую группу регулярной армии. Предметом исследования являются не только особенности формирования обычая как источника права у донских казаков, но и его терминологическое содержание в правовой доктрине дореволюционных, советских и современных ученых. Целью работы выступает выявление отличительных черт казачьих обычаев, а также их оценка российским законодателем в рамках исследуемых хронологических рамок. С помощью дедукции, а также формально-юридического и историко-правового методов научного познания проанализирована специфика возникновения обычая и область его применения, в частности, в сфере системы преступлений и наказаний у данного казачьего объединения. Автор приходит к выводу, что по мере развития отношений донского казачества с Московским царством, а затем и Российской империей их обычаи трансформировались в «войсковое право», отчасти санкционированное в анализируемый период государственной властью.

Ключевые слова: обычай; обычное право; Донское казачье войско; закон; государство; преступление; наказание.

Для цитирования: *Паршина Н. В.* Обычай как правовая категория и его влияние на формирование системы преступлений и наказаний у донских казаков (XVI – первая четверть XVIII вв.) // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 64–72. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-64-72>

Research Article

CUSTOM AS A LEGAL CATEGORY AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE SYSTEM OF CRIMES AND PUNISHMENTS AMONG THE DON COSSACKS (16TH – FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY)

Natalya V. Parshina

Kuban State University, 149 Stavropol St., Krasnodar, 350040, Russia
natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Abstract

The relevance of this study is due to the need for a legal analysis of custom as a regulator of public relations in the Don Cossack army, at the turn of the 16th – first quarter of the 18th centuries. This analysis is interesting from the perspective of a comprehensive historical and legal study of this source of law in conjunction with its theoretical scientific understanding. As you know, during this period, the Don Cossacks initially represented a part of the irregular troops of Russia, and under Peter I gradually became incorporated into a special service group of the regular army. The subject of the study is not only the peculiarities of the formation of custom as a source of law among the Don Cossacks, but also its terminological content in the legal doctrine of pre-revolutionary, Soviet and modern scientists. The aim of the work is to identify the distinctive features of Cossack customs, as well as their assessment by the Russian legislator within the framework of the chronological framework under study. With the help of deduction, as well as formal-legal and historical-legal methods of scientific cognition, the specifics of the origin of the custom and the scope of its application, in particular, in the sphere of the system of crimes and punishments of this Cossack association, are analyzed. The author comes to the conclusion that with the development of the relations of the Don Cossacks with the Moscow Kingdom, and then the Russian Empire, their customs transformed into “military law”, partially sanctioned, in the analyzed period, by the state authorities.

Keywords: custom; customary law; Don Cossack army; law; state; crime; punishment.

For citation: *Parshina N. V. Custom as a Legal Category and its Influence on the Formation of the System of Crimes and Punishments Among the Don Cossacks (16th – First Quarter of the 18th Centuries). Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 64–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-64-72>*

Введение

В 2021 г. исполнилось 30 лет со дня принятия закона о реабилитации репрессированных народов [1]. Данный нормативно-правовой акт закрепил за казачеством, среди прочего, право на восстановление их духовного наследия и удовлетворение культурных потребностей. Этот документ, принятый еще советской властью, положил начало возрождению данной исторически сложившейся культурно-этнической общности, которая в настоящее время занимает важное место в социально-экономической, политической, патриотической, духовно-нравственной сферах жизни российского общества и государства.

Современный законодатель продолжает активно разрабатывать нормативно-правовую базу, регламентирующую правовой статус казачьих объединений в России. Принимаются акты стратегического характера [2], подчеркивающие необходимость сохранения казачьих обычаев и традиционных ценностей. Неслучайно в казачьих обществах продолжают свою работу суды чести, которые выполняют функцию морально-нравственного ориентира, как это имело место у казачества еще несколько столетий назад.

Поэтому исследование казачьих обычаев как источника регулирования правоотношений, в частности как в области определения противоправности деяний, учиненных членами казачьей общины, так и в отношении соответствующих санкций за их совершение, продолжает представлять научный интерес для современных исследователей.

1. Образование Донского казачьего войска

Особое значение здесь имеет анализ роли обычаев у Донского казачьего войска, которое образовалось, по мнению ряда ученых [3, с. 25; 4, с. 40], в первой половине XVI в. на территории «Дикого поля». При этом в дореволюционной литературе упоминается о существовании казачьих поселений на Дону уже в XIV в. [5, с. 194–195].

Начиная со второй половины XVI в. (1570 г. [6, с. 57]) донцы поступили на службу к русскому государю, взаимоотношения с которым регулировал Посольский приказ. При Петре I, в 1719 г., управление донским казачеством осуществлялось через Коллегию иностранных дел, а с 1721 г. [7, с. 863] – Военную коллегию. В 1723 г. атаман войска становится не выборной должностью, а назначаемой императором. С этого периода «неуклонно снижается роль обычно-правового регулирования самоуправления в среде донских казаков и идет процесс распространения на них имперского законодательства» [8, с. 36]. Однако в части оценки противо-

правности деяний и их наказуемости казачьи обычаи продолжали сохранять правоприменительное значение.

Вообще, Донское войско отличалось яркой самобытностью и сыграло существенную роль в становлении казачьих объединений уже не просто как социально-культурных общностей, а как сословия, обладающего определенным объемом прав и обязанностей. В частности, на Юге России на основе положения о Донском войске [9] разрабатывались специальные нормативно-правовые акты для других казачьих формирований, в том числе для Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск [10; 11].

В современной историко-юридической науке имеется достаточное количество исследований, посвященных обычному казачьему праву, в том числе включающих анализ правового регулирования судебного процесса [12; 13]. Многие из них отличает интересный фактологический характер, основанный на научных и архивных источниках. Вместе с тем несомненным остается тот факт, что изучение исторических сведений о системе преступлений и наказаний у донских казаков через призму правового анализа сущности обычая как юридической категории не утрачивает своей актуальности.

2. Научные подходы к юридическому толкованию обычного права в дореволюционный, советский и современный периоды

Следует отметить, что в трудах дореволюционных ученых нередко встречается отождествление терминов «обычай» и «обычное право». Так, по мнению М. А. Дьяконова, «обычным правом называют те юридические нормы, которые соблюдаются в данной общественной среде всеми или определенным кругом лиц, вследствие согласного убеждения действующих лиц в необходимости подчиняться этим нормам» [14, с. 8]. При этом ученый отмечает, что «за обычаем не стоит авторитет власти», т.е. несоблюдение норм обычного права не предполагает наличие механизма государственного принуждения, как в случае нарушения закона. В. М. Хвостов понимает под обычаем «тот образ действий, к которому народ привык обращаться в известных случаях... если на помощь не приходит законодательство... Практика закрепляет этот образ действия, и, в конце концов, к нему так привыкают, что начинают требовать его соблюдения от каждого члена общества. Традиционная практика обращается в обязательную для всех норму обычного права» [15, с. 189].

Коренное изменение формы Российского государства в результате октябрьских событий 1917 г. повлекло за собой и кардинальный, закономерный пересмотр учеными сущности теоретических конструкций, касающихся правопонимания, в том числе и относительно источников права. В частности, советский правовед П. И. Стучка писал, что применение правовых обычаев возможно только в случаях, «когда они не противоречат писаному закону» [16, с. 100].

Современная юриспруденция называет обычай правовым только тогда, когда он санкционирован государством и сложился в обществе «в результате его многократного и длительного применения» [17, с. 364].

Важно отметить, что в целом на формирование обычаев на Руси существенное влияние оказывали нравы. Скажем, дореволюционный ученый и обществен-

ный деятель В. А. Гольцев отмечал, что нравы необходимо отличать от обычаев, поскольку «в последнем случае мы имеем дело с чисто внешнею привычкою, а в первом необходимо суждение о злом и добром, о полезном и вредном, приличном и неприличном» [18, с. 12–13]. Нравы донцев были тесно взаимосвязаны с их глубокой религиозностью. Например, у казаков с целью изобличения преступника существовал такой обычай: для того, чтобы наказать вора, личность которого была неизвестна, за него ставили так называемую обидящую свечу нижним концом вверх. Считалось, что если служить молебен о здравии предполагаемого злодея, то «его непременно начнет мучить совесть...» [19, с. 46], он раскается и возвратит украденное.

Вообще, религиозность была присуща обычаю как источнику права уже в Древней Руси. Исследуя свойства обычного права, М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что «русские клялись исполнять договор, постановленный Олегом «яко Божие здание по закону и по покону языка нашего»» [20, с. 90], что означало «по вере и по обычаям нашим» [21, с. 201]. То есть вместе с религиозным сознанием у народа формировался «юридический обычай – первое проявление правовой идеи...» [22, с. 5].

3. Обычно-правовое регулирование преступлений и наказаний в казачьей среде

Казачьи обычаи лучше всего знали «давно жившие и служившие на Дону, старые казаки... преимущественно занимавшие административные должности... атаманы» [23, с. 140]. Судебная власть на Дону принадлежала Войсковому кругу (общее народное собрание казаков), который являлся своеобразным прототипом древнерусского веча.

Самым суровым наказанием за преступления была смертная казнь, которая совершалась, к примеру, путем обезглавливания, утопления, повешения, расстрела из лука и пищалей. Так, в дореволюционной литературе способы приведения казачьих приговоров в исполнение описываются следующим образом: «на преступников, подлежащих смерти, надевали мешки, которые наполняли песком и камнями, и так бросали их в воду, а тем, которых преступления не столь важны были, насыпали песку в платья, и с тем их на несколько времени в воду сажали...» [24, с. 10]. Смертная казнь могла назначаться за оскорбление, убийство, воровство, прелюбодеяние и другие преступления.

Следует подчеркнуть, что «войсковое право», как еще именовались казачьи обычаи, узаконивалось царским правительством. Например, в 1625 г. Михаил Федорович повелевал казакам «чинить наказание по своему суду, как у вас на Дону повелось... в 1671 г. требуя выдачи Разина... Алексей Михайлович просил Войско... учинить указ по войсковому праву» [25, с. 187]. Интересно, что даже в имперский период государство продолжало признавать независимость казачьей судебной юрисдикции, утвердив назначение штрафа за преступление по «казачьему обыкновению» (1736 г.) [26, с. 135].

Заключение

Таким образом, обычай как исторически сложившееся правило поведения, которое в силу долговременного повторения приобрело общеобязательный характер, являлось основным средством упорядочивания общественных отношений в казачьей среде в исследуемый исторический период, в том числе в сфере ответственности за правонарушения. На формирование казачьих обычаев существенное значение оказали нравы и религиозные нормы, выступающие неотъемлемой частью как казачьего права, так и самого казачества как социально-культурной общности, квазигосударства, а затем и особого военно-служилого сословия Российской империи. Несмотря на известные ограничения в области местного самоуправления, государство, по сути, санкционировало правовой статус казачьей общинной юстиции, законодательно передавая на рассмотрение местного суда дела о преступлениях, совершенных казаками на территории поселения Донского войска, приговоры которого основывались на нормах обычного права.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011245> (дата обращения: 31.10.2022).
2. Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5259.
3. *Астапенко М. П., Астапенко Г. Д., Астапенко Е. М.* Казачья доля – Дон, степь да воля. Ростов н/Д, 2014.
4. *Лукин Б. В.* Донские казаки в русско-японской войне 1904–1905 годов. Ростов н/Д : Ростиздат, 1939.
5. *Савельев Е. П.* Средняя история казачества (историческое исследование). Новочеркасск : Тип. «Донской печатник», 1915.
6. Столетие Военного Министерства : 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск. СПб. : Тип. т-ва М.О. Вольф, 1907.
7. Столетие Военного Министерства : 1802–1902. Конспекты исторических очерков столетия Военного Министерства. СПб. : Тип. т-ва М.О. Вольф, 1906.
8. *Паршина Н. В.* Правовое регулирование общественного устройства и земельных отношений казачества юга России (XV – начало XX вв.) : монография. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2015.
9. Положение об управлении Донского войска : Ч. 1, 2 и 3 с приложениями к наказу гражданскому управлению, штатами и общими приложениями. СПб. : Военная тип., 1835.
10. Высочайше утвержденное Положение «О Черноморском казачьем войске» от 1 июля 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1843. Т. XVII. Ч. 1. № 15809.

11. Положение о Кавказском линейном казачьем войске. СПб. : Тип. Департамента Военных поселений, 1845.
12. *Небрятенко Г. Г.* Судебно-процессуальные отношения в традиционном обществе донских казаков : монография / под ред. П. П. Баранова. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009.
13. *Краснов С. Ю.* Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Судостроительство и судопроизводство. Картины из народной жизни донских казаков : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2016.
14. *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб. : Изд. Юридического книжного склада «Право», 1912.
15. *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса : очерки по философии и методологии истории : курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. М. : Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1914.
16. *Стучка П. И.* Энциклопедия государства и права. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1927. Т. 3.
17. *Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Теория государства и права : учебно-методическое пособие. М. : Проспект, 2018.
18. *Гольцев В. А.* Законодательство и нравы в России XVIII века. М. : О. Н. Попов, 1896.
19. *Якушкин Е. И.* Обычное право : материалы для библиографии обычного права. Ярославль : Тип. Губерн. правл., 1875. Вып. 1.
20. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев : Литотип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1907.
21. *Рогов В. А.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права : (очерки IX – середины XVII вв.). М. : МГИУ, 2006.
22. *Хлебников Н. И.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1872.
23. *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М. : Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1924. Т. 3 : Былины и исторические песни.
24. *Ригельман А. И.* История или повествование о Донских казаках. М. : Унив. тип., 1846.
25. *Сватиков С. Г.* Донской Войсковой Круг (1549–1917). Вена, 1923.
26. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным / под ред. [и с предисл.] А. А. Карасева и Х. И. Попова. Новочеркасск : Изд. Областного правления Войска Донского, 1894. Т. 2. Ч. 1.

References

1. Law of the RSFSR of 26 April 1991 No. 1107-I "On Rehabilitation of Repressed Peoples". URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011245> (date of the application: 31.10.2022). (In Russ.)
2. Decree of the President of the Russian Federation of 9 August 2020 No. 505 "On Approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation in Relation to the Russian Cossacks for 2021–2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 32, art. 5259. (In Russ.)

3. *Astapenko M. P., Astapenko G. D., Astapenko E. M.* Cossack Share – Don, Steppe and Freedom. Rostov-on-Don, 2014. (In Russ.)
4. *Lunin B. V.* Don Cossacks in the Russian-Japanese War of 1904–1905. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1939. (In Russ.)
5. *Saveliev E. P.* The Average History of the Cossacks (Historical Research). Novocherkassk: Printing House “Donskoi Printer”, 1915. (In Russ.)
6. Centenary of the War Ministry: 1802–1902. Conscription of Cossack Troops. St. Petersburg: M. O. Volf Partnership’s Printing House, 1907. (In Russ.)
7. Centenary of the War Ministry: 1802–1902. Summaries of Historical Sketches of the Centenary of the War Ministry. St. Petersburg: M. O. Volf Partnership’s Printing House, 1906. (In Russ.)
8. *Parshina N. V.* Legal Regulation of the Social Structure and Land Relations of the Cossacks of the South of Russia (15th – Early 20th Centuries): Monograph. Biysk: Altai State Academy of Education, 2015. (In Russ.)
9. Regulations on the Management of the Don Army: Parts 1, 2 and 3 with Appendices to the Order of Civil Administration, States and General Appendices. St. Petersburg: Military Printing House, 1835. (In Russ.)
10. The Most Highly Approved Regulation “On the Black Sea Cossack Army” of 1 July 1842. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection II. St. Petersburg, 1843. Vol. XVII. Part 1. No. 15809. (In Russ.)
11. Regulations on the Caucasian Linear Cossack Army. St. Petersburg: Printing House of the Department of Military Settlements, 1845. (In Russ.)
12. *Nebratenko G. G.; Baranov P. P. (ed.)*. Judicial and Procedural Relations in the Traditional Society of the Don Cossacks: Monograph. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2009. (In Russ.)
13. *Krasnov S. Iu.* The Customary Law of the Don Cossacks in the Second Half of the 19th Century. Judicial System and Legal Proceedings. Paintings from the Folk Life of the Don Cossacks: Monograph. Volgograd: Publishing House of the Volgograd State University, 2016. (In Russ.)
14. *Diakonov M. A.* Essays on the Social and State System of Ancient Russia. St. Petersburg: Edition of the Legal Book Warehouse “Pravo”, 1912. (In Russ.)
15. *Khvostov V. M.* Theory of the Historical Process: Essays on Philosophy and Methodology of History: A Course of Lectures. 2nd ed. Moscow: G. A. Lehman & B. D. Pletnev, 1914. (In Russ.)
16. *Stuchka P. I.* Encyclopedia of State and Law. Moscow: Publishing House of the Communist Academy, 1927. Vol. 3. (In Russ.)
17. *Marchenko M. N., Deriabina E. M.* Theory of State and Law: An Educational and Methodical Manual. Moscow: Prospekt, 2018. (In Russ.)
18. *Goltsev V. A.* Legislation and Morals in Russia of the 18th Century. Moscow: O. N. Popov, 1896. (In Russ.)
19. *Iakushkin E. I.* Customary Law: Materials for the Bibliography of Customary Law. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government, 1875. Issue 1. (In Russ.)
20. *Vladimirskii-Budanov M. F.* Review of the History of Russian Law. Kiev: Printing House of the Partnership I. N. Kushnerev and Co., 1907. (In Russ.)

21. Rogov V. A. Old Russian Legal Terminology in Relation to the Theory of Law: (Essays of the 9th – Mid-12th Centuries). Moscow: Moscow State Industrial University, 2006. (In Russ.)
22. *Khlebnikov N. I.* Society and the State in the Pre-Mongol Period of Russian History. St. Petersburg: A. M. Kotomin's Printing House, 1872. (In Russ.)
23. *Miller V. F.* Essays of Russian Folk Literature. Moscow: I. D. Sytin Partnership's Printing House, 1924. Vol. 3: Epics and Historical Songs. (In Russ.)
24. *Rigelman A. I.* History or Narrative of the Don Cossacks. Moscow: University Printing House, 1846. (In Russ.)
25. *Svatikov S. G.* Don Military Circle (1549–1917). Vienna, 1923. (In Russ.)
26. *Karasev A. A., Popov Kh. I.* (eds.). Acts Relating to the History of the Don Army, Collected by Major General A. A. Lishin. Novocherkassk: Regional Board of the Don Army, 1894. Vol. 2. Part 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Н. В. Паршина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

N. V. Parshina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 05.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-73-83>

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ЭФФЕКТИВНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Артем Григорьевич Репьев

Академия управления МВД России, 125993, Россия, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

repev-artem@yandex.ru

Аннотация

Автором предпринята попытка осмысления юридических гарантий, обеспечивающих стимулирование научно-исследовательской деятельности на современном этапе развития общества и государства. Предметом исследования выступают нормы отечественного законодательства, закрепляющие отдельные элементы правового статуса ученого в Российской Федерации, в частности правовые преимущества в форме субсидий, грантов, пособий, применяемые для активизации научного потенциала ученых страны. Цель работы состоит в попытке осмысления значения сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих научные исследования, в решении задач стратегического развития государства. На основе изучения нормативных правовых актов, правоприменительной практики, юридической доктрины, применяя многообразие средств и способов познания (среди которых: логический, диалектический, формально-юридический), аргументируется тезис о необходимости ускорения интеграции ученых, проходящих службу в органах внутренних дел, в научные разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации. В результате делается вывод о потребности создания комфортных условий занятия научной деятельностью, которые должны отражать как достойное материальное вознаграждение, так и наличие социальных гарантий осуществления профессиональной деятельности посредством распространения предусмотренных законодательством правовых преимуществ.

Ключевые слова: правовой статус; правовое преимущество; стимулирование; ученый; сотрудник органов внутренних дел.

Для цитирования: *Репьев А. Г.* Юридические гарантии эффективной научно-исследовательской деятельности в системе МВД России // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 73–83. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-73-83>

Research Article

LEGAL GUARANTEES OF EFFECTIVE SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Artem G. Repev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8 Zoia and Alexander Kosmodemianskikh St., Moscow, 125993, Russia
repev-artem@yandex.ru

Abstract

The author attempts to comprehend the legal guarantees that ensure the stimulation of research activities at the present stage of development of society and the state. The subject of the study is the norms of domestic legislation that consolidate certain elements of the legal status of a scientist in the Russian Federation, in particular legal advantages in the form of subsidies, grants, allowances used to activate the scientific potential of scientists in the country. The purpose of the work is to try to comprehend the importance of employees of the internal affairs bodies engaged in scientific research in solving the tasks of strategic development of the state. Based on the study of normative legal acts, law enforcement practice, legal doctrine, using a variety of means and methods of cognition (among which logical, dialectical, formal legal), the thesis is argued about the need to accelerate the integration of scientists serving in the internal affairs bodies into scientific developments in priority areas of scientific and technological development of the Russian Federation. As a result, it is concluded that there is a need to create comfortable conditions for engaging in scientific activity, which should reflect both a decent financial reward and the availability of social guarantees for the exercise of professional activity through the dissemination of legal advantages provided for by legislation.

Keywords: legal status; legal advantage; incentive; scientist; law enforcement officer.

For citation: *Repyev A. G. Legal Guarantees of Effective Scientific Research Activities in the System of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 73–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-73-83>*

Введение

Вопросы творческого и интеллектуального совершенствования общества в последние годы заметно вышли из тени иных приоритетов государственного развития, стали активнее привлекать внимание высших политических и общественных деятелей. Сообразно этому органы государственной власти, предпринимательское сообщество сместили вектор организации и реформирования финансового сектора страны, производственных отношений на использование достижений науки, внедрение инновационных технологий, привлечение квалифицированных кадров для решения ключевых задач укрепления экономики. Полагаем, импульс данным тенденциям придастся соответствующими директивными поручениями главы государства.

По инициативе Президента РФ в 2021 г. реализован крупный проект – Год науки и технологий (указ Президента РФ от 25 декабря 2020 г. № 812), в рамках которого были запущены новые объекты научной инфраструктуры, возрождены значимые в прошлом коллективы ученых и практиков (к примеру, общество «Знание») и созданы прогрессивные институты (например, Конгресс молодых ученых) и проч.

Реализация проекта позволила добиться серьезных достижений в рамках позиционирования России в числе мировых научных лидеров. В результате на совместном заседании Государственного Совета и Совета при Президенте РФ по науке и образованию главой государства предложено положить начало Десятилетию науки (указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 231), на основании чего принят ряд руководящих документов.

Убеждены, что не только успехи в этом направлении сподвигли лидера нашего государства на продолжение поступательного развития в деле укрепления научно-технологического потенциала. Реализованный в 2021 г. проект высветил ряд стратегических задач проблемного характера, требующих комплексного и при этом долгосрочного решения.

В частности, конкретными показателями эффективности запланированных мероприятий являются: уменьшение оттока ведущих ученых за рубеж, привлечение для фундаментальных и прикладных исследований иностранных специалистов, улучшение имиджевой составляющей научной деятельности посредством повышения социальной, финансовой и иной привлекательности занятия поисковым, исследовательским творчеством. Принимая это обстоятельство во внимание, позволим себе предположить, что ключевым направлением реализации реформирования научной сферы, мощнейшим рычагом достижения прорывных открытий в рамках Десятилетия науки (и не только) должен стать комплекс мер по обеспечению гарантий реализации и защите правового статуса российского ученого.

1. Правовое положение ученого: дефинитивный и содержательный компоненты

Оговоримся, что попытки установить качественные критерии, закрепленные в нормах законодательства и позволяющие точно и однозначно отнести конкретного субъекта общественных отношений в области науки к ученому, к сожалению, не дают положительного результата. К примеру, специальный нормативный правовой акт для данной области – Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» не содержит определения понятия «ученый», хотя в тексте свыше 100 раз прибегает к данной лексеме [1].

Не вносят конкретики, на наш взгляд, и положения ст. 3 и 4 данного нормативного правового акта, в равной степени использующие для обозначения лица, который мог бы быть отнесен к статусу ученого, следующие конструкции: «субъект научной и (или) научно-технической деятельности», «научный работник», «специалист научной организации» и «работник сферы научного образования». Памятуя о системном характере нашего законодательства, обратимся к аксиоме, в соответствии с которой базовые положения федеральных законов должны детализироваться подзаконными нормативными правовыми актами. Последние, в свою очередь, также активно используют термин «ученый»: как для обозначения соответствующего правового и социального положения лица, так и для закрепления за ним конкретных правовых преимуществ в форме субсидий, грантов и проч. Что характерно, делается это с точки зрения юридической техники аналогично – путем уклонения от закрепления соответствующей дефиниции данного понятия и лишь фрагментарно давая понять правоприменителю, на какие критерии ему следует ориентироваться при отнесении конкретного субъекта к статусу «ученый».

В сложившейся ситуации выходом из затруднительного определения содержания правового статуса ученого может стать использование результатов доктринальных разработок. Так, в ранее опубликованных работах мы предлагали наиболее универсальную конструкцию специального правового статуса личности (к примеру, относительно сотрудников органов внутренних дел) [2, с. 81]. Сообразно придерживаемых на этот счет позиций полагаем, что ученый, ввиду наличия, кроме базовых прав и обязанностей, дополнительных элементов своего юридического положения, безусловно, обладает специальным правовым статусом. В частности, его компонентами нам видятся «права, обязанности, законные интересы, ограничения, запреты, ответственность и правовые преимущества» [3, с. 274].

Подтверждение наших позиций, в особенности относительно включения в конструкцию таких элементов, как законные интересы и правовые преимущества, мы находим в одном из последних (по данной тематике) решений Конституционного Суда РФ. Субъект официального толкования законодательства указал, что «именно социальная значимость предопределяет особый статус педагогических работников в обществе, предполагающий в том числе их наделение специальными – академическими – правами и свободами, в основе которых лежат закрепленные в Конституции РФ свободы научного творчества. Это обстоятельство обязывает федерального законодателя, устанавливающего особенности регулирования труда

педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, в образовательных организациях высшего образования, всемерно способствовать осуществлению указанными лицами прав и свобод, содействуя при этом повышению престижа социально значимого педагогического труда» [4].

Вместе с тем сотрудники органов внутренних дел, проходящие службу в образовательных и научных организациях системы МВД России на должностях профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, не имеют возможности реализовать ряд законных интересов и воспользоваться правовыми преимуществами, установленными для ученых, состоящих в трудовых отношениях с учреждениями иной организационно-правовой формы, либо осуществляющих научную деятельность в образовательных и научных организациях МВД России, но в статусе работника, а не аттестованного сотрудника.

Подобное акцентирование внимания на значении правовых преимуществ в структуре специального правового статуса ученого не случайно. Это обусловлено их юридической природой, социальным предназначением и функциональной ролью. Правовые преимущества, в особенности такие их типы, как привилегии и льготы, имеют важное стимулирующее значение, рассматриваются как основополагающие поощрительные средства для научных и творческих деятелей, добивающихся повышенных показателей, отличающихся от общеустановленной нормы. Как известно, они «стимулируют здоровую инициативу, конкурентоспособность, предприимчивость субъектов по поиску новых форм и методов деятельности для достижения результата, превышающего общепринятый. Потенциальная возможность получения дополнительных прав, льгот ориентирует человека на проявление своих лидерских качеств, способностей добиваться поставленной цели. Преимущества выступают мощным психологическим мотиватором» [5, с. 22].

2. Правовые преимущества как ключевой компонент статуса ученого

Отметим лишь некоторые из предусмотренных законодательством Российской Федерации правовых преимуществ для ученых, при этом не распространяющихся на сотрудников образовательных и научных организаций МВД России, занимающихся научной деятельностью.

1. *Пособия*. Как разновидность правового преимущества оно относится к льготе, «выражающейся в установлении выплат денежных средств из бюджета государства физическим и юридическим лицам, нуждающимся в них в силу сложившихся обстоятельств и не способных осуществлять без этого нормальную жизнедеятельность» [5, с. 110]. Так, указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 в целях дальнейшего совершенствования государственной социальной политики установлено требование по обеспечению повышения к 2018 г. средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе. В соответствии с подп. «е» п. 1 данного нормативного правового акта Правительством РФ была утверждена Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы (распоряжение Правительства РФ от 26 ноября

2012 г. № 2190-р). В составе Программы разработана Примерная форма трудового договора с работником государственного (муниципального) учреждения, где в разд. IV определена система оплаты труда, в том числе закреплены выплаты стимулирующего характера. Система надбавок стимулирующего характера устанавливается коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами образовательных и научных организаций в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Каждая образовательная (научная) организация разрабатывает систему выплат за выполнение целевых показателей научными и педагогическими работниками, которая ежегодно рассматривается и утверждается коллегиально на заседаниях методического и ученого советов и закрепляется локальными нормативными правовыми актами. К примеру, работник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» за публикацию в международном рецензируемом научном издании получает академическую надбавку в размере 100 тыс. руб. [6] Как известно, у научного сотрудника или сотрудника из числа профессорско-преподавательского состава органов внутренних дел должностной оклад фиксированный и подобного рода надбавки, стимулирующие его активность на научном поприще, не предусмотрены [7]. При этом количество подобного статуса публикаций, выполненных учеными системы МВД России, весьма показательна. Так, за последние пять лет (с 2016 по 2021 г.) учеными Академии управления МВД России опубликовано 225 статей, входящих в системы цитирования *Web of Science* или *Scopus*. Количество аналогичных публикаций, подготовленных учеными Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя за тот же период, составило 322¹. Акцентировать внимание профессионального сообщества на том обстоятельстве, что большая часть подобного рода публикаций предполагает оплату автором редакционных и иных услуг, по подготовке рукописи к выходу в свет (со стоимостью которых можно ознакомиться на соответствующих сайтах издательств), полагаем излишним.

2. *Гранты*. Как известно, одним из наиболее прогрессивных механизмов поддержки статуса ученого и его научных исследований на сегодняшний день выступает предоставление грантов. Данный правовой феномен является привилегией «материального характера, предоставляемой государством на конкурсной основе и в подотчетном порядке на проведение фундаментальных научных исследований, поисковую деятельность в государственно-значимой и общественно полезной сфере» [5, с. 74].

Стимулирующий характер подобной формы правового преимущества, его гарантирующая роль в укреплении статуса ученого представляются очевидными. К примеру, Российским научным фондом за 2021 г. оказана финансовая помощь 5,3 тыс. научных проектов и программ в общем объеме 24,3 млрд руб., что свидетельствует о конкретной поддержке 39,6 тыс. ученых [8]. Гранты предоставляются руководителю научного коллектива при условии прохождения конкурсного отбо-

¹ Официальный сайт научной электронной библиотеки Elibrary.ru // https://www.elibrary.ru/org_profile.asp?id=1250 (дата обращения: 20.10.2022).

ра фундаментальных и поисковых исследований, но через научные организации, образовательные организации высшего образования. Все образовательные и научные организации МВД России по своей организационно-правовой форме относятся к казенным учреждениям. Формально законодательство Российской Федерации не запрещает казенным учреждениям участвовать в конкурсе на получение гранта в форме субсидии. Однако системное толкование норм, регламентирующих данную сферу, все же свидетельствует о фактическом наличии подобного ограничения.

Так, ст. 6 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) определено правовое положение казенного учреждения, «финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы». Казалось бы, п. 7 ст. 78 БК РФ предполагает возможность предусмотреть в законе о бюджете «бюджетные ассигнования на предоставление грантов в форме субсидий... юридическим лицам», но «за исключением государственных (муниципальных) учреждений». Существует оговорка, предусмотренная п. 4 ст. 78.1 БК РФ, открывающая возможность государственным учреждениям участвовать в конкурсе на получение гранта в форме субсидии, которая, однако, ограничивает в этом праве казенные учреждения. Актом делегированного толкования разъяснено, что «если казенное учреждение будет определено победителем конкурса, финансовое обеспечение реализации целей, на достижение которых предоставляется грант, должно осуществляться в пределах бюджетных ассигнований, определенных ст. 70 БК РФ, и на основании бюджетной сметы с учетом ограничений, установленных ст. 161 БК РФ» [9]. Последняя из приведенных норм-изъятий и ставит точку в данном вопросе, поскольку в п. 10 ст. 161 БК РФ содержится лаконичное и недвусмысленное положение, не подлежащее расширительной интерпретации: «субсидии казенному учреждению не предоставляются».

3. *Субсидии*. Данный правовой институт также отнесен нами к разновидности правового преимущества в форме привилегии, заключающейся в «финансовом и ином материальном содействии, осуществляемом государством для поддержки предпринимательской, трудовой, служебной деятельности в форме целевого, адресного распределения денежных средств, приоритетного получения субъектами материальных благ (жилого помещения, средств связи и пр.)» [5, с. 71].

На сегодняшний день государство оказывает содействие в улучшении условий проживания для разных категорий ученых, но в особенности для молодых представителей науки. К примеру, в рамках государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» ученый, не достигший возраста 35 лет (являясь кандидатом наук) или 40 лет (имея ученую степень доктора наук), может получить выплату на приобретение жилья. Однако критерием, ограничивающим участие в данной программе профессорско-преподавательского состава и научных деятелей из числа сотрудников органов внутренних дел, является наличие трудовых отношений исключительно с научной или образовательной организацией высшего образования, подведомственной Минобрнауки России [10].

К слову сказать, поручением Президента РФ, озвученным 24 декабря 2021 г. на совместном заседании Государственного Совета и Совета при Президенте по на-

уке и образованию, предусмотрено «расширение категории получателей социальных выплат на приобретение жилых помещений за счет включения в их число молодых научных и научно-педагогических работников научных организаций и образовательных организаций высшего образования вне зависимости от их ведомственной принадлежности» [11]. На момент подготовки материала срок исполнения поручения не истек, поэтому остается ожидать предложения соответствующих решений от ответственных исполнителей.

Заключение

В качестве выводов по изложенному материалу попробуем сформулировать следующие основные положения:

– юридическая конструкция правового статуса «ученый» в современных условиях не закреплена должным образом в нормах отечественного законодательства (как федерального уровня, так и подзаконного, ведомственного, локального), однако имеет достаточно прочно проработанную основу на уровне юридической доктрины и примеры активного использования в правоприменительной деятельности;

– доктринальная конструкция правового статуса ученого в Российской Федерации характеризуется, на наш взгляд, специальным свойством ввиду присутствия в ней, помимо базовых компонентов в виде прав и обязанностей, дополнительных элементов: законные интересы, правовые преимущества, ограничения, запреты и ответственность;

– правовые преимущества выступают приоритетным элементом специального правового статуса ученого ввиду их стимулирующего, поощрительного потенциала, способности за счет таких разновидностей, как льготы (в виде пособий, компенсаций) и привилегии (в форме грантов, квот, преференций), обеспечивать достойный уровень материального благополучия, что в свою очередь сказывается на привлечении в научную сферу деятельности наиболее квалифицированных кадров;

– органы внутренних дел Российской Федерации на сегодняшний день обладают серьезным потенциалом участия в ключевых направлениях развития науки и технологий, однако существующая система интеллектуального стимулирования, а также материального поощрения позволяет прогнозировать постепенный отток ведущих ученых в научные организации иной ведомственной принадлежности и, главное, альтернативных организационно-правовых форм, активно внедряющих прогрессивные модели поддержки результатов научных исследований, дифференцированную систему материального обеспечения.

Приведенные выводы, аргументированные в материале примеры предусмотренных в законодательстве правовых преимуществ для российских ученых, при этом не распространяющихся на сотрудников образовательных и научных организаций МВД России, занимающихся научной деятельностью, высветили необходимость ускорения интеграции ученых, проходящих службу в органах внутренних дел, в научные разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации.

Полагаем, что данный процесс должен осуществляться путем создания условий для комфортной работы в коллективах ученых (в том числе молодежных коллективах), объединяющихся для проведения междисциплинарных исследований, стоящих на стыке нескольких областей знания. Безусловно, подобные комфортные условия должны отражать как достойное материальное вознаграждение, так и наличие юридических гарантий эффективного осуществления профессиональной деятельности (решение жилищно-бытовых проблем, приобретение необходимого научного оборудования и т.д.). К примеру, такими перспективными направлениями могли бы стать: исследование нормативной правовой основы, законодательных и правоприменительных проблем регулирования деятельности по редактированию генома человека или применению 3D-печати искусственных тканей и органов и их последующей имплантации человеку, а также многое другое. На сегодняшний день поле для творческого и научного поиска поистине необъятно.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; 2022. № 16. Ст. 2610.
2. Рельев А. Г. Специальный правовой статус : сущность и содержание (на примере сотрудника органов внутренних дел) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36).
3. Актуальные проблемы теории права : учебник. М. : Академия управления МВД России, 2021.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» // Российская газета. 2022. 3 авг. № 169.
5. Рельев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ : теория, практика, техника : монография / под ред. И. Н. Сенякина. Барнаул : АЗБУКА, 2019.
6. Приказ НИУ «Высшая школа экономики» от 5 марта 2022 г. № 6.18.1-01/050322-15 «Об установлении размеров академических надбавок» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: https://www.hse.ru/science/scifund/an2021/an_2021_regulation#pagetop (дата обращения: 14.07.2022).
7. Приказ МВД России от 31 марта 2021 г. № 181 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Отчет Российского научного фонда за 2021 год // Российский научный фонд : сайт. URL: https://rscf.ru/fondfiles/documents/rsf_ar_2021.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

9. Письмо Минфина России от 30 августа 2013 г. № 02-13-09/35843 «О внесении изменений в статьи 78 и 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // *Официальные документы в образовании*. 2014. № 9.

10. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»» // *СЗ РФ*. 2018. № 3. Ст. 546; 2022. № 26. Ст. 4488.

11. Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по науке и образованию, Пр-290, п. 1г-1 // Президент Российской Федерации : сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752> (дата обращения: 15.09.2022).

References

1. Federal Law of 23 August 1996 No. 127-FZ "On Science and State Scientific and Technical Policy". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 35, art. 4137; 2022, no. 16, art. 2610. (In Russ.)

2. Repiev A. G. Special Legal Status: Essence and Content (on the Example of an Employee of the Internal Affairs Bodies). *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3 (36). (In Russ.)

3. Actual Problems of the Theory of Law: Textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. (In Russ.)

4. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 July 2022 No. 32-P "On the Case of Checking the Constitutionality of the First and Second Parts of Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen A. A. Podakov". *Rossiiskaia Gazeta*, 3 August 2022, no. 169. (In Russ.)

5. Repiev A. G.; Seniakin I. N. (ed.). Categories "Privilege" and "Benefits" in the System of Legal Advantages: Theory, Practice, Technique: Monograph. Barnaul: Azbuka, 2019. (In Russ.)

6. Order of the National Research University Higher School of Economics of 5 March 2022 No. 6.18.1-01/050322-15 "On Setting the Amount of Academic Allowances". URL: https://www.hse.ru/Science/Scifund/AN2021/An_2021_regulation#Pagetop (date of the application: 14.07.2022). (In Russ.)

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 31 March 2021 No. 181 "On Approval of the Procedure for Providing Monetary Allowance to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Report of the Russian Science Foundation for 2021. URL: https://rscf.ru/Fond-files/Documents/rsf_ar_2021.pdf (date of the application: 20.10.2022). (In Russ.)

9. Letter of the Ministry of Finance of Russia of 30 August 2013 No. 02-13-09/35843 "On Amendments to Articles 78 and 78.1 of the Budget Code of the Russian Federation". *Official Documents in Education*, 2014, no. 9. (In Russ.)

10. Decree of the Government of the Russian Federation of 30 December 2017 No. 1710 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Providing Affordable and Comfortable Housing and Utilities for Citizens of the Russian Federation'".

Collection of Legislation of the Russian Federation, 2018, no. 3, art. 546; 2022, no. 26, art. 4488. (In Russ.)

11. List of Instructions Following the Results of the Joint Meeting of the State Council and the Council for Science and Education, Pr-290, P. 1G-1. URL: <http://kremlin.ru/Acts/Assignments/Orders/67752> (date of the application: 15.09.2022). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. Г. Репьев – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. G. Repyev – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted to the editorial office 20.10.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-84-94>

МОРСКАЯ ДОКТРИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Евгений Валентинович Годованик

Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь,
Университетская ул., д. 33

evgodovanik@mail.sevsu.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости проведения комплексного правового анализа положений новой редакции Морской доктрины Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512. При этом построение полноценной юридической модели применения норм Морской доктрины требует разностороннего установления содержания ее норм с точки зрения как внутригосударственного, так и международного морского права. Ключевое значение при этом имеет определение оптимальных правовых форм обеспечения национальных интересов России в морской сфере. В результате проведенного исследования сформулирована авторская интерпретация содержания Морской доктрины, показаны ее значимость в современных условиях государственно-правового развития и перспективы реализации в правотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти.

Ключевые слова: Морская доктрина; национальные интересы; военно-морские силы; торговое мореплавание; национальная безопасность Российской Федерации; Мировой океан.

Для цитирования: Годованик Е. В. Морская доктрина Российской Федерации: правовой взгляд на содержание и перспективы реализации // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 84–94. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-84-94>

Research Article

THE MARITIME DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION: A LEGAL VIEW ON THE CONTENT AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION

Evgeny V. Godovanik

Sevastopol State University, 33 Universitetskaia St., Sevastopol, 299053, Russia
evgodovanik@mail.sevsu.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need to conduct a comprehensive legal analysis of the provisions of the new version of the Maritime Doctrine of the Russian Federation, approved by Presidential Decree of 31 July 2022 No. 512. At the same time, building a full-fledged legal model for the application of the norms of the Maritime Doctrine requires a comprehensive establishment of the content of its norms both from the point of view of the domestic and international maritime law. In this case, the determination of the optimal legal forms for ensuring Russia's national interests in the maritime sphere is of key importance. As a result of the study, the author's interpretation of the content of the Maritime Doctrine was formulated, its significance in the current conditions of state and legal development and the prospects for implementation in law-making and law enforcement activities of public authorities were shown.

Keywords: Maritime Doctrine; national interests; naval forces; merchant shipping; national security of the Russian Federation; World Ocean.

For citation: *Godovanik E. V.* The Maritime Doctrine of the Russian Federation: A Legal View on the Content and Prospects of Implementation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2, pp. 84–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-84-94>

Введение

Принятие новой редакции Морской доктрины Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 [1], вне всяких сомнений, имеет важнейшее политико-правовое, стратегическое и программное значение для определения содержания и эффективных способов обеспечения национальных интересов государства в морской сфере, причем речь идет как о гражданском (торговом) мореплавании и мирном использовании Мирового океана, так и о формулировании адекватного ответа на те угрозы и вызовы, которые перманентно возникают в сов-

ременном мире как объективно, так и в результате субъективных политических решений и действий отдельных зарубежных государств, стремящихся в одностороннем порядке без учета основополагающего принципа взаимовыгодного международного сотрудничества и законных интересов других стран установить устраивающие их правила и нормы.

Как абсолютно справедливо подчеркнул в своем выступлении, посвященном принятию исследуемого документа, на Главном военно-морском параде в г. Санкт-Петербурге 31 июля 2022 г. Президент России В. В. Путин, в новой редакции Морской доктрины «мы открыто обозначили границы и зоны национальных интересов России – и экономических, и жизненно важных стратегических. Прежде всего, это наши арктические акватории, воды Черного, Охотского и Берингова морей, балтийские и курильские проливы» [2].

Данный тезис, озвученный главой государства, нашел свое непосредственное отражение в формально-юридических положениях подзаконного нормативного правового акта стратегического, программного характера, которыми по своей регулятивной природе и структурному расположению в иерархии источников российского права начиная с 1993 г. являются доктрины, утверждаемые указами Президента.

На стратегический характер Морской доктрины обращает внимание и Ж. И. Овсепян, по методологически выверенному и доктринально обоснованному с глубоких конституционно-правовых позиций мнению которой масштабом любой доктрины является целиком какая-либо государственная функция [3]. Например, Военная доктрина создает необходимый комплекс условий и предпосылок для осуществления функции обороны государства, Доктрина развития российской науки обеспечивает государственную функцию управления научной сферой, Доктрина информационной безопасности выражает информационную функцию государства и т.д.

Соглашаясь с предложенной интерпретацией доктрины как функционального подзаконного нормативного правового акта стратегического характера, на наш взгляд, вместе с тем необходимо подчеркнуть определенное своеобразие и уникальность Морской доктрины среди всех подобных документов, поскольку ее положения направлены на реализацию даже не какой-то одной, а сразу нескольких функций современного суверенного государства, основными и направляющими из которых являются две: 1) функция мирного торгово-экономического морского сотрудничества и освоения Мирового океана со всей совокупностью его полезных живых и неживых ресурсов; 2) функция защиты национальных интересов военно-морскими силами и средствами (военно-морская функция), которая является видовым элементом родовой функции обороны государства.

1. Содержание и сущность Морской доктрины

Исходя из указанной дихотомии внутреннего содержания сущность Морской доктрины определяется балансом двух указанных государственных функций, представляющих публичный интерес для всего общества, между собой, при этом, как представляется, теоретически при разработке доктринальных положений возмож-

ны три варианта: а) преобладание торгово-экономических целей, задач и приоритетов; б) доминирование военно-морских задач и интересов; в) разумный баланс между торгово-экономическими задачами и положениями, направленными на обеспечение национальных интересов государства военно-морскими силами.

Первый вариант, на наш взгляд, вряд ли возможен в современном мире, поскольку в реально существующих сегодня условиях невозможно обеспечить национальные интересы государства исключительно на торгово-экономическом уровне и, более того, даже классическое торговое мореплавание при нынешних угрозах и вызовах требует полноценного и планомерного гарантирования безопасности судоходства эффективными международно-правовыми механизмами (одним из примеров является угроза пиратства, которую многие исследователи относят к глобальным проблемам современной универсальной повестки дня).

Второй вариант реализуется в государственной политике некоторых государств, которые принимают документ под названием «военно-морская доктрина» либо «военно-морская стратегия» (оба этих названия ввиду неизменного стратегического назначения доктрины несут приблизительно одинаковую смысловую нагрузку), акцентируя тем самым усилия законодательных и правоприменительных органов в ближайшей тактической и общей стратегической перспективе на обеспечении национальных интересов именно военно-морскими силами и средствами как, по мнению разработчиков, основным и необходимым инструментом их практической реализации.

Примером указанного документа является военно-морская стратегия США, одобренная 3 марта 2015 г. под названием «Морская мощь XXI века» [4], которая напрямую и безоговорочно связывает статус «великой морской державы» с понятием «военно-морская мощь», что говорит о готовности продвигать свои национальные интересы, включая торгово-экономические, через применение вооруженных, в частности военно-морских, сил, не считаясь с основополагающими нормами и принципами международного права, а также морскими политическими и экономическими границами других субъектов международно-правовых отношений. Кроме того, документ обязывает Конгресс «поддерживать военно-морской флот», в чем проявляется институциональный обеспечительный компонент реализации поставленных стратегических задач по достижению военно-морской мощи как основы комплексной защиты национальных интересов широкого диапазона и точек приложения усилий. Как показывает вся предыдущая история, военно-морские силы действительно широко применяются США во всех частях мира для обеспечения гегемонии и продвижения собственных военно-политических и торгово-экономических интересов, прибегая периодически, кроме всего прочего, к территориальным захватам и насильственному ограничению суверенитета других государств. В данном контексте можно вспомнить, например, осуществленную в 1898 г. при непосредственном участии американских военно-морских сил аннексию Гавайских островов, включенных впоследствии в состав США в качестве очередного штата, или ключевое значение американской авианосной группы при осуществлении вооруженной агрессии против Ирака в 2003 г. Все эти и многочисленные подобные им действия находятся в полном онтологическом и диалектическом соответствии с программным положе-

нием последней редакции военно-морской стратегии, согласно которому контроль США на морях и океанах является гарантией контроля за глобальной экономикой и торговлей. При реализации такого концептуального подхода к морскому развитию государства происходит довольно опасное для поддержания международного мира и безопасности в смысле, заложенном Уставом ООН, смешивание понятий «морская сфера» и «военно-морская мощь», поскольку мирная морская деятельность ставится в полную корреляционную зависимость от способности ее вооруженного сопровождения, основанного прежде всего на военно-техническом превосходстве флота среди других равноправных суверенных государств, имеющих свои, главным образом – торгово-экономические, национальные интересы в Мировом океане.

В новой Морской доктрине Российской Федерации, наоборот, как представляется, находит свое отражение третий, наиболее целесообразный и учитывающий интересы партнеров, теоретико-методологический подход, основанный на разумном балансе мирных форм использования Мирового океана и реализации военно-морских задач целей и задач, направленных в любом случае на защиту законных торгово-экономических и научно-исследовательских интересов общества и представляющего его в международных отношениях государства.

2. Цели российской морской политики

Формально-юридическим подтверждением данного утверждения является перечень целей российской морской политики, к которым п. 7 документа были отнесены: «а) сохранение суверенитета во внутренних морских водах, территориальном море, а также в воздушном пространстве над ними, на дне и в недрах; б) реализация юрисдикции и защита суверенных прав в исключительной экономической зоне на разведку, разработку, транспортировку и сохранение природных ресурсов, находящихся на дне, в его недрах и в покрывающих водах, управление этими ресурсами, производство энергии путем использования воды, течений и ветра, создание и использование искусственных островов, установок и сооружений, проведение морских научных исследований и сохранение морской среды; в) реализация и защита суверенных прав на континентальном шельфе Российской Федерации по разведке и разработке его ресурсов; г) реализация и защита свободы открытого моря; д) обеспечение сохранения человеческой жизни на море; е) защита территории Российской Федерации от агрессии с океанских и морских направлений, охрана государственной границы Российской Федерации на море; ж) обеспечение устойчивого экономического и социального развития страны; з) сохранение морских природных систем и рациональное использование их ресурсов» [1].

Как можно увидеть из приведенных стратегических целей, только две цели (п. «а» и «е») имеют ярко выраженный военно-морской характер, при этом остальные направлены на мирные формы использования Мирового океана и его ресурсов, но без ущерба и ущемлений для России со стороны других участников морских правоотношений, что, безусловно, является недопустимым.

Именно на защиту стремления к мирному и равноправному с другими партнерами использованию Мирового океана и его ресурсов направлена и важнейшая роль военно-морского флота, также подробно обозначенная в тексте доктрины.

Всемерная поддержка военно-морских сил и техническое, кадровое, материальное развитие их потенциала особенно важны в современных условиях проведения так называемой политики сдерживания России со стороны США и некоторых других членов НАТО, направленной на продвижение своих морских интересов в ущерб жизненно важным российским, причем целиком аргументированным и обоснованным с точки зрения действующих норм международного и внутригосударственного морского права.

В то же время в новой редакции Морской доктрины, в отличие от утратившей силу предыдущей, принятой в 2015 г. [5], значительно сокращено описание ключевых приоритетов военно-морской деятельности (вместо 11 пунктов осталась всего одна единственная отсылочная норма, которая, впрочем, скорее всего, дает основание предполагать ожидаемое принятие отдельного указа Президента РФ по вопросам военно-морской деятельности, что также было бы вполне логичным определением практического механизма реализации положений доктрины в части ее военно-морской составляющей).

3. Принципиальные изменения и новые понятия

Положительным фактором проведенный формально-юридический анализ Морской доктрины дает основание считать и конкретизацию многих понятийных категорий, без которых невозможна качественная формулировка качественных норм стратегического масштаба, причем некоторые из таких дефиниций в российском законодательстве появились впервые.

Среди таких понятий следует особо отметить следующие, представляющие значительный научно-практический интерес и совершенствующие детализацию правового регулирования морской сферы: «национальная морская политика РФ», «морская деятельность Российской Федерации», «национальные интересы РФ в Мировом океане», «риски возникновения угроз национальной безопасности РФ в сфере морской деятельности», «вызовы национальной безопасности РФ в мировом океане», «угрозы национальной безопасности РФ в Мировом океане».

Так, например, определение понятия морской деятельности Российской Федерации раскрывает формы и методы указанного вида реализации морской функции государства, и может стать модельным (типовым) для нормативного установления содержания морской деятельности любого современного суверенного государства, имеющего национальные интересы в Мировом океане. Принятое определение (п. 1 Морской доктрины) включает в себя основные признаки морской деятельности, к которым можно отнести следующие: а) пространственной средой морской деятельности является весь Мировой океан и Каспийское море как специфический водный объект с особым расположением и правовым режимом (онтологическая характеристика морской деятельности); б) функциональными формами морской деятельности являются изучение, освоение и использование Мирового океана (праксиологическая характеристика); в) целями морской деятельности является устойчивое развитие и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации (телеологическая характеристика).

Важной особенностью, демонстрирующей тесную взаимосвязь норм и принципов внутригосударственного и международного морского права, является прямая

имплементация в текст доктрины основных принципов международного морского права, к которым относится, в частности, «свобода открытого моря, включающая свободу судоходства, полетов, рыболовства, научных исследований, прокладки подводных кабелей и трубопроводов» (п. 5 «в» Морской доктрины).

К сожалению, последние события, происходящие в мире, показывают всю серьезность угроз для соблюдения и эффективного гарантирования всем субъектам международно-правовых отношений указанных основополагающих морских свобод, включая свободу прокладки и эксплуатации подводных трубопроводов. Одним из демонстративных примеров в этой связи служит диверсия, совершенная на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2» в пределах исключительной экономической зоны Дании в ночь на 26 сентября 2022 г., в результате которой, кроме прямого ущерба экономическим интересам Российской Федерации и ее торговых партнеров (в гораздо большей степени, по нашей субъективной оценке, можно говорить именно об ущербе, нанесенном европейским партнерам – потребителям природного газа, но это уже, впрочем, составляет, скорее всего, предмет экономического, а не правового исследования), был нанесен существенный вред экологической системе Балтийского моря вследствие утечки газа в четырех местах [6]. Так, в научном сообществе были высказаны опасения о том, что выброс метана из лопнувших газопроводов «Северный поток» в Балтийское море может стать одной из самых серьезных утечек природного газа за всю историю и создать значительные климатические риски [7]. Таким образом, в контексте рассмотрения последствий данной диверсии можно констатировать и прямое посягательство на отраженный в Морской доктрине (п. 5 «е») универсальный международно-правовой принцип предотвращения загрязнения морской среды отходами производства, потребления и утилизации, что, в свою очередь, также должно способствовать активизации научно-практической дискуссии о создании эффективных правовых механизмов обеспечения безопасности объектов, построенных в соответствии с реализацией основных морских свобод, в зоне ответственности зарубежных государств (исключительной экономической зоне) и открытом море.

Следует подчеркнуть также существенные изменения в новой редакции Морской доктрины относительно видов государственной морской деятельности, в своем синергетическом симбиозе нацеленных на эффективное изучение, освоение и использование Мирового океана в результате формирования надлежащей нормативной правовой базы и необходимой институциональной основы реализации действующего профильного законодательства в морской сфере. К таким видам относятся целый расширенный их перечень, а именно судостроение, кадровое обеспечение, морское образование и воспитание, информационное обеспечение морской деятельности, обеспечение безопасности мореплавания, медико-санитарное обеспечение морской деятельности, обеспечение безопасности объектов морской инфраструктуры, борьба с морским пиратством и терроризмом.

4. Перспективы становления и развития морского права Азово-Черноморского бассейна

Особое значение, на наш взгляд, имеет четкое разделение и подробное формулирование стратегических морских приоритетов по региональному признаку.

При этом важнейшее значение в контексте актуальной повестки дня на сегодняшний день имеет определение правильных приоритетов развития Азово-Черноморского бассейна (далее – АЧБ), которые в результате системной и организованной работы всех уровней публичной власти, гражданского общества, научного и экспертного сообщества должны стать концептуальными основами формирования морского права АЧБ как комплексной отрасли внутригосударственного и международного морского права, способствующей эффективной реализации стратегических российских интересов в Большом Средиземноморье в целом.

Безусловную позитивную роль для создания и дальнейшего совершенствования комплексного правового регулирования морской деятельности в АЧБ, а также эффективного применения соответствующих норм с целью реализации основных приоритетов, на наш взгляд, имеет непосредственное отражение в новой редакции Морской доктрины объективно сложившихся в последнее время формально-юридических и политико-правовых фактов.

Так, например, из Морской доктрины вполне логично было изъято определение Керченского пролива как имеющего международно-правовой режим использования. В то же время представляется необходимым дополнить положения доктрины отдельным положением об изменении правового режима Азовского моря, которое перестало быть внутренним морем двух государств, а в результате принятия в состав России новых субъектов федерации, имеющих прибрежное географическое расположение, и внесения соответствующих дополнений в ст. 65 Конституции РФ [8] фактически и юридически стало внутренним морем Российской Федерации. В результате указанного изменения правовой режим Азовского моря также должен рассматриваться как внутригосударственный, а не международно-правовой, с полным распространением на всю его акваторию государственного суверенитета Российской Федерации.

В целом стратегическая концепция формируемого морского права АЧБ должна быть построена исходя из важнейшего положения, закрепленного п. 56 Морской доктрины, в соответствии с которым «на Черном и Азовском морях основой национальной морской политики являются ускоренное восстановление и всестороннее укрепление стратегических позиций Российской Федерации, поддержание мира и стабильности в регионе» [1].

Ключевыми функциональными направлениями развития АЧБ, по нашему мнению, исходя из обозначенной выше целевой (телеологической) установки должны стать: а) взаимодействие с международными организациями (многосторонний уровень) и зарубежными государствами (двусторонний уровень), направленное на снятие ограничений с морских портов Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также профилактика подобных недружественных действий относительно портов, расположенных в новых субъектах Российской Федерации, включая города Мариуполь и Бердянск; б) организационно-правовая и политико-правовая работа по совершенствованию существующих международно-правовых механизмов использования черноморских проливов и акватории Черного моря (исходя в том числе из попыток некоторых зарубежных государств осуществить некий пересмотр Конвенции Монтре либо использовать некоторые

недоработки либо пробелы в существующих конвенционных нормах в своих ситуативных политических целях, что совершенно недопустимо при последовательном применении международно-правовых норм, направленных на равное обеспечение безопасности региона и соблюдение законных интересов всех причерноморских государств); в) усиление военно-морского потенциала Черноморского флота РФ, который, безусловно, выступает надежным гарантом мира и стабильности в АЧБ, необходимым элементом которых выступает полноценное соблюдение суверенных прав и комплексная реализация законных интересов России в морской сфере.

В целом именно комплексное осуществление всех указанных направлений, как представляется, позволит надлежащим образом реализовать жизненно важные стратегические интересы России, и именно такой методологический подход должен быть в основе постепенно формирующегося в российской правовой доктрине морского права АЧБ.

Заключение

Подытоживая результаты проведенного исследования содержания и перспектив реализации утвержденной 31 июля 2022 г. Морской доктрины Российской Федерации можно прийти к нескольким основным выводам, выражающим правовой взгляд на сформулированные в указанном стратегическом документе положения.

Во-первых, Морская доктрина Российской Федерации по своей правовой природе является комплексным, программным подзаконным актом стратегического масштаба, который направлен на формирование системной парадигмы реализации функций государства в морской сфере, объединяющей гражданское (торгово-экономическое, научно-исследовательское, экологическое) и военно-морское направления развития. Указанный характер исследуемого документа определяет дихотомическое содержание составляющих его норм – нормы-дефиниции, определяющие ключевые понятийные категории в сфере морской деятельности государства, а также нормы-цели, устанавливающие цели, задачи, приоритеты данного вида функциональной деятельности.

Во-вторых, новая редакция Морской доктрины концептуально построена на соблюдении разумного баланса гражданских и военно-морских целей, задач, приоритетов, при этом военно-морские силы выступают необходимым обеспечительным компонентом по отношению к мирному освоению Мирового океана и рациональному хозяйствованию в нем.

В-третьих, конкретные задачи и ожидаемые результаты их практической реализации сгруппированы по региональному принципу, причем в качестве одного из стратегически важных регионов выделен Азово-Черноморский бассейн, актуальность формирования качественного и эффективного правового регулирования морской деятельности России в котором обусловлена целым рядом объективно существующих факторов, среди которых: изменение правового режима Азовского моря с международно-правового на внутригосударственный; обострение проблемных вопросов, связанных с соблюдением Конвенции Монтре и необходимостью

обеспечения справедливого, соответствующего действующим международно-правовым нормам порядка эксплуатации Черноморских проливов; актуальность поиска решения международно-правовых проблем, связанных с использованием морских портов Республики Крым и г. Севастополя; исключительное значение внедрения эффективной модели реинтеграции новых регионов в состав Российской Федерации в части использования морских портов и осуществления других форм морской деятельности; стратегическая значимость Черноморского флота РФ как гаранта мира, безопасности и государственного суверенитета России в пределах ее морских границ. Все перечисленные обстоятельства объективируют и актуализируют необходимость формирования морского права Азово-Черноморского бассейна в качестве самостоятельной, имеющей свой обособленный предмет отрасли российского морского права, комплексно и неразрывно включающей в себя нормы как внутригосударственного, так и международного морского права. При этом формирование такой отрасли целиком соответствуют обозначенному выше региональному подходу к стратегическому планированию в морской сфере, непосредственно отраженному в положениях Морской доктрины.

Пристатейный библиографический список

1. Морская доктрина Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Путин : в новой Морской доктрине открыто обозначены границы и зоны национальных интересов России // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/15353617> (дата обращения: 26.12.2022).
3. Девять отличий Морской доктрины России 2022 года от предыдущей версии назвала эксперт Южного федерального университета // Южный федеральный университет : сайт. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/69404> (дата обращения: 26.12.2022).
4. Стратегия Военно-морских сил США «Морская мощь XXI века» от 13 марта 2015 г. // Pentagonus : сайт. URL: http://pentagonus.ru/publ/strategija_vms_ssha_xxi_veka_perevod/26-1-0-2125 (дата обращения: 26.12.2022).
5. Морская доктрина Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 17 июня 2015 г. № Пр-1210) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Диверсия на «Северных потоках» // Википедия : сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 26.12.2022).
7. Nord Stream gas leaks may be biggest ever, with warning of large climate risk // The Guardian : сайт. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/28/nord-stream-methane-gas-leaks-may-be-biggest-ever-with-warning-large-climate-risk> (дата обращения: 26.12.2022).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Maritime Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of 31 July 2022 No. 512) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Putin: The New Maritime Doctrine Openly Outlines the Boundaries and Zones of Russia's National Interests. URL: <https://tass.ru/politika/15353617> (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
3. Nine differences between the Russian Maritime Doctrine of 2022 and the previous version were named by an expert from the Southern Federal University. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/69404> (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
4. The Strategy of the US Navy "Sea Power of the 21st Century" of 13 March 2015. URL: http://pentagonus.ru/publ/strategija_vms_ssha_xxi_veka_perevod/26-1-0-2125 (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
5. Maritime Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of 17 June 2015 No. Pr-1210) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Sabotage at Nord Stream. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (date of the application: 26.12.2022). (In Russ.)
7. Nord Stream gas leaks may be biggest ever, with warning of large climate risk. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/sep/28/nord-stream-methane-gas-leaks-may-be-biggest-ever-with-warning-large-climate-risk> (date of the application: 26.12.2022).
8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Годованик – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

E. V. Godovanik – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 26.12.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-95-105>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Ирина Викторовна Бухарова¹

Анна Александровна Никитина²

^{1,2} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Соборный переулок, д. 26

¹ 2909195irina@mail.ru

² annanikitina81@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается институт мирового соглашения в арбитражном процессе, исследуется его сущность, устанавливаются основные проблемы применения мирового соглашения, а также предлагаются способы разрешения данных проблем. Актуальность работы заключается в высокой значимости института мирового соглашения как способа урегулирования спора в сложившейся экономической и правовой действительности. Существующее мировое соглашение между сторонами правового конфликта позволяет облегчить работу судов, а также выстроить возможную практику по внесудебному урегулированию споров, что приведет к снижению обращений в арбитражные суды с заявлениями. Целью исследования является анализ положений законодательства России о мировом соглашении и выявление существующих проблем развития института мирового соглашения в арбитражном процессе. Предметом исследования являются нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ о мировом соглашении. Посредством анализа норм действующего российского законодательства и доктрины авторы указывают на двойственную правовую природу мирового соглашения. Подчеркивается, что мировое соглашение – акт все-таки межотраслевого характера, а не материального или процессуального права. Данный институт следует рассматривать во взаимосвязи категорий, а при его изучении также необходимо исходить из назначения мирового соглашения.

Ключевые слова: правовой спор; мировое соглашение; арбитражный процесс; суд; урегулирование спора.

Для цитирования: Бухарова И. В., Никитина А. А. Правовая природа института мирового соглашения в арбитражном процессе и проблемы его развития // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 95–105. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-95-105>

Research Article

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF A SETTLEMENT AGREEMENT IN ARBITRATION PROCEDURE AND THE PROBLEMS OF ITS DEVELOPMENT

Irina V. Bukharova¹

Anna A. Nikitina²

^{1,2} Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 26 Sobornyi Lane, Rostov-on-Don, 344002, Russia

¹ 2909195irina@mail.ru

² annanikitina81@yandex.ru

Abstract

The article discusses the institution of a settlement agreement in the arbitration process, examines its essence, identifies the main problems of applying a settlement agreement, and also suggests ways to resolve these problems. The relevance of the scientific work is expressed in the great significance of the institution of a settlement agreement as a way of settling a dispute in the present economic and legal reality. The existing settlement agreement between the parties to the legal conflict makes it possible to facilitate the work of the courts, as well as to build a possible practice for the out-of-court settlement of disputes, which will lead to a decrease in appeals to arbitration courts with applications. The purpose of the study is to analyze the provisions of Russian legislation on the settlement agreement and identify existing problems of the evolution of the institution of a settlement agreement in the arbitration process. The subject of the research is the norms of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation on the settlement agreement. By analyzing the norms of the current Russian legislation and doctrine, the author points to the dual legal nature of the settlement agreement. It is emphasized that the settlement agreement is still an act of an intersectoral

nature, and not of substantive or procedural law. This institution should be considered in the relationship of categories, and when studying it, it is also necessary to proceed from the purpose of the settlement agreement.

Keywords: settlement agreement; legal dispute; arbitration procedure; court; dispute settlement.

For citation: *Bukharova I. V., Nikitina A. A. The Legal Nature of the Institution of a Settlement Agreement in Arbitration Procedure and the Problems of its Development. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 95–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-95-105>*

Введение

Мировое соглашение представляет собой институт арбитражного процессуального права. Данный вывод можно сделать исходя из смысла норм о мировом соглашении Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). Посредством мирового соглашения фиксируется результат проведенных сторонами конфликта примирительных процедур, спор прекращает свое существование, и теперь у сторон отсутствует возможность обратиться к суду за разрешением правового спора, по которому было заключено мировое соглашение.

Прежде чем говорить о проблемах и возможных способах их разрешения, следует разобраться с сущностью и значением непосредственно самого мирового соглашения. В АПК РФ отсутствует легальное определение исследуемого нами понятия, но мы можем обратиться к постановлениям уже упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ). Так, в соответствии с п. 9 постановления Президиума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» мировое соглашение представляет собой соглашение сторон, т.е. сделку [1]. Подробно термин «мировое соглашение» в данном постановлении не раскрывается, что выступает существенным препятствием в изучении данного института, поскольку именно постановления ВАС РФ и Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) в большинстве своем дают все необходимые разъяснения, позволяя правоприменителям правильно понимать природу того или иного вопроса. В связи с этим считаем также необходимым обратиться к определению Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О, которое закрепляет следующее: «Мировое соглашение представляет собой соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок и является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав» [2]. Благодаря данному определению можно твердо убедиться в правильном понимании значения мирового соглашения как инструмента, заканчивающего правовой спор между сторонами посредством компромиссных решений, к которым приходят стороны в процессе примирительной процедуры. Можно добавить, что мировое соглашение также допускается рассматривать как действие сторон, а также как просто юридический документ, которым оформляется устраивающий все стороны исход перемирия.

Стоит отметить, что за время существования рассматриваемого термина в законодательстве Российской Федерации были выявлены определенные проблемы, как правового, так и неправового характера, препятствующие полноценному становлению и развитию мирового соглашения как института процессуального законодательства. Хотелось бы подчеркнуть, что в настоящее время доктрина выработала достаточно теоретических подходов к пониманию мирового соглашения как института арбитражного процессуального права.

1. Мировое соглашение как институт арбитражного процессуального права

Мировое соглашение являет собой поистине интересный юридический институт, изучением которого занимались целые научные сообщества. Это обусловлено прежде всего высокой значимостью данного способа урегулирования спора как средства, позволяющего, сэкономив время, не прибегая к долгим судебным тяжбам, разрешить конфликтную правовую ситуацию сторонами самостоятельно. Так, доктрина уже давно дала свои определения понятию «мировое соглашение», чтобы более точно исследовать данный институт права. Ученые-процессуалисты (особенно по части арбитражного процесса) представили свои подходы к пониманию правовой природы мирового соглашения.

Например, И. В. Орлова дает следующее определение мировому соглашению: «Мировое соглашение – это утвержденный судом договор сторон об окончании производства по делу на взаимоприемлемых условиях урегулирования правового спора» [3, с. 33]. А. М. Абдрашитов считает мировое соглашение фактическим составом, складывающимся из ряда процессуальных действий сторон и суда, которые совершаются в строгой последовательности [4, с. 126].

Перед тем как приступить к рассмотрению различных точек зрения на сущность правового института, хотелось бы подчеркнуть, что взгляды относительно его природы менялись с момента его появления и, как авторы смеют предположить, будут продолжать меняться и в будущем. Так, точки зрения на правовую природу рассматриваемого в данной статье института мирового соглашения неоднозначны в научном сообществе в настоящее время. Это прежде всего связано с тем, что мировое соглашение рассматривается учеными с трех позиций:

- 1) мировое соглашение как гражданско-правовая сделка;
- 2) мировое соглашение как правовой акт процессуального права;
- 3) мировое соглашение как акт межотраслевого характера.

Так, подтверждение первой позиции можно увидеть в уже упомянутом авторами Постановлении Президиума ВАС РФ № 50, в котором мировое соглашение обозначено как сделка, к которой применяются положения гражданского законодательства о договорах. По сути, сам законодатель рассматривает мировое соглашение как гражданско-правовую сделку, условия действительности которой определяются федеральными законами. Но здесь хотелось бы подчеркнуть, что отличие мирового соглашения от гражданско-правовых сделок в том, что мировое соглашение направлено непосредственно на прекращение процессуальных действий.

Вторая позиция основывается на суждении, что мировое соглашение – это акт чисто процессуального характера. Так, В. О. Ватаманюк указывает, что «содержа-

ние мирового соглашения сторон может ограничиваться исключительно юридическим актом распоряжения процессуальным правом» [5, с. 38]. Из данного положения следует, что отнесение мирового соглашения к акту материального права является неверным в связи с возможностью предусмотреть в мировом соглашении пункты, носящие чисто процессуальный характер. К таким пунктам можно отнести, например, договоренность между сторонами о прекращении судебного дела, либо условие об отказе истца от иска, либо признание ответчиком заявленных требований, т.е. в условиях мирового соглашения отсутствуют пункты, регулирующие материально-правовые отношения сторон.

Третья позиция исходит из межотраслевого характера мирового соглашения, подводя к тому, что мировое соглашение направлено на достижение не только гражданско-правовых договоренностей, но и договоренностей процессуального характера, поскольку мировое соглашение является прежде всего актом, прекращающим производство по судебному делу на основе непринудительного урегулирования взаимных требований сторон (ст. 141 АПК РФ). Данная позиция кажется авторам наиболее аргументированной, потому что учитывает имеющуюся двойственность. Мировое соглашение – это, с одной стороны, процессуальный способ урегулирования спора, в своем содержании может иметь пункты, относящиеся непосредственно к процессуальному характеру отношений (отказ от иска, признание, прекращение дела), а с другой стороны, соглашение, закрепляющее условия, касающиеся материально-правовых отношений сторон. Как уже упоминалось выше, в мировом соглашении могут быть предусмотрены пункты чисто процессуальной категории, но отсутствие пункта на регулирование материально-правовой стороны спора не является однозначным доказательством принадлежности института к категории процессуального права.

В абсолютном большинстве случаев мировое соглашение несет в себе смешанную правовую природу, это институт, объединяющий в себе черты материального и процессуального права, поэтому рассмотрение его исключительно в качестве гражданско-правовой сделки является неверным подходом к его изучению. Как указывает К. Г. Яминов, «заключение мировых соглашений, в отличие от гражданско-правовых сделок, осуществляется в процессе судебных процедур и правил, под контролем суда» [6, с. 34–37].

Интересную мысль высказал А. Е. Солохин: «...понимание мирового соглашения как результата примирения сторон, а не как примирительной процедуры точнее отражает его природу» [7, с. 125–158].

Исходя из анализа положений о мировом соглашении можно заключить, что правовая природа рассматриваемого авторами института носит двойственный правовой характер, что подтверждается официальными разъяснениями и имеющейся судебной практикой.

2. Добровольное урегулирование взаимных претензий и утверждение взаимных уступок

Одним из недопониманий является уступка в мировом соглашении, а именно вопрос об обязательных взаимных уступках в нем. Так, И. С. Вольман указывает на

обязательность таких взаимных уступок [8, с. 656]. Другая часть ученых-процессуалистов не согласна с такой позицией, указывая на необязательность взаимных уступок. Тщательное исследование судебной практики (постановления Арбитражного суда Московского округа от 9 августа 2021 г. № Ф05-14389/2021 по делу № А40-175164/2020, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 августа 2021 г. № 13АП-10899/2021 по делу № А56-117177/2020) показывает в большинстве случаев наличие взаимных уступок сторон в качестве условия мирового соглашения. О взаимности уступок также говорит уже представленное в данной работе постановление Президиума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50, в котором подчеркивается, что «стороны прекращают спор (полностью или в части) на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок» (п. 9). Такая точка зрения вполне обоснована, поскольку мировое соглашение в большинстве своем больше является актом компромисса между сторонами правового конфликта, закрепляя в своем содержании взаимные уступки сторон по отношению друг к другу. Считается, что при взаимных уступках сторон по результатам примирительных процедур повышается вероятность добровольного исполнения договоренностей заинтересованными сторонами [9].

О необязательности наличия взаимных уступок в мировом соглашении говорит буквальное толкование положений АПК РФ о мировом соглашении, где уступка не указана в качестве обязательного условия такого соглашения. Об отсутствии взаимных уступок как обязательной части мирового соглашения может говорить также возможность предусмотреть в его содержании условие о прощении долга со стороны истца и (или) условие о признании долга со стороны ответчика. Такое признание является односторонним волеизъявлением стороны, т.е. не требующим согласия другой стороны, а нуждается только в действии одной стороны.

Закрепление взаимных уступок в качестве одного из основных условий мирового соглашения, по мнению автора, будет препятствовать нормальному урегулированию конфликта между сторонами. При утверждении мирного урегулирования споры суды как обязательные участники правоотношения должны были бы определить наличие компромиссов, а не найдя их, отклонить акт мирного урегулирования, продолжив процесс и приняв решение по делу. Данное обстоятельство, как видится, только ухудшает имеющееся положение, не помогая тем самым сторонам в разрешении конфликта и непосредственно самому суду как органу, утверждающему мировое соглашение.

Как уже и упоминалось выше, мировое соглашение, исходя из общего анализа определений, приведенных в данной статье, и дефиниций, предложенных цивилистами для понимания института, в некоторых случаях можно рассматривать как акт взаимных уступок сторон друг к другу в целях разрешения конфликта и достижения взаимоприемлемого решения. Поэтому одной из основных проблем является непосредственно неуступчивость сторон. Бесспорным является факт, что чаще всего до заключения мирового соглашения стороны фактически не ведут активные переговоры об условиях примирения, в поисках компромиссного и взаимовыгодного решения для обеих сторон с мыслью, что уступить должен только другой участник правового спора. Такое отношение сторон к мировому соглашению

показывает несерьезность намерений сторон, можно сказать, даже безразличие, если отсутствует возможность урегулировать конфликт без ответной уступки.

Сами стороны правового спора, отказываясь уступать друг другу, создают проблему, заключающуюся в том, что суд может отказать в удостоверении мирового соглашения, поскольку он сам напрямую проверяет взаимность уступок сторон. Данное действие суда призвано защитить добросовестную сторону от недобросовестной.

Порой стороны слишком легкомысленно поступают при решении заключить мировое соглашение, рассчитывая, что оппонент готов пойти на уступки во вред себе. Это вызвано прежде всего отсутствием должного понимания у сторон, что есть мировое соглашение и какова его природа. Недостаточная правовая культура приводит к тому, что участники спора, наоборот, тратят еще больше времени на урегулирование конфликта, а также существует большая вероятность ухудшения отношений между сторонами. Данные обстоятельства служат препятствием для заключения акта мирного урегулирования спора, а также возвращают стороны к первоначальному – в суд.

При заключении мирового соглашения необходимо помнить, что его сущность состоит в том, чтобы прийти к компромиссу, который удовлетворит обе стороны и не будет нарушать ничьих прав и свобод.

Мировое соглашение должно являться результатом разумного компромисса между интересами сторон, не допуская злоупотребления правами лиц, заключивших его. Мировое соглашение не должно служить созданию искусственной правовой ситуации, позволяющей в дальнейшем предъявлять реальные имущественные претензии другим участникам экономического оборота (постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа от 7 июля 2010 г. № Ф09-5304/10-С6 по делу № А60-27676/09, Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 марта 2013 г. по делу № А56-13368/2009) [11].

Необходимо на самой первой стадии обсуждения возможного мирного соглашения предоставлять сторонам спора полное разъяснение сущности и значимости данного соглашения. Как показывает практика, участники мирового соглашения в большинстве случаев однобоко воспринимают данный институт права, что приводит к недопониманиям и дальнейшим судебным разбирательствам. Такое положение не способствует должному развитию исследуемого института и не облегчает работу арбитражных судов.

3. Положение мирового соглашения и его вариативное исполнение

Еще одной проблемой является возможность вариативного исполнения положений мирового соглашения. Вправе ли стороны конфликта в арбитражном процессе в принципе заключить такое мировое соглашение, которое бы предписывало различные варианты его исполнения? Нельзя ответить утвердительно на данный вопрос, что действительно может быть утверждено мировое соглашение, которое бы предусматривало совершение одного из действий на выбор самой стороны, которое бы приводило к его исполнению. При заключении мирового соглашения следует брать в расчет тот факт, что сам по себе вопрос о возможности предусмотреть различные варианты исполнения мирового соглашения четко не урегулирован действующим российским законодательством.

В соответствии с действующим законодательством условия мирового соглашения должны быть четкими, ясными и определенными, чтобы не было неясностей и споров по поводу его содержания при исполнении, а само мировое соглашение было исполнимым с учетом правил о принудительном исполнении судебных актов.

За период существования возможности заключения мирового соглашения в России уже сложилась определенная судебная практика (например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 2 октября 2020 г. № Ф05-15389/2020 по делу № А40-219028/2019, от 8 мая 2018 г. № Ф05-12511/2017 по делу № А40-89026/2016), которая предусматривает невозможность содержания различных вариантов его исполнения в силу того, что мировое соглашение направлено на прекращение спора, а соответственно оно должно быть исполнимым, поэтому данными решениями судов складывается практика о невозможности указания в мировом соглашении нескольких вариантов исполнения мирового соглашения.

Несмотря на данную правовую позицию, существует абсолютно противоположное мнение, которое же в свою очередь предусматривает выбор способа исполнения мирового соглашения (таким примером служит постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 августа 2017 г. № Ф04-1985/2017 по делу № А81-4018/2012).

Непонимание данного вопроса приводит к различному разрешению вопроса о возможности предусмотреть в мировом соглашении, заключенном в арбитражном процессе, вариант его исполнения.

В целом хочется добавить, что вопрос исполнимости является одним из наиболее волнующих, а обусловлено это тем, что никто не хочет терять время на в итоге не рабочее мировое соглашение, поэтому не остается иного выхода заставить стороны всерьез относиться к мировому соглашению иначе как обеспечить им окончательность, а также исполнимость достигнутых договоренностей.

Приведенные в пример две позиции выше показали неоднозначность вопроса о варианте исполнения мирового соглашения, что, по нашему мнению, должно быть непосредственно разрешено на законодательном уровне. Предлагается разрешить имеющееся противоречие путем дачи разъяснений, выраженных в форме постановления Пленума ВС РФ.

Негативная сторона процедуры заключения мирового соглашения, выражающаяся в недостаточной правовой регламентации процедуры, в отсутствии достаточной гарантированности исполнения положений мирового соглашения, а также неясности законодательства относительно инициаторов процедуры, препятствует должному использованию сторонами процесса данного инструмента прекращения спора и его становлению в правовой системе России.

Заключение

Подводя итог исследованию, хотелось бы отметить двойственную правовую природу мирового соглашения. Относить его к категории материального права или процессуального права, по мнению авторов, не является правильным подходом в изучении данного института, и это обусловлено прежде всего тесной взаимосвязью между материальным и процессуальным правом. Такая дуальность института

мирового соглашения определенно вызывает вопросы, но с учетом юридической техники и сложившегося правопонимания относить предмет исследования к чему-то одному – неправильно.

Неоднократно было подчеркнuto, что институт мирового соглашения носит скорее межотраслевой характер, что было подчеркнuto доводами о наличии в содержании мирового соглашения пунктов, предусматривающих вопросы чисто материально-правового характера, а также возможности содержания пунктов чисто процессуального характера.

Авторами также был представлен перечень проблем исследуемого института, которые являются непривлекательными для сторон и объясняют низкую заинтересованность в заключении мирового соглашения. Но хотелось бы подчеркнуть, что недостатки правового регулирования отнюдь не являются нерешаемыми, а наоборот, они показывают пути развития института мирового соглашения, указывают на возможные перспективные направления. Хотелось бы добавить, что законодательно институт мирового соглашения мало как ограничен, что делает его гибким инструментом, который может быть применен, чтобы закончить правовой конфликт. В этом факте и видится его плюс, потому что законодательная неограниченность института позволяет более свободно применять его в жизни. Конечно, такая приспособляемость является благоприятным фактом, но не по тем пунктам, что были выделены в качестве проблем института. Самым главным моментом при внесении новых изменений в действующее законодательство сейчас является учет современных реалий развития общественных отношений, экономического, правового и социального состояния общества.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект» на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Орлова И. В. Понятие, сущность и правовая природа мирового соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 7.
4. Абдрашитов А. М. Правовая природа мирового соглашения // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3.
5. Ватаманюк В. О. Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве // Законы России : опыт, анализ, практика. 2021. № 8.
6. Яминов К. Г. Мировое соглашение как средство защиты // Мировой судья. 2022. № 7.
7. Солохин А. Е. Примирение сторон и его результаты в арбитражном процессе. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 : первые итоги применения // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 6.

8. *Вольман И. С.* Мировая сделка по действующему закону // Вестник советской юстиции. 1925. № 17.
9. *Бортникова Н. А.* Понятие примирительных процедур // СПС «Консультант-Плюс». 2022.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 18 July 2014 No. 50 "On Reconciliation of the Parties in Arbitration Procedure" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 February 2004 No. 1-О "On Termination of Proceedings on the Complaint of the Closed Joint Stock Company 'Energoprocomplekt' for Violation of Constitutional Rights and Freedoms by Part Five of Article 11 of the Law of the Russian Federation 'On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
3. *Orlova I. V.* Concept, Essence and Legal Nature of the Settlement Agreement. *Arbitration and Civil Procedure*, 2006, no. 7. (In Russ.)
4. *Abdrashitov A. M.* The Legal Nature of the Settlement Agreement. *Russian Yearbook of Civil and Arbitration Proceedings*, 2004, no. 3. (In Russ.)
5. *Vatamaniuk V. O.* The Legal Nature of a Settlement Agreement in Civil Proceedings. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2021, no. 8. (In Russ.)
6. *Iaminov K. G.* Settlement Agreement as a Means of Protection. *Justice of the Peace*, 2022, no. 7. (In Russ.)
7. *Solokhin A. E.* Reconciliation of the Parties and its Results in Arbitration Procedure. Comment to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 18.07.2014 № 50: The First Results of Application. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2016, no. 6. (In Russ.)
8. *Volman I. S.* World Transaction Under the Current Law. *Bulletin of Soviet Justice*, 1925, no. 17. (In Russ.)
9. *Bortnikova N. A.* The Concept of Conciliation Procedures (SPS "ConsultantPlus". 2022). (In Russ.)
10. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

И. В. Бухарова – кандидат юридических наук, доцент.
А. А. Никитина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

I. V. Bukharova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

A. A. Nikitina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 17.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-106-117>

ПОНУЖДЕНИЕ ПОКУПАТЕЛЯ К ПРИНЯТИЮ ТОВАРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Владимир Николаевич Гаврилов¹

Анастасия Сергеевна Орищенко²

Кирилл Олегович Спицин³

^{1,2,3} Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия,
г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

¹ vladimirgavrilov@rambler.ru

² anastasiyaorishchenko@yandex.ru

³ kirr-2001@inbox.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются обязанность покупателя принять товар, последствия ее неисполнения и способы защиты, которые предоставлены продавцу гражданским законодательством, путем анализа доктрины, отечественного и зарубежного законодательства, судебной практики. Целью исследования выступает рассмотрение и обоснование согласованного с доктриной подхода к способу защиты при просрочке на стороне покупателя. По результатам исследования предлагается изменение п. 3 ст. 484 ГК РФ.

Ключевые слова: понуждение покупателя; принятие; договор купли-продажи; кредиторские обязанности.

Для цитирования: *Гаврилов В. Н., Орищенко А. С., Спицин К. О.* Понуждение покупателя к принятию товара в гражданском праве России и ряда зарубежных стран // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 106–117. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-106-117>

Research Article

FORCING THE BUYER TO ACCEPT THE GOODS IN CIVIL LAW OF RUSSIA AND SOME FOREIGN COUNTRIES

Vladimir N. Gavrilov¹

Anastasia S. Orishchenko²

Kirill O. Spitsin³

^{1,2,3} Saratov State Law Academy, 1 Volskaia St., Saratov, 410056, Russia

¹ vladimirgavrilov@rambler.ru

² anastasiyaorishchenko@yandex.ru

³ kirr-2001@inbox.ru

Abstract

The article discusses the buyer's obligation to accept the goods, the consequences of non-fulfillment and the means of protection provided to the seller by civil legislation, by analyzing the doctrine, legislation, practice. The purpose of the study is to consider and substantiate an approach consistent with the doctrine to the method of protection in case of delay on the buyer's side. According to the results of the study it is proposed to amend paragraph 3 of Article 484 of the Civil Code of the Russia.

Keywords: buyer's compulsion; acceptance; purchase and sale agreement; creditor's obligations.

For citation: *Gavrilov V. N., Orishchenko A. S., Spitsin K. O. Forcing the Buyer to Accept the Goods in Civil Law of Russia and Some Foreign Countries. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 106–117. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-106-117>

Введение

В гражданском обороте нередко случаи нарушения обязанностей участника обязательственных правоотношений, в том числе и товарообменных отношений. Так, в рамках договора купли-продажи они имеют самые разные проявления, например непредоставление товара в установленный срок, передача товара ненадлежащего качества, неоплата переданного предмета договора и др. В доктрине и в гражданском законодательстве сложился подход, в соответствии с которым в структуре обязательственного правоотношения выделяются различные элементы (права и обязанности): обязанность по предоставлению, поведенческие обя-

занности, секундарные права, долженствования или кредиторская обязанность [1]. К последним, например, относятся оказание содействия для достижения цели обязательства (п. 3 ст. 307, ст. 718 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)), совершение действий, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства (абз. 3 ч. 1 ст. 406 ГК РФ) [2, с. 99]. Иными словами, под кредиторскими обязанностями следует понимать обязанность совершить действия, необходимые для того, чтобы должник мог исполнить обязательство [3, с. 62–63].

При этом в зависимости от обязанности, которую нарушает сторона обязательственного правоотношения, различаются меры гражданско-правового воздействия и ответственности. В частности, за нарушение обязанности должника по предоставлению в гл. 25 ГК РФ установлены различные меры ответственности, например, возмещение убытков, уплата неустойки, исполнение обязательства в натуре наряду с возмещением убытков и уплатой неустойки. Однако не при всяком нарушении обязанности допускается принудить должника к осуществлению того действия, от совершения которого он отказался. Традиционно отмечают, что не допускается принуждать к совершению кредиторских обязанностей [3, с. 62–63]. При этом кредитор и должник в обязательственном правоотношении в зависимости от того, на чьей стороне возникает обязанность по предоставлению, могут меняться местами и тем самым обладать кредиторскими обязанностями. Например, в обязательстве (в узком смысле) по уплате цены за товар должником выступает сторона, обязанная произвести расчет, а кредитором – сторона, уполномоченная требовать такой уплаты. В то же время в обязательстве по передаче товара они меняются местами.

1. Законодательная регламентация обязанности покупателя принять товар и ее сущность

Так, в соответствии с п. 1 и 2 ст. 484 ГК РФ на покупателя возлагаются такие кредиторские обязанности, как обязанность принять переданный ему товар, а также в случае, если не предусмотрено иное, содействовать стороне в исполнении обязательства по предоставлению товара в соответствии с обычно предъявляемым требованиями [4]. При этом в п. 3 указанной статьи устанавливается, что при неприятии покупателем или его отказе принять товар продавец вправе потребовать от покупателя принять товар или отказаться от исполнения договора. Тем самым исходя из положений действующего гражданского законодательства можно сделать вывод, что законодатель допускает понуждение к исполнению кредиторской обязанности принять товар.

Однако, как отмечалось выше, понуждение к исполнению такого рода обязанности недопустимо, поскольку кредиторская обязанность не является обеспеченной встречным удовлетворением [5; с. 185] и исполняется кредитором преимущественно в своем интересе [6; с. 57], так как, во-первых, согласно п. 3 ст. 405 ГК РФ [7] просрочка кредитора освобождает должника от ответственности, во-вторых, может влечь отказ должника от исполнения обязательства, а потому понуждение будет нарушать баланс интересов в обязательственном правоотношении, ведь для должника неприятие товара влечет лишь убытки, связанные с транспортировкой и необходимостью обеспечить хранение его у себя, в то время как для кредитора

понуждение к принятию товара может повлечь утрату товара в связи с невозможностью обеспечить его использование или хранение, расходы на обеспечение его принятия и хранение третьими лицами и др. Иными словами, не допускается приращение к исполнению обязанности в том случае, когда для защиты интересов одного несоразмерно ущемляются интересы другого. Также на недопустимость понуждения покупателя к принятию товара отдельно указывает А. В. Егоров, отмечая, что обязанность покупателя по уплате цены и обязанность забрать товар различны, поскольку к исполнению первой можно понудить, взыскать задолженность в принудительном порядке, а к исполнению второй «в натуре» присудить нельзя [1]. Такой вывод закономерен, поскольку по своей сущности обязанность уплатить цену является обязанностью должника по предоставлению, а обязанность принять товар – кредиторской.

2. Судебная практика о понуждении покупателя к принятию товара

Однако суды применяют п. 3 ст. 484 ГК РФ неоднозначно. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в своем решении отметил, что невыполнение требования принять товар может стать основанием для подачи иска о понуждении покупателя принять товар [8]. Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в решении указал, что при необоснованном отказе покупателя принять товар продавец вправе потребовать от покупателя принять и оплатить его стоимость, в связи с чем суд обязал государственное казенное учреждение в рамках государственного контракта осуществить приемку оборудования [9]. Аналогично решение Арбитражного суда Хабаровского края [10].

В то же время Арбитражный суд Поволжского округа выражает позицию, в соответствии с которой в процессуальном законодательстве отсутствует механизм принуждения одной стороны принять исполнение от другой, а потому в связи с тем, что суды не вправе выносить заведомо неисполнимый судебный акт требование о понуждении ответчика принять товар не может быть удовлетворено, так как подобный судебный акт является неисполнимым [11]. Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа пришел к выводу, что у покупателя нет обязанности по заказу всего объема товара, в связи с чем продавец не может понуждать покупателя принимать товар и оплачивать его [12]. Федеральный арбитражный суд Московского округа отметил, что роль суда в рассмотрении спора о понуждении покупателя к принятию товара при возникновении разногласий по качеству товара заключается по существу во внесении определенности в правоотношения сторон и проверки судом соответствия или несоответствия товара требованиям договора. При этом возложение на покупателя обязанности совершить все необходимые действия, обеспечивающие принятие товаров, не обеспечит достижение цели обращения в суд – принудить заказчика принять товар, а также не будет выполнено требование гражданского законодательства, в соответствии с которым разногласия сторон должны быть урегулированы [13]. Возможно, последнее решение и сводится к анализу п. 1 ст. 484 ГК РФ, однако позволяет понять подход суда, в соответствии с которым смысл указанной статьи сводится к выяснению обстоятельств, в связи с которыми у покупателя возникает право потребовать заме-

ны товара или отказаться от исполнения договора, и, как следствие, констатации на его стороне просрочки, а не к понуждению его принять товар.

Таким образом, можно заметить, что судебная практика не имеет единообразного подхода к толкованию и применению п. 3 ст. 484 ГК РФ, что может быть вызвано различными причинами: неточностью законодательства, непониманием существа кредиторской обязанности и последствий ее неисполнения, предметом обязательства по предоставлению, субъектом отношений, поскольку в большинстве решений на стороне ответчика выступают учреждения или предприятия и др. Однако с уверенностью можно заявить о том, что для устранения данной проблемы требуется приведение п. 3 ст. 484 ГК РФ в соответствие с доктриной гражданского права и ст. 406 ГК РФ.

3. Последствия непринятия товара в законодательстве России и других стран континентальной правовой семьи

Так, на основании п. 2 ст. 406 ГК РФ просрочка кредитора влечет такие последствия, как право должника на возмещение убытков, если кредитор не докажет, что просрочка произошла по обстоятельствам, за которые ни он, ни другие лица, на которых возложена обязанность по принятию исполнения, не отвечают. К таким в первую очередь следует относить обстоятельства непреодолимой силы, а также обстоятельства, за которые отвечает должник, например, предоставление товара в другой таре, с иной маркировкой лицом, полномочия которого не явствуют из обстановки, при отсутствии подтверждающей документации. Тем самым, несмотря на то, что общие положения не предусматривают возможности понуждать кредитора к совершению действий по принятию предложенного должником надлежащего исполнения, законодатель в специальной норме о договоре купли-продажи и правоприменитель допускают подобное, что представляется существенным упущением.

Если обратиться к Германскому гражданскому уложению (далее – ГГУ), то можно заметить, что в § 433 закреплена обязанность покупателя уплатить продавцу цену и взять у него купленную вещь, однако глава о купле не предусматривает право продавца потребовать покупателя принять товар. Так, в главе второй раздела первого ГГУ определены последствия просрочки кредитора, к которым, согласно § 300, 301, 304 относятся переход риска гибели вещи, ответственность должника только за умысел и грубую небрежность, право должника потребовать возмещения добавочных издержек, вызванных безуспешным предложением, а также хранением и сбережением предмета обязательства [14].

Гражданский кодекс Италии (*Codice civile*) (далее – ГКИ) в ст. 1206 предусматривает просрочку кредитора, под которой понимает несовершение им всего необходимого для того, чтобы должник смог исполнить обязательство. В качестве последствий такой просрочки, согласно ст. 1207, ГКИ определяет несение риска невозможности предоставления, наступающей независимо от действий (бездействия) должника, лишение права на проценты, плоды от вещи, а также наступление у кредитора обязанности возместить убытки и нести расходы на хранение и обеспечение сохранности причитающейся ему вещи [15, с. 168]. При этом в книге чет-

вертой ГКИ, посвященной обязательствам, в § 2 разд. I главы о продаже закреплены обязательства покупателя, к которым относятся оплата цены согласно ст. 1498 и уплата компенсационных процентов в соответствии со ст. 1499 [16]. Тем самым можно убедиться в том, что и Гражданский кодекс Италии не предусматривает возможности понудить покупателя принять товар.

Стоит также обратить внимание на гражданское законодательство стран СНГ, которые в соответствии с Уставом СНГ стремятся совместными усилиями достичь прогресса своих народов в экономической и социальной сферах, а потому в качестве целей закрепили осуществление сотрудничества в различных областях, в частности, экономической, а также всестороннее и сбалансированное экономическое развитие в рамках общего экономического пространства [17], что, как думается, предопределяет некоторую схожесть гражданско-правового регулирования в этих странах.

Так, в соответствии с Гражданским кодексом Республики Молдова [18] (далее – ГК РМ) покупатель должен совершить действия, которые согласно обычаем он должен совершить для обеспечения передачи и принятия вещи, если иное не предусмотрено договоров или законом, что установлено в ст. 1116. Иными словами, ГК РМ прямо закрепляет обязанность покупателя принять товар, однако указанная статья и другие статьи о договоре купли-продажи не определяют последствия несоблюдения покупателем соответствующих действий. Тем самым действуют общие нормы, которые содержатся в ст. 886 ГК РМ и в соответствии с которыми последствия просрочки кредитора независимо от его вины заключаются в возложении на него обязанности по возмещению должнику дополнительных расходов по хранению предмета договора и расходы, связанные с предложением исполнения, несение риска случайного повреждения или гибели вещи, освобождение должника от обязанности передать плоды вещи или возместить их стоимость.

Особого внимания заслуживает Гражданский кодекс Республики Беларусь [19] (далее – ГК РБ), поскольку он прямо лишен анализируемого упущения, имеющего место в ГК РФ. Так, в общих положениях, а именно в ст. 377 ГК РБ, закреплены понятие и последствия просрочки кредитора, которые аналогичны закрепленным в ст. 406 ГК РФ, т.е. возникновение у должника права на возмещение убытков, если кредитор не докажет, что просрочка произошла по обстоятельствам, за которые ни он, ни другие лица, обязанные принять исполнение, не отвечают. При этом в ГК РБ также имеется аналогичная специальная норма применительно к договору купли-продажи, которая закрепляет обязанность покупателя принять товар, но в отличие от ГК РФ предусматривает, что в случае, когда покупатель не принимает или отказывается принять товар, продавец вправе лишь отказаться от исполнения договора без упоминания права потребовать от покупателя принять товар. Стоит заметить, что таким же образом сформулированы нормы о просрочке кредитора и обязанности покупателя принять товар в ст. 401 и 480 Модельного Гражданского кодекса Содружества Независимых Государств соответственно [20; 21].

Таким образом, можно заметить, что гражданское законодательство ряда других стран континентальной правовой семьи придерживается цивилистической традиции и претворяет ее в своем нормативно-правовом регулировании. В свя-

зи с этим в ГК РФ смысл нормы, закрепленной в п. 3 ст. 484, в нынешних условиях должен сводиться к недопустимости понуждать покупателя принять товар. Формулировка «вправе потребовать от покупателя принять товар» должна пониматься в контексте возможностей продавца в рамках досудебного урегулирования спора, как дополнительный способ фиксации просрочки покупателя (отказа от принятия товара) посредством направления соответствующей претензии и ответа на нее или отсутствием ответа. Однако нельзя не признать необходимость изменения п. 3 ст. 484 ГК РФ посредством исключения из него указанной формулировки, что сведет на нет разное ее толкование и позволит образоваться единообразной правоприменительной практике в спорах о просрочке кредитора вследствие отказа от принятия товара.

4. Предусмотренные способы защиты интересов продавца и обсуждение дополнительных возможностей

При этом в условиях нестабильной судебной практики во избежание неблагоприятных последствий от отказа покупателя, а также с целью освобождения от обязанности по предоставлению товара продавец имеет право отказаться от исполнения договора с последующим взысканием убытков, которые прежде всего могут быть выражены в расходах на предоставление и хранение товара, абстрактных убытках по ст. 393.1 ГК РФ. Кроме того, продавец вправе требовать от покупателя уплаты полной стоимости товара, но только в случае невозможности реализовать его по причине индивидуальности и при неуплате покупателем цены договора [22], что справедливо, поскольку в таком случае продавец лишается как денежных средств, так и товара, ведь он не может быть не только реализован им, но использован по назначению, что исключает неосновательное обогащение на его стороне, напротив, может вызывать расходы на его хранение или утилизацию. При этом нельзя забывать, что отказ от исполнения договора при уплате покупателем цены влечет возникновение на стороне продавца неосновательного обогащения, поскольку п. 2 ст. 450.1 ГК РФ предусматривает, что в таком случае договор считается расторгнутым, соответственно, отпадает правовое основание удержания денежных средств. Однако продавец при возврате покупной цены может на основании ст. 410 ГК РФ частично прекратить свое обязательство из неосновательного обогащения зачетом, что вытекает из условий, при которых зачет возможен, закрепленных в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 [23]. Так, зачет может быть произведен в форме вычета из неосновательного обогащения понесенных убытков, что возможно либо при достижении соглашения между сторонами договора об их наличии и размере, либо при присуждении убытков в соответствующем размере судом.

В ГГУ во избежание двойного исполнения продавцом своей обязанности перед покупателем и перечисленных выше не вполне благоприятных последствий ему предоставлено право внести движимые вещи в качестве суррогата исполнения в депозит с оговоркой об отказе от права забрать их назад (§ 372, 378 ГГУ), а непригодные к внесению в депозит движимые вещи продать с торгов в месте исполнения и депонировать выручку (§ 383 ГГУ) или отказаться от владения недви-

жимыми вещами (§ 303 ГГУ) [1]. В отечественном гражданском законодательстве в соответствии со ст. 327 ГК РФ также имеется возможность исполнения посредством внесения в депозит нотариуса или в депозит суда денежных средств при невозможности исполнить обязательство в связи с уклонением кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны. Однако в рамках данной статьи идет речь об исполнении денежного обязательства или обязательства по передаче ценных бумаг, что исключает исполнение обязательства о передаче товара таким способом. Думается, что данная статья может быть применена в случае отказа продавца от исполнения договора и возникновении у него обязательства из неосновательного обогащения при том, что покупатель отказывается принять возвращение цены от продавца. Также не исключается возможность продажи вещи с последующим внесением выручки в депозит, поскольку ГК РФ не ограничивает продавца в реализации товара после отказа от договора, оставляя решение данного вопроса на его усмотрение.

В отношении такого способа освобождения продавца от обязанности, как отказ от владения недвижимыми вещами, в отечественном праве отсутствуют похожие нормы. При этом нельзя признать, что ст. 236 ГК РФ посвящена аналогичному порядку освобождения продавцом от своей обязанности, поскольку она по смыслу расположена в гл. 15 ГК РФ, посвященной прекращению *права собственности*, и по содержанию не относится к исполнению *обязательства* по передаче недвижимой вещи. Кроме того, такое исполнение было бы затруднительным в условиях действующей российской регистрационной модели, которая предусматривает обязательную государственную регистрацию перехода права на недвижимое имущество, поскольку отсутствует нормативно установленный порядок определения лица, в пользу которого собственник отказывается от недвижимого имущества. Более того, отказ не прекращает прав и обязанностей собственника до тех пор, пока право собственности не будет приобретено другим лицом, что в случае отказа кредитора от принятия исполнения по договору может означать неопределенность в вопросе о собственнике такого имущества и никогда не повлечь прекращения указанных прав и обязанностей.

В связи с этим представляется, что в России введение данного института нецелесообразно, поскольку это также может привести к возникновению бесхозяйных недвижимых вещей, а также самовольно занятых, да и в целом при сохранении прав и обязанностей собственника по содержанию такого имущества нельзя говорить об эффективности такого альтернативного способа исполнения обязательства, так как сущностно состояние прав и обязанностей продавца не изменяется, как не прекращаются и соответствующие последствия в виде расходов. В случае же признания прав и обязанностей прекращенными будет нарушаться правовая определенность в отношении собственника и возникать ситуация, при которой такое имущество ввиду отсутствия содержания может угрожать жизни, здоровью и имуществу третьих лиц.

Так, можно заметить, что ГК РФ предоставляет продавцу меньше возможностей в сравнении с ГГУ в вопросе исполнения обязательства при просрочке кредитора. Однако нельзя считать перечень имеющихся возможностей недостаточным, пос-

кольку для восстановления имущественной сферы продавца они представляются достаточными и эффективными. Возможно, такое состояние нормативно-правового регулирования и лишает участников гражданского оборота ряда удобств, но все-таки предоставляет им необходимую защиту, учитывая интересы и продавца, и покупателя.

Заключение

В заключение исследования авторы хотели бы отметить, что отечественное гражданское законодательство и российская судебная практика при просрочке покупателя, выраженной в непринятии или отказе принять товар, не следуют доктринальным положениям и, как следствие, неправильно определяют надлежащий способ защиты интересов продавца и допускают нарушение баланса интересов должника и кредитора. Разумеется, рассмотренный недостаток в ГК РФ требует своего устранения путем внесения соответствующих изменений, в то время как правоприменителю до внесения изменений следует руководствоваться существом рассмотренных норм, исходя из их содержания, определенного доктриной.

Пристатейный библиографический список

1. *Егоров А. В.* Структура обязательственного отношения : наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3.
2. *Гурова Э. А.* Отличия кредиторских обязанностей от обязанностей должника // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2017. № 3 (52).
3. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. *Романович А. Н.* Кредиторские обязанности в договорных отношениях // Электронная библиотека БГУ : сайт. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/41676> (дата обращения: 04.02.2023).
6. *Кулаков В. В.* О кредиторских обязанностях // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2013. Вып. 36.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 2 марта 2004 г. № Ф08-184/04 // СПС «Гарант».
9. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 2 июня 2022 г. по делу № А75-158/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/A1cdTC3XdOzi/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo= (дата обращения: 04.02.2023).
10. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 21 июля 2022 г. по делу № А73-16731/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru>

ru/arbitral/doc/4SL9ilg2xlrr/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=(дата обращения: 04.02.2023).

11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 августа 2014 г. № Ф06-13074/13 по делу № А65-22818/2013 // СПС «Гарант».

12. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 10 декабря 2020 г. по делу № А03-2467/2020 // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6f8e1f52-ea45-46cc-ac7d-01132f3a22bc/0591c403-417d-4e35-b175-6b7348f66c6f/A03-2467-2020_20201210_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 04.02.2023).

13. Постановление ФАС Московского округа от 16 июля 2014 г. № Ф05-6484/14 // СПС «Гарант».

14. Гражданское уложение Германской империи. СПб., 1898.

15. Тузов Д. О., Саргсян А. М. Общие положения об обязательствах Гражданского кодекса Италии (перевод и постатейный комментарий к ст. 1173–1320) // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 1, 2.

16. Codice Civile online // Codice Civile online : сайт. URL: <https://www.codice-civile-online.it/codice-civile/articolo-1499-del-codice-civile> (дата обращения: 04.02.2023).

17. Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : сайт. URL: <https://cis.minsk.by/site/about-cis> (дата обращения: 04.02.2023).

18. Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга третья. Обязательства) от 6 июня 2002 г. № 1107-XV // СПС «Параграф».

19. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // СПС «Параграф».

20. Модельный Гражданский кодекс (часть первая) Содружества Независимых Государств от 29 октября 1994 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306720?marker=BP40P0&section=text> (дата обращения: 04.02.2023).

21. Модельный Гражданский кодекс (часть вторая) Содружества Независимых Государств от 13 мая 1995 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901776194?marker=64U0IK&section=text> (дата обращения: 04.02.2023).

22. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21 декабря 2006 г. № Ф04-8398/2006 // СПС «Гарант».

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. 2020. 25 июня. № 136.

References

1. Egorov A. V. The Structure of the Obligation Relationship: The Developments of the German Doctrine and Their Applicability in Russia. *Civil Law Review*, 2011, no. 3. (In Russ.)

2. Gurova E. A. Differences Between Creditor Obligations and Debtor Obligations. *Bulletin of Omsk State University. Series "Law"*, 2017, no. 3 (52). (In Russ.)

3. *Agarkov M. M.* Obligation Under Soviet Civil Law. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. (In Russ.)
4. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26 January 1996 No. 14-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 5, art. 410. (In Russ.)
5. *Romanovich A. N.* Creditor Obligations in Contractual Relations. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/41676> (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)
6. *Kulakov V. V.* On Creditor Obligations. *Bulletin of Tver State University. Series "Law"*, 2013, iss. 36. (In Russ.)
7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
8. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasus District of 2 March 2004 No. F08-184/04 (SPS "Garant"). (In Russ.)
9. Decision of the Arbitration Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra of 2 June 2022 on Case No. A75-158/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/A1cdTC3XdOzi/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo= (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)
10. Decision of the Arbitration Court of the Khabarovsk Territory of 21 July 2022 on Case No. A73-16731/2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/4SL9ilg2xIrr/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo= (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)
11. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 12 August 2014 No. F06-13074/13 on Case No. A65-22818/2013 (SPS "Garant"). (In Russ.)
12. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District of 10 December 2020 on Case No. A03-2467/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6f8e1f52-ea45-46cc-ac7d-01132f3a22bc/0591c403-417d-4e35-b175-6-b7348f66c6f/A03-2467-2020_20201210_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)
13. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow District of 16 July 2014 No. F05-6484/14 (SPS "Garant"). (In Russ.)
14. Civil Code of the German Empire. St. Petersburg, 1898. (In Russ.)
15. *Tuzov D. O., Sargsian A. M.* General Provisions on the Obligations of the Italian Civil Code (Translation and Article-by-Article Commentary to Articles 1173–1320). *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2021, nos. 1, 2. (In Russ.)
16. Codice Civile Online. URL: <https://www.codice-civile-online.it/codice-civile/articolo-1499-del-codice-civile> (date of the application: 04.02.2023).
17. Charter of the Commonwealth of Independent States of 22 January 1993. URL: <https://cis.minsk.by/site/about-cis> (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)
18. Civil Code of the Republic of Moldova (Third Book. Obligations) of 6 June 2002 No. 1107-XV (SPS "Paragraph"). (In Russ.)
19. Civil Code of the Republic of Belarus of 7 December 1998 No. 218-Z (SPS "Paragraph"). (In Russ.)
20. Model Civil Code (Part One) of the Commonwealth of Independent States of 29 October 1994. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306720?marker=BP40P0&section=text> (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)

21. Model Civil Code (Part Two) of the Commonwealth of Independent States of 13 May 1995. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901776194?marker=64U0IK&section=text> (date of the application: 04.02.2023). (In Russ.)

22. Decree of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District of 21 December 2006 No. F04-8398/2006 (SPS "Garant"). (In Russ.)

23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 June 2020 No. 6 "On Some Issues of Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations". *Rossiiskaia Gazeta*, 25 June 2020, no. 136. (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. Н. Гаврилов – кандидат юридических наук, доцент.

А. С. Орищенко – студентка.

К. О. Спицин – студент.

Information about the authors:

V. N. Gavrilov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

A. S. Orishchenko – Student.

K. O. Spitsin – Student.

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 23.12.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-118-125>

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ, ВЫДЕЛЕННЫХ ПОД ВОИНСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ

Гузель Вилсуровна Бурганова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1

9172778217@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы определения границ правового регулирования, которые связаны с установлением статуса объектов недвижимости (земельных объектов), предназначенных под захоронения. Актуальность поднимаемых в статье проблем подтверждается тем, что такое регулирование построено по принципу распределения правомочий между органами государственной власти и местного самоуправления. Целью исследования, положенного в основу данной работы, является установление правового режима объектов, выделенных под воинские и гражданские захоронения. Методологическую основу данной работы составили общенаучные и частнонаучные методы, такие как системный, формально-юридический, сравнительный и логический, а также анализ и синтез. Автор отмечает, что в большей степени, как показывает практика, это аспект правовой материи, урегулированный федеральным законодательством, что, с учетом не только социальной и публичной, но и юридической значимости таких объектов, как земельные участки, вполне логично. Однако нельзя не отметить то, что большинство вопросов, которые возникают на уровне пользования такими объектами, во многом относятся к компетенции именно органов МСУ.

Ключевые слова: место захоронения; земельное законодательство; нарушение; требования безопасности; местное самоуправление; кладбище.

Для цитирования: Бурганова Г. В. Правовой режим объектов, выделенных под воинские и гражданские захоронения // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 118–125. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-118-125>

Research Article

LEGAL REGIME OF OBJECTS ALLOCATED FOR MILITARY AND CIVIL BURIALS

Guzel V. Burganova

Kazan (Volga Region) Federal University, 18, Bldg. 1 Kremlevskaia St.,
Kazan, 420008, Russia
9172778217@mail.ru

Abstract

The article deals with the issues of determining the boundaries of legal regulation, which are associated with the establishment of the status of real estate (land objects) intended for burial. The relevance of the problems raised in the article is confirmed by the fact that such regulation is built on the principle of distribution of powers between state authorities and local self-government. The aim of the study underlying this work is to establish the legal regime of objects allocated for military and civilian burials. The methodological basis of this work consisted of general scientific and special scientific methods, such as systematic, formal-legal, comparative and logical, as well as analysis and synthesis. The author notes that to a greater extent, as practice shows, this is the aspect of the legal matter regulated by the federal legislation that, taking into account not only the social and public, but also the legal importance of such objects as land plots, is quite logical. However, it cannot be overlooked that the majority of issues that arise at the level of the use of such objects largely fall within the competence of the local authorities.

Keywords: burial place; land legislation; violation; safety requirements; local self-government; cemetery.

For citation: *Burganova G. V. Legal Regime of Objects Allocated for Military and Civil Burials. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 118–125. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-118-125>

Введение

Определяя статус воинских и гражданских захоронений в качестве объектов правового регулирования, необходимо помнить, что указанные состояния стали следствием развития специальных религиозных отношений, сложившихся на почве традиционных взглядов о жизни человека и его смерти. Так, еще в древние времена юристами определялся специальный порядок, который предполагал, что

отправление человека в «последний путь» должно производиться двумя путями: сожжение или погребение. В последнем случае совершался акт переноса тела на специально выделенное место, где тело предавалось земле [1]. Стоит ли говорить, что подобное поведение носило культивационные последствия и, как бы кто к таким действиям ни относился, в последующем такое поведение стало причиной для образования определенного стандарта и в какой-то степени примером для остальных граждан. Именно данное место служило впоследствии местом захоронения, а также становилось объектом правовой идентификации, при условии, что его статус был отражен в законе. К примеру, изначально места для захоронения, вне зависимости от их видов, относились к вещам общественного значения (общественным вещам).

1. Статус земель захоронения

Так, исследователь А. Б. Агапов, проводя различия между формами правовой идентификации вещей в целом, указывает, что места под захоронения носили статус вещей, предназначенных для удовлетворения именно духовных потребностей – *«res divini juris»*, и в соответствии с требованиями римского права представляли собой правовые состояния, где интерес человека удовлетворялся путем предоставления ему права, по сути, поучаствовать в том, чтобы захоронить тело близкого ему человека. В свою очередь, под захоронение предоставлялся участок, относимый к общей собственности. В то время «общая собственность», как публичная, так и цивилистическая категория, представляла собой симбиоз личных имущественных отношений и публично-правовой собственности. При этом уклон, что вполне естественно, делался именно в сторону публичного статуса выделяемых под захоронение мест [2].

В настоящее время законодательное регулирование такого вопроса, как определение правового положения объектов, которые выделяются и впоследствии используются в качестве мест захоронения, косвенно берет свое начало в Конституции РФ [3]. В частности, в положениях ст. 28 Конституции указано, что Основной закон страны гарантирует свободу совести, вероисповедания, а также право самостоятельно выбирать определенные религиозные убеждения. На основании указанной позиции законодатель, осознавая, что право быть погребенным (похороненным) в соответствии с определенными канонами и нормами религиозного толкования относится к основополагающим правам человека и гражданина, формирует направление правового регулирования, устанавливающее, что погребение необходимо производить на специально выделенном для этого участке местности, статус которого определяется различными нормативными актами федерального и местного значения.

Так, вышеуказанные положения Конституции корреспондируют положениям Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [4] (далее – Закон о погребении), в силу требований которого погребение человека возможно с неформальными требованиями (традициями и обычаями), но только при одном условии – если они не противоречат установленным санитарным нормам (ст. 1).

При этом, что немаловажно, указанные отношения входят в спектр правового регулирования со стороны норм земельного права, так как последствием такого погребения является оставление тела умершего в земле. Для этого необходимо произвести обустройство места захоронения, принять меры, направленные на обеспечение посещения указанного места, организации его охраны, а также установить персонал, который будет обслуживать данное место. Для этого принято формировать специальные места – кладбища.

Территория, как указано в Законе, должна быть ограничена от каких-либо поселений, и в идеальном представлении расположение такого места выносится на удаленное расстояние, после чего наделяется специальным правовым статусом по сравнению с иными, рядом прилегающими участками земли.

2. Классификация земель, предназначенных для захоронения

В традиционном понимании, какие именно места для захоронения бывают, в отечественном праве их подразделяют на воинские и гражданские, тем самым определяя некоторые нюансы последующей оценки правового режима таких мест. Различия между указанными понятиями состоит в том, что на воинских захоронениях производят погребение тех, кого признают погибшими при защите Отечества. При этом вопрос (компетенция) переноса таких захоронений разрешается в порядке, предусмотренном специальным законом [5], и по решению органов государственной власти субъектов России. Особое внимание стоит обратить на то, что указанный порядок распространяется в отношении тех, кто при жизни относился к служащим подразделений военных и иных ведомств.

Несмотря на то что основным источником в данном вопросе является Земельный кодекс РФ [6] (далее – ЗК РФ), в его положениях четкая регламентация оснований возникновения у земельного участка специального режима (режима гражданского и военного захоронения) отсутствует.

На указанное обстоятельство особое внимание обращает исследователь Р. А. Исмагилов, который, акцентируя внимание на данном упущении, декларирует, что для правильной оценки складывающихся отношений в области определения правового положения участков захоронения разумным будет разделить их на две части: до принятия Земельного кодекса и после [7]. В указанной связи становятся понятны степень ответственности и правомочий должностных лиц, закрепленных за воинскими и гражданскими захоронениями, а также обязанных содержать выделенные под такие захоронения участки. Более того, на основании принятых норм, вступивших в законную силу уже после принятия ЗК РФ, часть нормативных предписаний по данному вопросу была усовершенствована.

Между тем в соответствии с нормативными предписаниями Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [8] (ч. 9 ст. 38) местоположение земельного участка определяется путем обращения к документу, которым устанавливается право на его владение и использование. В целом данный принцип распространяется и на те случаи, когда речь идет об уточнении границ участка.

3. Учет и регистрация земельных участков, выделенных для захоронений

В свою очередь, согласно требованиям другого источника, а именно Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (п. 9 ст. 3), любые документы, выданные лицам, вне зависимости от их статуса, до введения в действие Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ [9] (утратил силу) и подтверждающие право законного владения земельным участком, обладают одинаковой силой. В настоящее время установленный принцип продолжает свое действие, при этом в ФЗ-137 указано, что земельное право гражданина или юридического лица, основанное на постоянном и бессрочном использовании участка земли, закреплено в позиции, отраженной в ЗК РФ. Более того, в ЗК РФ определено, что вышеуказанное право, которое имело действие до введения настоящего Кодекса, сохраняется в полном объеме.

Данная позиция была подтверждена судебной практикой. В частности, в одном из вынесенных решений было указано на следующее: право на земельный участок, предназначенный для захоронения умерших (под кладбище), является неотъемлемым и основано на праве поселения самостоятельно определять месторасположение такого участка решением администрации муниципального поселения, а также на основании тех нормативных актов, которыми порядок выделения такого участка определен в принципе. При этом стоит учесть, что алгоритм выделения земельных участков производится в соответствии с теми нормами, которые действовали на момент вынесения (запротоколирования) такого решения [10].

Следовательно, конъюнктура правовой регуляции в отношении гражданских и воинских захоронений строится на принципе действия норм, принятых и действующих в момент принятия решения об их образовании. С другой стороны, стоит отметить, что данный принцип не всегда соблюдается правоприменителями, так как порядок вынесения таких решений различается и может противоречить федеральным требованиям.

Так, установлено, что подлежат учету и регистрации кладбища, которые были созданы до введения в действие Земельного кодекса. Такая мера необходима для того, чтобы более точно определять пределы границ участка, а также для предотвращения незаконной застройки выделенной территории. В свою очередь, определение границ кладбища в обязательном порядке сопровождается такими процедурами, как предоставление всей технической документации по кладбищенской территории, исследуются данные архивов, привлекаются для исследований специалисты-картографы или археологи [11].

Интересным представляется то, что размеры мест для захоронения определяются в соответствии с учетом заселенности рядом прилегающих территорий и населенных пунктов. В частности, п. 5 ст. 16 Федерального закона № 8-ФЗ определенно регламентируется, что именно количество жителей конкретного города или поселка является определяющим фактором для установления границ. Приведенное положение затрагивает вопрос определения таких границ (мест) для военного мемориального кладбища федерального значения, в соответствии с которым место захоронения может превышать более 40 гектаров.

Отдельно стоит обратить внимание на то, как регулируется рассматриваемый аспект со стороны органов местного самоуправления. Здесь правоустанавлива-

ющим актом будет выступать Федеральный закон 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [12], согласно положениям которого приведенные нами аспекты относятся к вопросам местного значения поселения. В данном случае на органы местного самоуправления возлагается обязанность обеспечивать за собственный счет санитарно-эпидемиологическое благополучие населения. Однако при отсутствии правоустанавливающих документов на земельный участок, на котором расположено кладбище, такие меры реализовать представляется затруднительным. Вместе с тем нередко случаи, когда в силу отсутствия установленной регистрации на конкретный земельный участок администрация муниципального образования не выполняет установленные требования, что может влечь за собой нарушение прав граждан и требует выполнения «принудительной» регистрации. Так, в одном из судебных производств был поднят вопрос о постановке на учет местного органа земельного участка, выделяемого под кладбище, притом что прокуратура, которая настаивала на данном действии, просила суд обязать провести государственную регистрацию права собственности на земельный участок именно по причине того, что на нем располагалось кладбище.

Заключение

Таким образом, под местами захоронения, как воинского, так и гражданского, понимается выделяемый для реализации погребения участок местности, не относимый к собственности граждан, а представляющий из себя объект общественного значения, предоставление которого обусловлено специальными правилами (нормами права), а также компетенцией отдельных органов и должностных лиц. При этом мы видим, что основными источниками правового регулирования мест, выделяемых под захоронение граждан, являются в основном источники федерального законодательства. Между тем большая часть приведенных актов не в полной мере затрагивает права граждан по данному вопросу, а также успешно дифференцирует право государственных органов и органов местного самоуправления по части установления границ их полномочий при разрешении тех проблем, которые возникают на фоне владения, использования и распоряжения указанными объектами.

Пристатейный библиографический список

1. *Зябирова А. Р., Копылова А. С.* Правовой режим мест для захоронения : гражданско-правовой аспект // Юридическая наука в XXI веке : актуальные проблемы и перспективы их решений : сборник научных статей по итогам работы пятого круглого стола со всероссийским и международным участием, Шахты, 30–31 мая 2020 года. Шахты : ООО «КОНВЕРТ», 2020.
2. *Аганов А. Б.* Публичные вещи : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2022.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

5. Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. *Исмагилов Р. А.* Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
8. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.
9. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 ноября 2016 г. № Ф05-15687/2016 по делу № А41-88083/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
11. *Тювин А. А.* Правовой статус иностранных воинских захоронений Второй мировой войны в РФ // Право, общество, государство : проблемы теории и истории : сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции, Москва, 29–30 апреля 2016 года. М. : Российский университет дружбы народов, 2016.
12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

References

1. *Ziabirova A. R., Kopylova A. S.* Legal Regime of Places for Burial: Civil-Legal Aspect. In *Legal Science in the 21st Century: Current Problems and Prospects for Their Solutions: Collection of Scientific Articles on the Results of the Fifth Round Table with All-Russian and International Participation, Shakhty, 30–31 May 2020. Shakhty: LLC "KONVERT", 2020. (In Russ.)*
2. *Agapov A. B.* Public Things: Textbook for Universities. Moscow: Iurait, 2022. (In Russ.)
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide voting on 12 December 1993 with amendments approved by nationwide voting on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Federal Law of 12 January 1996 No. 8-FZ "On Burial and Funeral Business". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, no. 3, art. 146. (In Russ.)*
5. Law of Russian Federation of 14 January 1993 No. 4292-1 "On Immortalization of Memory of the Deceased in Defense of Motherland" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Land Code of the Russian Federation of 25 October 2001 No. 136-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, no. 44, art. 4147. (In Russ.)*
7. *Ismagilov R. A.* Funeral Culture as an Object of Criminal-Law Protection: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tyumen, 2011. (In Russ.)
8. Federal Law of 13 July 2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 2015, no. 29 (part 1), art. 4344. (In Russ.)*
9. Federal Law of 21 July 1997 No. 122-FZ "On State Registration of Rights to Immovable Property and Transactions with It". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 1997, no. 30, art. 3594. (In Russ.)*

10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 2 November 2016 No. F05-15687/2016 on case No. A41-88083/2015 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. *Tiuvin A. A.* Legal Status of Foreign Military Burials of World War II in Russia. In *Law, Society, State: Problems of Theory and History: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Student Conference, Moscow, 29–30 April 2016*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2016. (In Russ.)

12. Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 2003, no. 40, art. 3822*. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Г. В. Бурганова – старший преподаватель.

Information about the author:

G. V. Burganova – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 15.11.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья
УДК 343.195
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-126-133>

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РАЙОННЫХ (ГОРОДСКИХ) СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Гусейн Багавдинович Магомедов¹

Шарапутдин Макашарипович Рашидов¹

^{1,2} Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 367009, Россия, г. Махачкала, ул. Агасиева, д. 7

¹ skf@rpa-mjust.ru

² Rashidovich-80@mail.ru

Аннотация

Научная статья посвящена анализу проблемы, связанной с процессом формирования состава присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел в районных (городских) судах общей юрисдикции. Актуальность исследованного в научной статье вопроса состоит в том, что на практике возникают значительные сложности с формированием коллегии присяжных для рассмотрения дела по ходатайству подсудимого, желающего, чтобы процесс судебного разбирательства уголовного дела проводился с участием присяжных заседателей. Авторы за основу анализа указанной проблемы взяли Северо-Кавказский регион, где наиболее остро стоит исследуемый вопрос и судебная практика сталкивается с большим числом случаев невозможности с первой попытки сформировать список граждан, желающих принять участие в уголовном процессе в качестве присяжного заседателя.

Ключевые слова: суд; присяжные; коллегия; правосудие; Конституция; Уголовно-процессуальный кодекс.

Для цитирования: Магомедов Г. Б., Рашидов Ш. М. Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей в районных (городских) судах общей юрисдикции // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 126–133. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-126-133>

Research Article

THE PROBLEMS OF FORMING A JURY IN THE DISTRICT (CITY) COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Hussein B. Magomedov¹

Sharaputdin M. Rashidov²

^{1,2} North Caucasus Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
7 Agasieva St., Makhachkala, 367009, Russia

¹ skf@rpa-mjust.ru

² Rashidovich-80@mail.ru

Abstract

The scientific article is devoted to the analysis of the problem associated with the process of forming the composition of jurors when considering criminal cases in district (city) courts of general jurisdiction. The relevance of the issue studied in the scientific article lies in the fact that in practice there are significant difficulties with the formation of a jury to consider the case at the request of the defendant who wants the trial of a criminal case to be carried out with the participation of jurors. The authors took the North Caucasus region as the basis for the analysis of this problem, where the issue under study is the most acute and judicial practice is faced with a large number of cases of impossibility from the first attempt to form a list of citizens wishing to take part in the criminal process as a juror.

Keywords: court; jury; collegium; justice; Constitution; Criminal Procedure Code.

For citation: *Magomedov H. B., Rashidov Sh. M. The Problems of Forming a Jury in the District (City) Courts of General Jurisdiction. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 126–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-126-133>*

Введение

В июне 2016 г. вступил в силу пакет очередных поправок и дополнений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [1] и в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [2] (далее – УПК РФ), регулирующих деятельность по отправлению правосудия в районных (городских) судах общей юрисдикции, а также в военных гарнизонных судах с участием присяжных.

До вступления в силу указанных законодательных изменений и дополнений коллегия присяжных рассматривала дела только на уровне верховных судов субъ-

ектов РФ. Все началось с обращения главы государства В. В. Путина в 2016 г., который, выступая на Съезде судей РФ в Москве, отметил: «Считаю, что необходимо расширить сферу деятельности судов с участием присяжных до уровня районных судов». При этом Президент признал, что это связано с серьезными финансовыми затратами [3].

Сделано это было в целях повышения уровня доверия граждан к правоохранительным органам, повысить качество судопроизводства в целом. Бытует мнение, что законодатель, предусматривая определенные статьи Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), по которым возможно рассмотрение дел с участием присяжных, ограничивает остальных граждан РФ на рассмотрение его дела с участием такой коллегии.

Поспешим возразить такому мнению и не согласиться с позицией тех, кто так считает. Оговорка, в которой говорится, что «рассмотрение дела с участием коллегии возможно в случаях, предусмотренных законом», не противоречит положению Конституции РФ (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47).

Как разъясняет в своем Постановлении Конституционный Суд РФ, «обеспечение каждому гражданину права на рассмотрение его дела судом присяжных, не является обязательным условием, обеспечения права граждан на рассмотрении их дел с участием присяжных. Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. Общепризнанные принципы и нормы международного права также не включают право на суд присяжных в число обязательных составных элементов права на справедливое правосудие» [4].

1. Практика функционирования суда присяжных

Институт присяжных заседателей имеет давнюю историю и неразрывно связан с российским судопроизводством, он необходим прежде всего для того, чтобы росло доверие населения правоохранительным органам, качество судопроизводства и чтобы оно осуществлялось сквозь призму общественного мнения.

Как отмечает Ю. Г. Зувев, «тенденция такова, что по мере накопления опыта использования указанной формы судопроизводства интерес к суду присяжных все больше и больше ослабеваает, количество дел, рассмотренных ими, уменьшается» [5]. Если брать в расчет некоторые зарубежные страны, в которых функционирует институт суда присяжных, то общий объем уголовных дел, которые попадают на рассмотрение с участием присяжных, составляет примерно 3–5%.

Стоит отметить, что институт присяжных не из дешевых и это дорогое удовольствие, которое «бьет по карману» государства; исходя из вышеизложенного предполагается, что именно поэтому законодатель выделил только определенные статьи, по которым возможно участие присяжных.

С 2018 г. уголовные дела рассматриваются в районных судах в количестве шести заседателей. Суды столкнулись с большими проблемами, аппарат суда не был готов к формированию коллегии, залы судов технически не оснащены. Помимо этого остро стоит вопрос о материальной обеспеченности судов. Сложности с обеспечением явки кандидатов в присяжные заседатели и формированием скамьи присяж-

ных возникают и в крупных регионах, где районный центр может быть значительно удален от ряда населенных пунктов, как оказалось, даже если и тогда коллегия будет сформирована, это еще половина беды. Формирование коллегии в таких отдаленных городах может повлиять на объективность принимаемых коллегией присяжных решений. К примеру, в Избербашский городской суд Республики Дагестан было подано ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных. При этом обвиняемый находится под стражей с 30 мая 2018 г. более одного года и ожидал справедливого суда. Аппарат суда семь раз пытался сформировать коллегия, направляя по несколько десятков извещений; те, кто соизволит прийти, заявляют, что участвовать не собираются, а остальные даже в суд не являются. Со слов представителя суда, нет никакой надежды, что такая коллегия когда-нибудь будет сформирована, так как всем, кто ранее был включен в список кандидатов, который предоставляется муниципальным образованием, уже были направлены приглашения.

В одном из своих интервью профессор Л. В. Головкин подчеркнул очень сложные моменты, в которых мы не отдаем себе отчета. Работа суда присяжных в районных судах тяжелее всего реализуется именно на периферии, а не в крупных городах [6].

2. Особенности функционирования суда присяжных на Северном Кавказе

В Республике Дагестан, да и на Кавказе в целом пока не удалось провести ни одного процесса с участием присяжных, хотя ходатайства осужденных есть. Недавно в Верховный суд РД приехал председатель одного из удаленных районных судов Дагестана, в котором подсудимый заявил ходатайство о суде присяжных, и спросил: «Что делать? Суд не может набрать коллегия. На отбор приходит в лучшем случае два-три человека из разных аулов, сел, и то говорят, что «мы пришли один раз, больше не придем»». При этом обвиняемый находится под стражей уже несколько месяцев с момента поступления дела в суд, и срок все продлевается. Все это в совокупности и является причиной того, что в суде в основном принимают участие пенсионеры, безработные и домохозяйки, уровень правосознания которых оставляет желать лучшего и не отвечает требованиям современного общества о внесении житейского здравого смысла в процесс осуществления правосудия.

Особая ситуация складывается и в других регионах Северного Кавказа, где исторически сложившиеся культурные традиции и обычаи, определяющие специфику менталитета населения, многонациональный состав, а также сильные родственные связи создают большие затруднения при отборе кандидатов в присяжные заседатели.

Приведем один из ярких примеров, которые подтверждают вышеуказанную ситуацию: в Хасавюртовском районном суде Республики Дагестан рассматривалось уголовное дело судом с участием присяжных заседателей. Подсудимый убил своего родного брата ввиду его аморального образа жизни, неоднократно судимого, часто пьющего, поднимающего руку на мать. Коллегия, конечно, была сформирована из числа жителей села, где было совершено преступление. Обращаем внимание, что в деле имелись все необходимые доказательства, уличающие лицо в совершении преступления. Коллегия вынесла оправдательный приговор.

К чему могут привести такие несправедливые приговоры на Северном Кавказе и не только известно хорошо. Недостижение цели восстановления социальной справедливости, указанной в ст. 43 УК РФ, достаточно часто становится поводом для совершения актов самосуда, которые иногда находят в обществе не только понимание, но порой и прямое одобрение.

Аналогичные проблемы с формированием коллегий присяжных на уровне районных судов имеются и в других регионах нашей страны. О подобных проблемах формирования состава присяжных в Республике Татарстан указывают Ф. Н. Баггутдинов и М. В. Беляев [7, с. 32–33].

3. Проблема отбора состава присяжных заседателей

На современном этапе развития института присяжных аппарат суда имеет большие проблемы с укомплектованием коллегии присяжных, в силу ряда причин «народные избранники» избегают участия; одной из таких причин является боязнь потери места работы. Руководители организаций прямо не заявляют о своем несогласии к привлечению его сотрудника в качестве присяжного заседателя, и нам следует понимать, что кандидат в присяжные имеет карьерную зависимость от своего руководителя и не будет противиться его указаниям. Исходя из вышеизложенного напрашивается только один выход – это ужесточение ответственности в отношении кандидатов в присяжные.

В Конституции РФ говорится, что «участие гражданина в качестве присяжного является его гражданским долгом». Дабы обеспечить явку кандидатов в присяжные, на наш взгляд, понятие «гражданский долг» следует заменить на «обязанность». Но любая обязанность предполагает ответственность. Субъектом такого административного правонарушения считалось лицо, вызываемое в суд, которое без уважительной причины отказалось его посещать, некоторые авторы ссылаются на то, что в ч. 3 ст. 333 УПК РФ предусмотрена ответственность; она-то предусмотрена, но субъектом-то является присяжный заседатель, принявший присягу.

Что касается кандидата в присяжные, то никакого рычага воздействия в законодательстве РФ нет, и, на наш взгляд, введение такого положения в законодательство как обязанность участвовать в качестве присяжного является единственной мерой на сегодняшний день. Конечно же без обращения за помощью к бюджету не обошлось, почему бы в вышеперечисленных случаях не повысить материальную компенсацию лицам, участвующим в качестве присяжного, привлекаемого в качестве кандидата, все должно быть возмещено и не пропорционально затраченному, а больше, так как не возникает никакой заинтересованности у таких лиц; почему бы не предусмотреть в Трудовом кодексе РФ дополнительные выходные таким лицам – одной из главных задач, на наш взгляд, является стимулирование заинтересованности участия в качестве присяжного заседателя в суде.

Что касается случая, где рассматривается дело в одном из отдаленных районных судов, где кандидаты уже в курсе о нашумевшем деле, то представляется, что такое дело в целях сохранения объективности и беспристрастности суда должно быть передано в другой районный суд, этот момент предусмотрен в УПК РФ, но, как видно, не все об этом знают.

Насущной на сегодняшний день является проблема формирования коллегии присяжных заседателей в силу занятости, нежелания, боязни потери места работы и т.д. По этой проблеме немало мнений о введении уголовной ответственности за необоснованный отказ или неявку без уважительных причин для участия в качестве присяжного заседателя, что является не вполне обоснованным.

В зарубежных странах, к примеру во Франции, Великобритании, нет подобного рода практики, и в этих целях Н. А. Колоколов предлагает не ужесточать ответственность, а наоборот, поощрять и поднимать правосознание наших граждан, культуру, т.е. создать в обществе такую идеологию, где не каждый сам за себя, а каждый на благо общества и государства [8, с. 3–9].

В условиях особой структуры взаимоотношений населения в малых городах, особенно на территории Северного Кавказа, немаловажным фактором, влияющим на функционирование института присяжных заседателей в районных (городских) судах, является то, что жители таких местностей хорошо знакомы друг с другом, многих связывают родственные отношения, часто бывают случаи, когда лицо, потенциально могущее стать присяжным заседателем по уголовному делу, знает лично и подсудимого, и потерпевшего. В таком случае сложно будет избежать давления со стороны обоих участников процесса – как с потерпевшей стороны, так и со стороны обвиняемой. Весьма затруднительно в подобной ситуации обеспечить беспристрастность и объективность участия гражданина в качестве присяжного заседателя. Зачастую именно это обстоятельство и становится серьезным препятствием в процессе формирования коллегии присяжных, мотивом отказа и нежелания граждан участвовать в качестве присяжных заседателей.

Нельзя не учитывать такое обстоятельство, как возможные угрозы в адрес присяжных заседателей, и в этой ситуации мы вынуждены затронуть вопрос о личной безопасности присяжных. Как отмечает проф. Т. Б. Рамазанов, «российский законодатель обеспечил достаточные правовые средства для безопасного участия и содействия граждан процессу производства по уголовному делу. Система таких средств очень многообразна, она включает в себя как собственно уголовно-процессуальные меры безопасности, основные из которых перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК, так и внепроцессуальные меры безопасности, установленные в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [9, с. 129].

Однако действие данного Федерального закона не распространяется на присяжных заседателей – их упоминание в данном Законе отсутствует. Отсутствие надежных гарантий безопасности присяжных также не создает благоприятных предпосылок для того, чтобы этот институт действительно заработал на практике. Как отмечает политический обозреватель «Российской газеты» Валерий Выжутович, «присяжные должны быть защищены от влияния и давления на них. Хоть чуть-чуть бы приблизиться к европейским стандартам, когда заседателей, участвующих в процессах по громким делам, сопровождает охрана, а их имена и адреса знает лишь узкий круг посвященных» [10].

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что введение и функционирование института присяжных заседателей в России, несмотря на ряд нерешенных проблем, повлекли за собой в целом серьезные перемены в деле строгого соблюдения процессуальных норм при осуществлении правосудия, претворили реально в жизнь принципы состязательности и равенства прав сторон, объективности и беспристрастности суда, показали необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, регламентирующего порядок организации и формирования суда присяжных.

В связи с этим остается надеяться на то, что суд присяжных в районных судах не превратится в кривое зеркало российского правосудия и желаемые законодателем цели расширения данного института будут все же достигнуты.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3878.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Михайлова А. Путин предложил увеличить число судов присяжных // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/02/2016/56c2fe9c9a794712f07066c7> (дата обращения: 10.12.2022).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудяева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.
5. Зуев Ю. Г. Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей : курс лекций. М. : Проспект, 2018.
6. Интервью с Л. В. Головки, д.ю.н., профессором, заведующим кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова // Законодательство. 2017. № 4.
7. Багаутдинов Ф. Н., Беляев М. В. Подготовка к новому этапу развития суда присяжных в России // Российская юстиция. 2017. № 1.
8. Колоколов Н. А. Будущее суда присяжных в России : Президенту РФ – спросил, общество ответило // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2.
9. Рамазанов Т. Б., Раджабов Р. О. К вопросу о критериях применения мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 29. № 1.
10. Выжutowич В. Приобщение к делу // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2016/03/03/stanut-li-podsudimye-chashche-stremitsia-predstat-pered-sudom-prisiaznyh.html> (дата обращения: 10.12.2022).

References

1. Federal Law of 23 June 2016 No. 209-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Juries of Federal Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation'". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 26 (part 1), art. 3878.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 52 (part 1), art. 4921.
3. *Mikhailova A.* Putin Proposed to Increase the Number of Jury Trials. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/02/2016/56c2fe9c9a794712f07066c7> (date of the application: 10.12.2022).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 April 2010 N 8-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Paragraphs 2 and 3 of Part Two of Article 30 and Part Two of Article 325 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Connection with Complaints from Citizens R. R. Zainagutdinova, R. V. Kudaeva, F. R. Faizulina, A. D. Khasanova, A. I. Shavaev and the Request of the Sverdlovsk Regional Court". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2010, no. 3.
5. *Zuev Iu. G.* Criminal Proceedings with the Participation of Jurors: Course of Lectures. Moscow: Prospekt, 2018.
6. Interview with L. V. Golovko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. *Legislation*, 2017, no. 4.
7. *Bagautdinov F. N., Belyaev M. V.* Preparation for a New Stage in the Development of the Jury in Russia. *Russian Justice*, 2017, no. 1.
8. *Kolokolov N. A.* The Future of Jury Trial in Russia: He Asked the President of the Russian Federation, Society Answered. *Criminal Justice*, 2015, no. 2.
9. *Ramazanov T. B., Radiabov R. O.* On the Criteria for the Application of Security Measures of Protected Persons in Criminal Proceedings. *Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2019, vol. 29, no. 1.
10. *Vyzhutovich V.* Introduction to the Case. URL: <https://rg.ru/2016/03/03/stanutli-podsudimye-chashche-stremitsia-predstat-pered-sudom-prisiazhnyh.html> (date of the application: 10.12.2022).

Сведения об авторах:

Г. Б. Магомедов – кандидат юридических наук, доцент.

Ш. М. Рашидов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

G. B. Magomedov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Sh. M. Rashidov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 08.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-134-147>

ПУБЛИЧНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, СУБЪЕКТЫ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Кристина Александровна Забурдаева

Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти,
Белорусская ул., д. 14

kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Аннотация

Изменение ч. 1 ст. 129 Конституции РФ и придание функциям прокуратуры РФ конституционно-правовой значимости поставили перед учеными новые задачи в части уточнения понятия, содержания и формы уголовного преследования в досудебном производстве. В статье проводится анализ законодательных положений и теоретических воззрений по вопросу понятия публичного уголовного преследования, определяются границы деятельности органов предварительного расследования и прокурора в осуществлении уголовного преследования на досудебном производстве и выявляются существующие между ними связи. Обосновано, что действующее законодательство не содержит ясных предписаний, позволяющих определить компетенцию, пределы и формы деятельности органов предварительного расследования и прокурора в осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве. В результате исследования автор пришел к выводам, что уголовное преследование в досудебном производстве представляет собой сложносоставную деятельность, состоящую из двух частей (этапов). Начинается уголовное преследование следователем, дознавателем с собирания изобличающих доказательств и формирования на их основе процессуальных решений, придающих лицу статус обвиняемого, подозреваемого, а завершается составлением следователем, дознавателем итогового процессуального решения по результатам проведенного предварительного расследования. Второй этап уголовного преследования в досудебном производстве обеспечивается прокурором с момента получения от органа расследования обвинительного заключения, акта, постановления. Содержит

жание этапа составляют действия прокурора, направленные на проверку и оценку представленных доказательств и процессуальных решений. Завершается этап формированием судебного обвинения и направлением его в суд.

Ключевые слова: уголовное преследование; предварительное расследование; избобличение лица; прокурор; органы предварительного расследования; прокурорский надзор; досудебное преследование; судебное обвинение.

Для цитирования: *Забурдаева К. А.* Публичное уголовное преследование в досудебном производстве: понятие, субъекты и формы реализации // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 134–147. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-134-147>

Research Article

PUBLIC CRIMINAL PROSECUTION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: CONCEPT, SUBJECTS AND FORMS OF IMPLEMENTATION

Kristina A. Zaburdaeva

Togliatti State University, 14 Belorusskaia St., Togliatti, 445020, Russia
kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Abstract

Amending part 1 of Article 129 of the Constitution of the Russian Federation and giving the functions of the prosecutor's office of the Russian Federation of constitutional and legal significance, set new tasks for scientists in terms of clarifying the concept, content and form of criminal prosecution in pre-trial proceedings. The article analyzes the legislative provisions and theoretical views on the issue of the concept of public criminal prosecution, defines the boundaries of the activities of the preliminary investigation bodies and the prosecutor in the implementation of criminal prosecution in pre-trial proceedings, and identifies the links between them. It is substantiated that the current legislation does not contain clear regulations that allow determining the competence, limits and forms of activity of the preliminary investigation bodies and the prosecutor in the implementation of criminal prosecution in pre-trial proceedings. As a result of the study, the author came to the conclusion that criminal prosecution in pre-trial proceedings is a complex activity consisting of two parts (stages). The criminal prosecution begins by the investigator, the interrogating officer with the collection of incriminating evidence and the formation on their basis of procedural decisions that give the person the status of the accused, the suspect, and ends with the preparation

by the investigator, the interrogating officer of the final procedural decision based on the results of the preliminary investigation. The second stage of criminal prosecution in pre-trial proceedings is provided by the prosecutor from the moment of receipt of the indictment, act, resolution from the investigation body. The content of the stage consists of the prosecutor's actions aimed at verifying and evaluating the evidence presented and procedural decisions. The stage ends with the formation of a prosecution and sending it to the court.

Keywords: criminal prosecution; preliminary investigation; exposure of a person; prosecutor; preliminary investigation bodies; prosecutorial supervision; pre-trial prosecution; prosecution.

For citation: *Zaburdaeva K. A. Public Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings: Concept, Subjects and Forms of Implementation. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 134–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-134-147>*

Введение

В соответствии с ч. 1 ст. 129 Конституции РФ функция уголовного преследования возложена на прокуратуру Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации осуществляет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством РФ. Статья 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) закрепляет полномочия прокурора на осуществление от имени государства уголовного преследования, а также надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования в уголовном судопроизводстве. Проблема в том, что ч. 2 ст. 37 УПК РФ, перечисляющая полномочия прокурора в досудебном производстве, не дает определенности относительно их функциональной принадлежности: какие направлены на реализацию уголовного преследования, а какие обеспечивают процессуальный надзор. Нет однозначного понимания и в уголовно-процессуальной науке относительно соотношения данных терминов. Одни ученые исходят из того, что прокурор является руководителем уголовного преследования и в этом качестве осуществляет надзор за органами предварительного расследования [1; 2, с. 10–16]. Другие обосновывают мнение, что для прокурора основной функцией является надзор, а все остальные направления деятельности прокурора являются производными [3; 4].

После принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. и внесения изменений в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ функция прокурора по уголовному преследованию получила конституционно-правовое значение, и проблема понимания публичного уголовного преследования вышла на новый надотраслевой уровень. Очевидно, что определение полномочий прокурора по уголовному преследованию в целом, а не только в досудебном производстве должно базироваться на конституционном статусе прокуратуры РФ как единой федеральной

централизованной системы органов, действующей от имени и в интересах Российской Федерации. Такой статус придает прокуратуре особую значимость и позволяет говорить если не о руководящей, то о главенствующей роли в реализации возложенных на прокуратуру функций, в том числе при осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве. Однако, если обратиться к УПК РФ, основная роль в осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве, в смысле п. 55 ст. 5 УПК РФ, принадлежит органам предварительного расследования, на которых лежит задача расследования преступления и изобличения виновного по делам публичного обвинения.

Проблемы правового регулирования уголовного преследования, определения его субъектов и форм реализации, выявления связи с предварительным расследованием постоянно находятся в центре внимания уголовно-процессуальной науки. Этими вопросами в разные годы занимались такие ученые, как М. С. Строгович [5], А. М. Ларин [6], А. Г. Халиулин [7, с. 3–8], О. Я. Баев [8], В. Ф. Крюков [9], А. Г. Калугин [10, с. 116–123], Г. Н. Королев [11] и др., однако целостной концепции уголовного преследования, воспринятой законодателем и разделяемой практиками, так и не представлено.

Нисколько не умаляя значимость органов предварительного расследования в осуществлении уголовного преследования на досудебном производстве, проведем анализ действующего законодательства на предмет соответствия предоставленных прокурору полномочий конституционно-значимой функции уголовного преследования; выделим действия и решения прокурора, составляющие содержание уголовного преследования на досудебном производстве; обозначим элементы процессуального статуса прокурора, которые после внесения поправок в Конституцию РФ требуют своего изменения или дополнения.

Целью исследования является теоретико-правовой анализ понятия, субъектов и форм реализации публичного уголовного преследования в рамках досудебного уголовного судопроизводства; определение роли прокурора и органов предварительного расследования в осуществлении публичного уголовного преследования в досудебном производстве.

1. Общие вопросы осуществления уголовного преследования

Определение роли государственных должностных лиц в осуществлении уголовного преследования невозможно без ответа на вопрос, что представляет из себя данная государственная деятельность и каково ее содержание. Если исходить из законодательной дефиниции уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения, направленной на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), следует согласиться, что каждый участник стороны обвинения уполномочен на осуществление уголовного преследования как в досудебном, так и в судебном производстве. Однако из содержания ст. 20 УПК РФ, закрепляющей три вида уголовного преследования: публичное, частно-публичное и частное, следует, что уголовное преследование может осуществляться в порядке либо публичного обвинения, либо частного. Частное уголовное преследование осуществляется потерпевшим или его представителем

по уголовным делам частного обвинения, имеет иную юридическую природу [12] и требует самостоятельного изучения. Поэтому предметом проводимого исследования выступают лишь отношения, возникающие при осуществлении публичного уголовного преследования. Согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ уголовное преследование от имени государства (публичное) по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель.

Возлагая функцию уголовного преследования по уголовным делам публичного обвинения на различные государственные органы, государство должно не только делегировать полномочия, но и распределить между ними компетенцию, установить пределы и порядок деятельности каждого органа, задействованного в процессе. В российском уголовном судопроизводстве первая часть – делегирование государственных полномочий нашла свое закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве: уголовное преследование осуществляют прокурор и органы расследования. Вторая же часть – определение компетенции, пределов, формы и порядка деятельности каждого субъекта в осуществлении публичного уголовного преследования не получила должного правового оформления в части досудебного производства и все еще нуждается в научном осмыслении. Основные вопросы, на которые предстоит ответить законодателю, заключаются в следующем: что составляет содержание уголовного преследования в досудебном производстве; являются ли органы расследования и прокурор, осуществляющие уголовное преследование в досудебном производстве, одноуровневыми субъектами или находятся в иерархических отношениях; в какой форме органы расследования осуществляют уголовное преследование; участвует ли прокурор в осуществлении уголовного преследования на досудебном производстве и в какой форме.

Для решения указанных вопросов будут проанализированы и критически оценены законодательные предписания, регламентирующие порядок избличения обвиняемых в совершенном преступлении, а также исследованы различные точки зрения и предложения, высказанные в уголовно-процессуальной науке.

2. Начало уголовного преследования

Любое цивилизованное государство берет на себя обязательство обеспечить общественный правопорядок, устанавливать систему органов государственной власти в сфере правоохраны и уголовного судопроизводства, порядок их организации и деятельности. Данное положение общепризнанно в правовой науке и реализуется в государствах англосаксонской и континентальной системы права последние несколько столетий. Еще в XIX в. Н. Гартунг отмечал: «Государство должно взять на себя иск публичный и должно обличать преступников посредством своих органов» [13, с. 165]. В современной правовой науке этот вид государственной деятельности принято называть «уголовное преследование», которое в свою очередь можно разделить на досудебное преследование и судебное преследование [14, с. 18–22].

На первый взгляд российское уголовно-процессуальное законодательство ввело в оборот термин «уголовное преследование», закрепив его понятие и обозначив субъектов, обладающих данными полномочиями. Однако допущенные противоре-

чия и пробелы в регулировании данного института привели не только к различиям в толковании самого термина, трудностям в определении начала и окончания этой деятельности, но, что самое главное, не позволяют рассматривать уголовное преследование как целостную, организованную и слаженную деятельность органов и должностных лиц, действующих с единой целью от имени и лица государства.

В частности, понимание уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения, направленной на изобличение обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления, позволяет выделять по меньшей мере два начала этой деятельности. Во-первых, если уголовное преследование осуществляется в отношении подозреваемого или обвиняемого, то логически его начало должно быть связано с моментом приобретения ими этого статуса. Основоположником такого подхода является известный советский юрист М. С. Строгович, который писал: «Уголовное преследование может начинаться и проводиться только в отношении определенного лица, обвиняемого в совершении преступления» [5, с. 191]. Значительная часть современных ученых также считают, что уголовное преследование всегда персонифицировано и осуществляется в отношении конкретного лица с момента приобретения им статуса обвиняемого или подозреваемого. Объяснение этому ученые видят в том, что уголовное преследование следует рассматривать «как процессуальную форму привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности» [15, с. 14–21], с чем следует согласиться.

Во-вторых, в науке высказана точка зрения, позволяющая начало уголовного преследования связывать с возбуждением уголовного дела и началом предварительного расследования, независимо от наличия фигуры обвиняемого, подозреваемого. Истоки данного понимания связаны с именем профессора М. А. Чельцова [16, с. 348], отмечавшего, что уголовное преследование начинается по факту обнаружения преступления в отношении «всякого предполагаемого совершителя преступления», а не индивидуально-определенного лица. Такой подход, как это ни парадоксально, имеет и современное нормативное подтверждение. Согласно ст. 156 УПК РФ с момента возбуждения уголовного дела начинается предварительное расследование. Целью предварительного расследования, исходя из предмета доказывания, установленного ст. 73 УПК РФ, является установление обстоятельств совершенного деяния и виновности лица, а лицом, уполномоченным осуществлять публичное уголовное преследование, как показано выше, является следователь, дознаватель. В этом смысле предварительное расследование есть не что иное, как форма публичного уголовного преследования, реализуемая исключительно следователями и дознавателями с момента возбуждения уголовного дела.

Если абстрагироваться от фигур обвиняемого и подозреваемого, то можно выделить третий вариант начала уголовного преследования, вытекающий из содержания ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, обязывающей орган расследования разъяснять лицам, в отношении которых проводится так называемая доследственная проверка, их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ. Анализируя указанную норму, Б. Б. Булатов отметил, что в данном случае речь идет о «фактически ведущемся уголовном преследовании» [17, с. 4], предшествующем принятию решения о воз-

буждении уголовного дела. На фактическое уголовное преследование указывает и А. А. Бояринцев при исследовании правового положения свидетеля, в отношении которого возникает подозрение [18, с. 23–26].

Все рассмотренные варианты начала уголовного преследования связаны с деятельностью органов предварительного расследования. При этом содержание уголовного преследования составляет не вся деятельность органов расследования, а лишь та, которая направлена на изобличение лица в совершении преступления, на получение обвинительных доказательств, и может начаться на любое время. Этим и объясняется появление разных версий фиксации момента начала уголовного преследования.

3. Субъекты уголовного преследования на стадии предварительного расследования

Помимо неопределенности в установлении начала уголовного преследования нормативная дефиниция, содержащаяся в п. 55 ст. 5 УПК РФ, нивелирует различия между категориями «уголовное преследование» и «предварительное расследование». Формируется убеждение, что основным и единственным субъектом уголовного преследования в досудебном производстве выступает орган расследования, ведущий также предварительное расследование. А прокурор, не являющийся субъектом доказывания при производстве расследования, уполномочен лишь на осуществление процессуального надзора.

После внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 г. функция уголовного преследования получила конституционно-правовое закрепление и стала рассматриваться как конституционно-правовое явление. Это подвигло ученых-конституционалистов поставить вопрос о пересмотре процессуальной дефиниции уголовного преследования, придать ей новое актуальное значение. По мнению К. И. Амирбекова [19, с. 65–69], акцент в понятии уголовного преследования следует делать не на производстве каких-либо следственных и процессуальных действий, а на принятии процессуальных решений, придающих лицу статус подозреваемого или обвиняемого. Как считает ученый, осуществление уголовного преследования должно быть связано с принятием таких процессуальных решений, как постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица; привлечение лица в качестве обвиняемого; уведомление о подозрении, а также вынесение итогового обвинительного документа в виде заключения, акта либо постановления.

Полагаем, такой акцент вполне логичен и может быть взят за основу при разграничении полномочий органов предварительного расследования и прокурора в осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве. Однако ограничивать понятие уголовного преследования исключительно процессуальными решениями, по мнению Н. В. Османовой, было бы неправильно [20, с. 59–61]. Поддерживая и развивая высказанную автором мысль, хотим отметить, что любое процессуальное решение должно быть основано на совокупности достоверных, допустимых и относимых доказательств, собираемых в ходе предварительного расследования. Как прокурор не сможет без органа расследования реализовать свои полномочия по уголовному преследованию, так и орган расследования «за-

висим» от прокурора, принимающего от него результаты деятельности. Такая обоюдная связь или даже зависимость и должна составлять суть модели уголовного преследования в досудебном производстве, в которой каждый орган или должностное лицо получит свой объем полномочий и собственные задачи, направленные на достижение государственной цели – подготовиться к судебному изобличению виновного лица.

Исходя из сказанного в системе уголовного преследования на досудебном производстве следует выделять два этапа: 1) первый этап, на котором следователь, дознаватель обеспечивает сбор обвинительных доказательств и выносит предварительное решение по результатам расследования; 2) второй этап, на котором прокурор проверяет достаточность обвинительных доказательств и формирует итоговое заключение для судебного преследования виновного лица.

Только прокурор при окончании предварительного расследования может придать решениям органов расследования характер официального государственного обвинения: он принимает результаты деятельности следователя, дознавателя, одобряет или корректирует их и дает юридическую оценку. В этой связи не можем согласиться с О. В. Ворониным, отмечавшим, что уголовное преследование прокурора на досудебном производстве начинается «с момента утверждения обвинительного заключения (акта)» [21, с. 86]. Прокурор приступает к своим властным полномочиям с момента получения данных документов от органа расследования, так как его задача значительно шире: он должен проверить, оценить, при необходимости возразить с указаниями и только затем утвердить. Сказанное означает, что прокурор и органы расследования не являются одноуровневыми субъектами уголовного преследования и их взаимодействие может быть только иерархическим. Поэтому следует согласиться с учеными, по мнению которых именно прокурор должен быть руководителем уголовного преследования на досудебных стадиях судопроизводства ввиду его особого процессуального статуса [22]. Более того, не видим принципиальных возражений для включения в систему принципов уголовного судопроизводства положения о руководящей роли прокурора в уголовном преследовании [23, с. 38–42].

4. Функциональная роль прокурора на стадии досудебного производства

Если спроецировать представленную модель уголовного преследования на сохраняющиеся в УПК РФ полномочия органов расследования и прокурора в досудебном производстве, то увидим, что потребуется определенная корректировка процессуального статуса как органов расследования, так и прокурора.

Прежде всего необходимо обозначить соотношение категорий «предварительное расследование» и «уголовное преследование», признать на уровне закона, что предварительное расследование есть форма реализации уголовного преследования. Также следует проанализировать процессуальные действия и решения следователя, дознавателя, непосредственно связанные с осуществлением уголовного преследования. Как мы полагаем, пределы полномочий органа расследования в осуществлении уголовного преследования ограничиваются установлением обстоятельств совершенного преступления, сбором доказательств виновности

лица и подготовкой итогового решения по результатам расследования. Исходя из этого и следует критически оценить полноту и качество правового регулирования полномочий следователя и дознавателя и необходимость тщательной детализации некоторых из них на уровне УПК РФ. Речь идет, например, о праве следователя предоставить руководителю следственного органа свои письменные возражения в случае несогласия с требованиями прокурора (ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38 УПК РФ).

Действующий процессуальный статус прокурора в досудебном производстве базируется на полномочиях, содержащихся в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, которые и определяют функциональную роль прокурора. Хотя они и перечислены одним списком, но обеспечивают две разные процессуальные функции: процессуальный надзор и уголовное преследование. Чтобы устранить дефект юридической техники, нивелирующий функциональные отличия, распределим все полномочия по группам, используя в качестве критерия предметную юрисдикцию прокурора в представленной модели уголовного преследования как представителя государства [24, с. 31].

В первую группу объединим полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами расследования, которые осуществляются в форме вынесения требований об устранении допущенных нарушений либо отмены незаконных решений. Из перечисленного в ч. 2 ст. 37 УПК РФ к надзорным полномочиям прокурора следует отнести те из них, которые направлены на проверку исполнения следователем, дознавателем установленного законом порядка:

- при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1, 3);
- принятии решений об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела (п. 5.1);
- производстве дознания или предварительного следствия (п. 3).

Вторая группа полномочий прокурора, обеспечивающая уголовное преследование, связана с формированием судебного обвинения, поэтому сюда следует включить:

- решение вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 5.2);
- продление срока запрета определенных действий, домашнего ареста или заключения под стражу (п. 8.1);
- утверждение обвинительного заключения, акта или постановления (п. 14);
- возвращение уголовного дела следователю, дознавателю для дополнительного расследования и т.д. (п. 15).

Помимо двух основных групп, обеспечивающих процессуальные функции прокурора, – надзора и уголовного преследования в ч. 2 ст. 37 УПК РФ указаны отдельные действия и решения прокурора, не имеющие четкой предметной обусловленности, например полномочия, корректирующие правило о подследственности уголовных дел, позволяющие прокурору изымать любое уголовное дело у дознавателя и передавать его следователю; передавать уголовное дело или материалы проверки от одного органа расследования другому; изымать любое уголовное дело и передавать следователю СК (п. 11, 12). Трудно определить место еще одной группе полномочий прокурора, характеризующих его как руководителя дознавателя. В количественном отношении это самая многочисленная группа, включающая шесть пунктов:

- дача указаний о направлении дознания и производстве процессуальных действий (п. 4);
- согласование ходатайств в суд об избрании меры пресечения или иного процессуального действия (п. 5);
- отмена незаконных или необоснованных постановлений органов дознания, начальников и дознавателей (п. 6);
- разрешение отводов и самоотводов дознавателя (п. 9);
- отстранение дознавателя от расследования при нарушении им требований закона (п. 10);
- утверждение постановления о прекращении уголовного дела (п. 13).

Позиционирование прокурора как руководителя дознания на фоне его «осторожного» вмешательства в деятельность следственных органов выглядит, мягко говоря, непонятно. Проблема в том, что различный объем властных полномочий прокурора к органам предварительного расследования трудно объяснить логически, и еще труднее дать научное обоснование. Данные полномочия, как и полномочия прокурора, связанные с изменением подследственности, свидетельствуют, на наш взгляд, лишь о том, что прокурор является не рядовым участником уголовного процесса, а руководителем, организующим и контролирующим участников, осуществляющих уголовное преследование.

Итак, когда орган расследования ведет производство по уголовному делу и действует в пределах предоставленной ему юрисдикции, вмешательство прокурора в этот процесс допускается исключительно в форме процессуального надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия. В связи с обозначенным не можем согласиться с предложениями о предоставлении прокурору полномочий по возбуждению уголовных дел и инициированию уголовного преследования [25, с. 85–94]. Попытка законодателя повысить значимость прокурора в стадии возбуждения уголовного дела посредством закрепления в п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочия о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений [26, с. 60–65] и введения специального повода к возбуждению уголовного дела в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ вряд ли достигла поставленных целей. В предлагаемой нами концепции уголовного преследования, в рамках которой право возбуждения уголовного преследования принадлежит исключительно органам расследования, данное полномочие прокурора теряет свою значимость. Только после окончания предварительного расследования и подготовки следователем, дознавателем итогового решения начинается юрисдикция прокурора в осуществлении уголовного преследования, целью которой становится проверка результатов деятельности органа расследования и формирование на их основе судебного обвинения. На этом этапе уголовного преследования решения прокурора должны иметь для органа расследования обязательное значение.

Заключение

Характеризуя уголовное преследование, следует исходить из его публичной или частноправовой природы. Публичное уголовное преследование обеспечи-

вает реализацию одной из основных функций уголовного судопроизводства – обвинения от имени государства. Учитывая смешанный тип российского уголовного судопроизводства, публичное уголовное преследование на разных частях судопроизводства проявляется по-разному. В судебном производстве уголовное преследование обеспечивается исключительно прокурором (государственным обвинителем) в условиях состязательности и равноправия с участниками стороны защиты. В досудебном производстве полномочия по осуществлению уголовного преследования предоставлены не только прокурору, но и органам расследования, которые в рамках предварительного следствия или дознания формируют доказательственную базу для изобличения виновных лиц и обосновывают предварительное решение о виновности. Отсюда необходимость выделения двух частей (этапов) уголовного преследования в досудебном производстве:

1. На первом этапе следователь или дознаватель начинает уголовное преследование посредством выдвижения в отношении конкретного лица официального обвинения или подозрения, сформированного на основе полученных доказательств, а завершает подготовкой обвинительного заключения, акта или постановления, которое по своему юридическому значению имеет предварительный характер. Решения органа расследования, вынесенные в пределах предоставленной ему компетенции, могут быть подвергнуты процессуальному надзору прокурора.

2. Второй этап уголовного преследования в досудебном производстве начинается с момента получения прокурором процессуальных документов по результатам проведенного следствия или дознания. Прокурор, проверив и критически оценив предварительное решение следователя, дознавателя о виновности обвиняемого, допустимость и достаточность имеющихся доказательств для изобличения лица, формулирует государственное обвинение для судебного разбирательства и направляет его в суд и заинтересованным участникам. Указания прокурора на данном этапе должны быть обязательны для органов расследования.

Пристатейный библиографический список

1. *Шейфер С. А.* Досудебное производство в России : этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти : монография. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2013.
2. *Мамошин М. А., Мамошин А. А.* О процессуальном положении отдельных участников уголовного процесса, деятельность которых связана с осуществлением уголовного преследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 2 (47).
3. *Ястребов В. Б.* Надзор за исполнением законов как основная функция прокуратуры // Проблемы совершенствования прокурорского надзора (к 275-летию российской прокуратуры). М., 1997.
4. *Шалумов М.* Система функций российской прокуратуры. Кострома, 2003.
5. *Строгович М. С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951.
6. *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу : процессуальные функции. М. : Юрид. лит., 1986.

7. *Халиулин А. Г.* Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2008. № 11.
8. *Баев О. Я.* Прокурор как субъект уголовного преследования. М. : Библиотека криминалиста, 2006.
9. *Крюков В. Ф.* Уголовное преследование в досудебном производстве : уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора : монография. М. : ИНФРА-М, 2010.
10. *Калугин А. Г.* Уголовное преследование и отказ от уголовного преследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // *Публичное и частное право.* 2011. № 2 (10).
11. *Королев Г. Н.* Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М. : Библиотека криминалиста, 2006.
12. *Долгополов П. С.* Дела частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Гартунг Н.* История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России, приновренная к университетскому курсу. СПб. : Тип. Э. Арнольда, 1868.
14. *Шестак В. А., Карнович В. Э.* Институт выдачи лиц для уголовного преследования : опыт Республики Индия // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2022. № 3.
15. *Лазарева В. А.* Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования // *Мировой судья.* 2022. № 3.
16. *Чельцов М. А.* Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во, 1948.
17. *Булатов Б. Б.* Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
18. *Бояринцев А. А.* К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование // *Российский следователь.* 2020. № 12.
19. *Амирбеков К. И.* О конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющих полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве : теоретический подход // *Конституционное и муниципальное право.* 2021. № 7.
20. *Османова Н. В.* Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // *Российский следователь.* 2021. № 4.
21. *Воронин О. В.* О современном содержании прокурорского уголовного преследования на досудебных этапах уголовного судопроизводства // *Правовые проблемы укрепления российской государственности.* Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011.
22. *Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова.* 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2022.
23. *Кругликов А. П., Бирюкова И. А.* Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // *Законность.* 2019. № 2 (1012).

24. *Келина С. Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М. : Наука, 1974.

25. *Вилкова Т. Ю.* К вопросу о роли прокурора в возбуждении уголовного дела и инициировании уголовного преследования // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 7.

26. *Вецкая С. А., Муллагалева Л. Р.* Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 6.

References

1. *Sheifer S. A.* Pre-Trial Proceedings in Russia: Stages of Development of the Investigative, Judicial and Prosecutorial Authorities: Monograph. Moscow: Norma; Infra-M, 2013. (In Russ.)

2. *Mamoshin M. A., Mamoshin A. A.* On the Procedural Status of Individual Participants in Criminal Procedure, Whose Activities Are Related to the Implementation of Criminal Prosecution. *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (47). (In Russ.)

3. *Iastrebov V. B.* Supervision over the Execution of Laws as the Main Function of the Prosecutor's Office. In *Problems of Improving Prosecutorial Supervision (to the 275th Anniversary of the Russian Prosecutor's Office)*. Moscow, 1997. (In Russ.)

4. *Shalumov M.* The System of Functions of the Russian Prosecutor's Office. Kострома, 2003. (In Russ.)

5. *Strogovich M. S.* Criminal Prosecution in Soviet Criminal Procedure. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. (In Russ.)

6. *Larin A. M.* Investigation in a Criminal Case: Procedural Functions. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1986. (In Russ.)

7. *Khaliulin A. G.* Legal Regulation of Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases Needs to Be Corrected for Systemic Errors. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2008, no. 11. (In Russ.)

8. *Baev O. Ia.* Prosecutor as a Subject of Criminal Prosecution. Moscow: Forensic Library, 2006. (In Russ.)

9. *Kriukov V. F.* Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings: Criminal Procedural and Supervisory Aspects of the Prosecutor's Activities: Monograph. Moscow: Infra-M, 2010. (In Russ.)

10. *Kalugin A. G.* Criminal Prosecution and Waiver of Criminal Prosecution at the Initial Stage of Criminal Proceedings. *Public and Private Law*, 2011, no. 2 (10). (In Russ.)

11. *Korolev G. N.* Prosecutorial Prosecution in Russian Criminal Procedure. Moscow: Forensic Library, 2006. (In Russ.)

12. *Dolgoplov P. S.* Cases of Private Prosecution (SPS "Consultant Plus"). (In Russ.)

13. *Hartung N.* The History of Criminal Justice and the Judiciary of France, England, Germany and Russia, Adapted to the University Course. St. Petersburg: E. Arngold's Printing House, 1868. (In Russ.)

14. *Shestak V. A., Karpovich V. E.* Institute for the Extradition of Persons for Criminal Prosecution: The Experience of the Republic of India. *International Criminal Law and International Justice*, 2022, no. 3. (In Russ.)

15. Lazareva V. A. Criminal Procedural Consequences of the Expiration of the Statute of Limitations for Criminal Prosecution. *Magistrate*, 2022, no. 3. (In Russ.)
16. Cheltsov M. A. Criminal Procedure. Moscow: Legal Publishing House, 1948. (In Russ.)
17. Bulatov B. B. Procedural Status of Persons Against Whom the Accusatory Activity Is Carried Out: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Omsk, 2011. (In Russ.)
18. Boiarintsev A. A. On the Legal Status of a Witness Against Whom Public Criminal Prosecution Is Carried Out. *Russian Investigator*, 2020, no. 12. (In Russ.)
19. Amirbekov K. I. On the Constitutionality of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Which Determine the Powers of the Prosecutor to Carry Out Criminal Prosecution in Pre-Trial Proceedings: A Theoretical Approach. *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 7. (In Russ.)
20. Osmanova N. V. Fundamentals of Building the Concept of Criminal Prosecution and its Beginning. *Russian Investigator*, 2021, no. 4. (In Russ.)
21. Voronin O. V. On the Modern Content of Prosecutorial Criminal Prosecution at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings. In *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood*. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2011. (In Russ.)
22. Maslennikova L. N. (ed.). Evidence and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings: Monograph. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2022. (In Russ.)
23. Kruglikov A. P., Biriukova I. A. Procedural Leadership of the Prosecutor in Criminal Prosecution on Behalf of the State – The Principle of Criminal Proceedings. *Legality*, 2019, no. 2 (1012). (In Russ.)
24. Kelina S. G. Theoretical Issues of Exemption from Criminal Liability. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ.)
25. Vilkovala T. Iu. On the Role of the Prosecutor in Initiating a Criminal Case and Initiating Criminal Prosecution. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 7. (In Russ.)
26. Vetskaia S. A., Mullagalieva L. R. Separate Issues of the Prosecutor's Implementation of the Function of Criminal Prosecution at the Pre-Trial Stage of Criminal Proceedings. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 6. (In Russ.)

Сведения об авторе:

К. А. Забурдаева – старший преподаватель.

Information about the author:

K. A. Zaburdaeva – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 22.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 23.01.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 22.03.2023.

Оказание бесплатной юридической помощи
и правовое просвещение населения. Юридическое образование.
Рекомендации практикующих юристов

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-148-157>

ПРАВО И ДЕМОКРАТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

Вадим Викторович Антонченко

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 27
antovadim@yandex.ru

Аннотация

Признание и соблюдение прав человека и гражданина и демократии как политического режима, при котором народ является источником и носителем государственной власти, имеет практическое значение для повседневных социальных процессов. Целью работы является выявление роли указанных феноменов общественной жизни для обеспечения стабильности государства, а также возможности ограничения прав человека в целях общественной безопасности. В работе использованы общенаучные подходы в анализе и обобщении явлений социально-правовой действительности. Права человека представляются универсальной ценностью, интегрирующей интересы подавляющего большинства населения; демократия является механизмом обеспечения данной ценности. Соблюдение и защита прав и свобод человека является не только интересом индивида, в правовом государстве эти функции составляют основной смысл его существования. Воплощение принципов правового демократического государства в законодательстве и повседневной правоприменительной деятельности непосредственным образом влияет на качество жизни граждан и, одновременно, на стабильность общества и безопасность государства.

Ключевые слова: государство; право; права человека; правовой режим; безопасность; национальная безопасность; демократия; стабильность; общественные интересы.

Для цитирования: Антонченко В. В. Право и демократия в политической системе общества // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 148–157. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-148-157>

Research Article

LAW AND DEMOCRACY IN THE POLITICAL SYSTEM OF SOCIETY

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 27 Ajax Village, Russkij Island, Vladivostok, 690922, Russia
antovadim@yandex.ru

Abstract

The recognition and observance of human and civil rights and democracy as a political regime in which the people are the source and bearer of state power is of practical importance for everyday social processes. The aim of the work is to identify the role of these phenomena of public life to ensure the stability of the state, as well as the possibility of restricting human rights for public safety. The paper uses general scientific approaches in the analysis and generalization of the phenomena of social and legal reality. Human rights are a universal value that integrates the interests of the overwhelming majority of the population; democracy is a mechanism for ensuring this value. The observance and protection of human rights and freedoms is not only an individual's interest, in a State governed by the rule of law, these functions constitute the main meaning of his existence. The implementation of the principles of a legal democratic state in legislation and daily law enforcement activities directly affects the quality of life of citizens and, at the same time, the stability of society and the security of the state.

Keywords: state; law; human rights; legal regime; security; national security; democracy; stability; public interests.

For citation: Antonchenko V. V. Law and Democracy in the Political System of Society. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 2, pp. 148–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-148-157>

Введение

Ценность права как инструмента, обеспечивающего в обществе порядок посредством согласования разнородных интересов, проявляется прежде всего в его способности сбалансировать субъективные права, обязанности и ответственность во взаимоотношениях индивида (общества) и государства (политической власти). Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня понятие права не только соотносится с дефинициями «порядок», «отношения» и «власть», но и воплощает в себе взгляды и принципы на регулирование взаимоотношений между людьми и сообществами на основе свободы, справедливости, равенства и гуманизма, т.е. тех условий, которые наиболее полно соответствуют достижению цели гармоничного и устойчивого развития общества. Баланс интересов личности и государства является необходимым условием гражданского мира и, следовательно, гарантией стабильности общества. Достижение такого баланса возможно лишь в условиях перцепции социумом ценностей, полагаемых им универсальными, т.е. выражающими интересы всего общества или его подавляющей части, а также реальной демократии, где право как регулятор общественных отношений опирается на гуманистические ценности и идеалы. Исследование указанных взаимосвязей, особенно ввиду различных толкований и подходов к ним, продолжает представлять существенный научно-практический интерес.

Право, возникшее как регулятор общественных отношений с помощью государственного аппарата принуждения, в течение тысячелетий отражало потребности не всего народа, а лишь отдельных социальных групп, слоев и классов. Сегодня классовое понимание права не может содействовать успешному развитию общества. В современном государстве право должно выражать интегративные интересы всего общества: только при этом условии оно обеспечивает баланс потребностей всех лиц, связанный не только с благосостоянием и развитием общества, но и с безопасностью государства.

Взаимосвязь прав и обязанностей гражданина, взаимообусловленность свобод и ответственности, возможность и пределы ограничения прав в целях обеспечения общественной безопасности – эти фундаментальные проблемы демократического общества требуют как постоянного теоретического осмысления, так и перманентного практического разрешения в законодательстве и правоприменении.

1. Правовые ценности и ценность права в обеспечении стабильности общества и государства

Право наряду с иными социальными нормами (мораль, религия, обычаи и т.д.) не только устанавливает границы поведения субъектов по отношению друг к другу, но и является важным инструментом обеспечения стабильности и безопасности. Т. Гоббс считал, что люди, осознавая невозможность жить в условиях войны всех против всех (*omnia bella contra omnes*), сознательно ограничивают свою свободу и заключают некий «общественный договор», признавая над собой власть государства и поручая ему в обмен на это функцию поддержания правопорядка [1].

Социокультурная эволюция изменяла как взгляды на государство и политическую власть, так и саму их суть; при этом человечество, как и прежде, не имеет

иного, более эффективного инструмента регулирования общественных отношений, способного преодолеть хаос и обеспечить порядок, чем право. В государстве, обеспечивающем решение социальных проблем в соответствии с современными представлениями об общественном благополучии, процветание государства тождественно понятию благополучия его населения. Таким образом, право, защищая интересы государства, прежде всего обеспечивает защитой интересы и ценности своих граждан.

Ценность права как инструмента функционирования социальных институтов выражается в таких его свойствах, как нормативность, общеобязательность, принудительность, формальная определенность, системность, динамизм и стабильность. Закрепляя в единую систему создаваемые государством правила, право не только наделяет лица возможностью совершать те или иные юридически значимые действия, но и накапливает в обществе те или иные ценности, определяет их иерархию.

Современные правовые ценности неотделимы от понятия социального прогресса и опосредованы доктриной естественного права. Базовые интересы человека, к которым относятся свобода, равенство и справедливость, с позиции данной концепции являются неотделимыми от личности и независимыми от публичной власти. Вместе с тем данные ценности выражаются в нормах позитивного права через понятие прав человека; их признание и защита законом представляется высшим достижением регулятивной культуры.

Основной ценностью, определяющей лицо современной правовой системы, является свобода как имеющаяся у индивида возможность любого незапрещенного законом поведения. Свобода как осознанная необходимость всегда сопряжена с ответственностью [2]. Цивилизованным человечеством давно осознанно, что главным условием реализации человеком своих прав и свобод является встречное исполнение им обязанностей. Обычно круг данных обязанностей определяется достаточно неопределенно и широко: гражданин обязан соблюдать закон и не нарушать прав других лиц. Нарушение же данных обязанностей влечет за собой тот или иной вид юридической ответственности.

Сегодня остро ощущается связь между правами человека и его свободами, с одной стороны, и обязанностями и ответственностью – с другой. В правовом государстве помимо негативной ответственности, связанной с наступлением неблагоприятных последствий для правонарушителя за совершенные противоправные деяния, т.е. применением юридических санкций, важную роль имеет и позитивная ответственность, основанная на добросовестном выполнении гражданами правовых норм, т.е. сознательном правомерном поведении.

В условиях технологического усложнения окружающей среды, ее энергонасыщения все более возрастает роль неукоснительного исполнения правовых предписаний. Это связано с многократно возросшим потенциалом социальной вредности правонарушений, влекущих за собой риски личной и коллективной безопасности. Так, нарушения в сфере атомной энергетики, химического производства, на взрывоопасных объектах, в области строительства и эксплуатации магистральных трубопроводов могут повлечь за собой не только вред жизни и здоровью отдельных

лиц, но и угрозы чрезвычайных ситуаций с серьезными последствиями для биосферы в целом. Вместе с повышением активности и самостоятельности граждан повышаются требования по соблюдению правовых норм, т.е. общеобязательных предписаний, т.е. предъявляемых к ним со стороны общества и государства.

Технологический прогресс позволяет сегодня более строго контролировать соблюдение обязательных предписаний, обеспечивая неотвратимость привлечения к ответственности правонарушителей. Так, например, умышленные и неосторожные действия человека в сфере транспорта, приводящие к тяжелым последствиям, все больше автоматически фиксируются различными техническими средствами контроля.

В современном мире одновременно наблюдается два взаимовлияющих фактора: с одной стороны, повышение зависимости человека от социальной среды и государства, с другой – возрастание роли отдельного человека в государственной и общественной жизни. Положение о том, что субъективное право как определенная правовая возможность конкретного субъекта, осуществление им своих прав и свобод не должно наносить ущерба правам других граждан, интересам общества и государства, приобретает сегодня иную, более высокую актуальность.

Ответственное поведение граждан, основанное на уважении к закону и праву, является не только гарантией обеспечения реальной свободы личности и других прав человека, но и одним из основных условий существования подлинной демократии, как высшей формы политической организации общества. Подлинная демократия в стране неразрывно связана с политической активностью граждан в публичной сфере, с участием людей в формировании правовой системы как сложного образования, опосредующего не только вопросы правотворчества и правоприменения, но и такие элементы социально-правовой реальности, как правосознание и правовую культуру.

Дискуссии о роли и месте народовластия в обществе, зародившись на заре человеческой цивилизации, продолжают получать свое развитие и сегодня. В наши дни на научном уровне отсутствуют открытые противники демократии, отрицающие ее принципиальную ценность для общества. Вместе с тем споры ведутся о формах проявления современной демократии, ее границах, равенстве граждан в их влиянии на политические процессы. Представляется, что центральным местом полемики в этой сфере является вопрос о взаимоотношении демократического государства с гражданами, обладающими неотъемлемыми правами, и возможностями ограничения этих прав. Наряду с прочими существует мнение, что в будущем представительная демократия перестанет быть востребованной, что каналы взаимодействия власти и общества заменят социальные сети, мессенджеры и прочие коммуникации цифровой эпохи [3].

Вряд ли можно согласиться с подобным «технологическим» подходом к совокупности средств и методов осуществления политической власти в государстве: современные технологии, безусловно, вносят свой вклад в развитие общественных отношений, однако демократия – это не только определенный механизм формирования власти и функционирования правовой системы, это еще и всеобъемлющий принцип, ставящий человека в центр этой системы. Вместе с тем практическая

реализация информационных технологий в управлении государством не исключена. Так, например, могло бы вызвать интерес предложение в системе распределения налогов, при которой граждане не просто перечисляют в бюджет их сумму, а способны напрямую в личном кабинете налогоплательщика определять те сферы, на которые они считают нужным направить ту или иную ее долю: на образование, здравоохранение, правоохранительную деятельность, оборону и т.д. Представляется, что реализация подобных предложений могла бы стать воплощением идеалов прямой демократии не только при формировании представительной власти, но и на стадии управленческо-распорядительной деятельности по удовлетворению общественных интересов.

2. Ограничение субъективных прав и «суверенная демократия»

Разумное и обоснованное ограничение прав физических и юридических лиц во имя защиты интересов всего общества является необходимым и оправданным. Ограничения прав и свобод в государствах с различными политическими режимами преследуют интересы различных социальных групп и, таким образом, имеют разные общественно-политические и социально-экономические цели и значение. Указанные различия имеют не только юридическую природу и оказывают влияние не исключительно на индивидуальные права личности; они воздействуют на всю правовую и политическую систему.

Если воздействие политического режима на признание, соблюдение и защиту государством прав человека соответствует объективному ходу развития общества и выработанным человечеством взглядам на политику и власть, то оно имеет прогрессивное значение и представляется демократичным. При этом речь идет не о декларируемых в том или ином государстве правах и свободах, не о текстах конституций либо иных законов, а о реальном положении дел с осуществлением гражданских свобод и прав человека, осознанием своей роли в данном процессе всеми участниками общественной жизни, прежде всего государственными органами и их должностными лицами.

Ограничения прав и свобод граждан в правовой системе государств с демократическим политическим режимом могут быть оправданы с точки зрения необходимости и соразмерности; обеспечивая нормальную жизнедеятельность общества, они гарантируют защиту публичных интересов.

Если же ограничения прав и свобод служат не нравственно оправданным целям защиты граждан и укреплению общественного строя, а узкогрупповым, клановым или классовым интересам, то речь идет о государстве с недемократическим политическим режимом, в котором народ не является источником власти, а граждане в нем не имеют возможности влиять на политические процессы и на правовую систему.

Демократия сегодня нередко противопоставляется стабильности: предполагается, что метод коллективного управления с равным воздействием участников на исход процесса несет угрозу устойчивости и безопасности системы. Так, концепция «суверенной демократии» как системы государственной власти предполагает преобладание ценности стабильности над свободой личности [4]. Представляется,

что основным вопросом указанной доктрины является определение предела, за которым государственный суверенитет вступает в конфликт с суверенитетом народа. Существование подобных концепций свидетельствует о том, что демократия, в отличие от прав человека, не является универсальной ценностью; она лишь механизм, детерминирующий проявление имманентных социальному укладу и политическому режиму качеств.

Борьба суверенного государства с угрозами любых видов не может быть борьбой со своими гражданами, которые и являются носителями этого суверенитета. При достижении определенных значений подобное противостояние, основанное на недоверии к собственному народу, неизбежно приводит к кризису идеологии и правовой культуры, который в свою очередь представляет угрозу национальным политическим институтам и государству в целом [5; 6].

Ограничение личных, политических и экономических прав граждан допустимо для защиты общества и государства, но не является оправданным в случае использования мнимого предлога для такой защиты. Ограничивая индивидуальные права и свободы, необходимо прежде всего разрешать вопрос о том, что лучше обеспечивает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства: защита прав всех лиц или их стеснение. В любых условиях ограничение свобод становится неприемлемым, если оно противоречит нормам морали и нравственности.

Приписываемое Н. Маккиавели правило о том, что «цель оправдывает средства», часто использовалось в практике государственного управления различных стран на протяжении всей истории человечества. Опыты такого использования нельзя признать удовлетворительными: права и личные свободы, принесенные в жертву каким бы то ни было идеям, неизбежно оборачивались как человеческими жертвами, так и неблагоприятными последствиями для самих государств вплоть до их полного разрушения.

Политика, провозглашающая идеалы морали и нравственности, но не подкрепленная соответствующим законодательством и устойчивым правоприменением, является утопией: содержание интересов и ценностей различных групп общества не позволяет полагаться на декларации этих идеалов в конкретно-исторических условиях. Подобные декларации важны, но недостаточны; универсальным механизмом, обеспечивающим в обществе баланс частных интересов, гарантирующим безопасность личности, общества и государства одновременно с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, является право. Проявления нравственности поощряются правовыми средствами: все конституции современных государств в тех или иных формулировках содержат посвященные этому отступления. При этом провозглашаемые нормы (и, в частности, демократические права) не должны быть фикцией, не соответствующей правовой реальности.

Политическая история государственных режимов, основанных на наделении людей широкими правами и свободами и признании права граждан на участие в управлении делами государства, неоднократно свидетельствовала об их преимуществе перед различного рода диктатурами, в том числе и с точки зрения стабильности политической системы в условиях изменяющейся среды [7]. Ука-

занный подход к соблюдению баланса прав и их ограничений воплощен в отечественном законодательстве. Суверенитет, предполагающий, по смыслу ст. 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции России, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус¹. Таким образом, суверенитет является не целью, а средством осуществления государством основных направлений деятельности, выражающих его сущность. Высшей же ценностью демократическое правовое государство провозглашает человека, его права и свободы².

Заключение

Право как инструмент функционирования социальных институтов и средство гуманистической трансформации государства непосредственно влияет на его успешность и безопасность. Государство, его органы и должностные лица ежедневно вынуждены решать вопросы разумного баланса свободы и ответственности. Проблема регулирования коллизий между государством, обществом и личностью имеет большое практическое значение: дела, посвященные защите основополагающих гражданских свобод, обязательствам государственных органов и должностных лиц соблюдать права человека, не являются редкостью в судах. Справедливое судебное разбирательство, конституционное право на которое имеет любой гражданин, несовместимо с отступлением государства от соблюдения своих обязательств.

Демократия в любом государстве не является данностью; народовластие – это повседневный динамичный процесс, идеалы которого труднодостижимы; демократические процедуры в различных странах неравномерны и нередко отягощаются экономическими, политическими и иными кризисами. Более того, демократия не является гарантией процветания общества и государства, однако она необходимое условие, создающее возможности для такого благополучия. Аксиомой современного демократического правового государства, остающегося концепцией, открытой для интерпретаций, является не только то, что единственно легитимным источником политической власти является народ, лидеры которого определяются через честные и состязательные выборы, но и положение о том, что политическая система создается и функционирует для удовлетворения интегративного социального интереса, сутью которого являются соблюдение и защита прав человека и гражданина.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

Государство, осуществляющее свою деятельность на основе и в рамках закона и создающее политико-правовую действительность, в которой права и свободы человека признаются и гарантируются, следует как правовым, так и нравственным началам в своих отношениях с гражданами. Эти начала являются неочевидными, но реально существующими элементами его развития, стабильности и безопасности. Гуманистическая направленность права является стратегическим обстоятельством для достижения политической стабильности и устойчивости политической системы, а подаренная миру Протагором почти 25 столетий назад максима «человек – мера всех вещей...» и в современном мире имеет непреходящую со временем актуальность [8].

Пристатейный библиографический список

1. Гоббс Т. Избранные произведения. М. : Мысль, 1989.
2. Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Н. А. Иванцова. СПб. : Аста-пресс ltd, 1993.
3. Сурков В. Ю. Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года // Актуальные комментарии : сайт. URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudesas-2121-goda> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Сурков В. Ю. Национализация будущего. Параграфы pro суверенную демократию // Эксперт. 2006. № 43 (537).
5. Нефедов С. А., Алексеев В. В. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // Общественные науки и современность. 2002. № 6.
6. Сэттер Д. Век безумия : распад и падение Советского Союза. М. : Объединенное гуманитарное издательство, 2005.
7. Антонченко В. В. Права человека и безопасность государства // Право : история и современность. 2022. Т. 6. № 2.
8. Лебедев А. В. Протагор // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010.

References

1. *Hobbes T. Selected Works. Moscow: Mysl, 1989. (In Russ.)*
2. *Spinoza B.; Ivantsov N. A. (trans.). Ethics. St. Petersburg: Asta-press ltd, 1993. (In Russ.)*
3. *Surkov V. Iu. Desolate Democracy and Other Political Miracles of 2121. URL: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudesas-2121-goda> (date of the application: 10.10.2022). (In Russ.)*
4. *Surkov V. Iu. Nationalization of the Future. Paragraphs About Sovereign Democracy. Expert, 2006, no. 43 (537). (In Russ.)*
5. *Nefedov S. A., Alekseev V. V. The Death of the Soviet Union in the Context of the History of World Socialis. Social Sciences and Modernity, 2002, no. 6. (In Russ.)*
6. *Setter D. The Age of Madness: The Collapse and Fall of the Soviet Union. Moscow: United Humanitarian Publishing House, 2005. (In Russ.)*

7. Antonchenko V. V. Human Rights and State Security. *Law: History and Modernity*, 2022, vol. 6, no. 2. (In Russ.)

8. Lebedev A. V. Protagor. In *Stepin V. S. (ed.)*. New Philosophical Encyclopedia. In 4 vols. 2nd ed. Moscow: Mysl, 2010. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. В. Антонченко – кандидат юридических наук.

Information about the author:

V. V. Antonchenko – Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 27.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-158-168>

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИМОСТИ И ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ИХ ОЦЕНКЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Диана Владимировна Чиркова

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

borga25@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью дальнейшего изучения и совершенствования института относимости доказательств, который влияет на процесс сбора доказательств. Целью исследования является рассмотрение относимости и достаточности доказательств в гражданском судопроизводстве при их оценке. Автором использованы основные общенаучные методы: диалектический метод познания, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. Новизной работы является рассмотрение взаимосвязи относимости и достаточности доказательств и влияния этих критериев на оценку доказательств.

Ключевые слова: относимость доказательств; оценка доказательств; достаточность доказательств; предмет доказывания.

Для цитирования: *Чиркова Д. В.* К вопросу об относимости и достаточности доказательств при их оценке в гражданском судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 158–168. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-158-168>

Research Article

ON THE RELEVANCE AND SUFFICIENCY OF EVIDENCE DURING THEIR ASSESSMENT IN CIVIL LEGAL PROCEEDINGS

Diana V. Chirkova

P. A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 164 Moskovskaia St., Saratov, 410012, Russia
borga25@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is determined by the need to improve the institution of the relevance of evidence, which contributes to making a legitimate and reasonable decision. The purpose is to consider the relevance of evidence in the context of their assessment. The author uses the main general scientific methods: the dialectical method of cognition, the method of system analysis, and the comparative legal method is also used. The novelty of the work is the introduction of proposals for a more detailed regulation of the institute of relativity.

Keywords: relevance of evidence; evaluation of evidence; cognitive activity; subject of proof.

For citation: *Chirkova D. V. On the Relevance and Sufficiency of Evidence During Their Assessment in Civil Legal Proceedings. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 158–168. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-158-168>*

Введение

Доказывание в гражданском, равно как и в любом другом процессе, является одним из фундаментальных институтов судопроизводства. Правоприменительная деятельность суда основывается на установлении фактов, имеющих значение для дела с помощью доказательств, и именно с помощью доказательств суд устанавливает наличие или отсутствие права у заинтересованного лица, осуществляется защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод, законных интересов.

Вопросы доказывания являются ключевыми для восстановления нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц. Доказывание в современном цивилистическом судопроизводстве занимает центральное место в установлении фактов, имеющих значение для правильного рас-

смотрения и разрешения конкретного дела. Однако, как справедливо отмечают исследователи, в настоящее время остро стоит проблематика познавательности процесса в теории доказательств и истинности (достоверности) получаемых знаний [1, с. 96]. Доказывание влияет не только на выводы суда по конкретному делу, но и на совершение практически всех процессуальных действий, которые совершаются с учетом потребностей получения знаний судом относительно спорного правоотношения сторон.

Процесс доказывания является познанием, связанным с мыслительной деятельностью. Познание связано с установлением фактов, имеющих значение для дела. Например, М. К. Треушников отмечал, что судебное доказывание – это познавательная деятельность, урегулированная нормами гражданского или арбитражного процессуального права [2, с. 30–31]. Сочетание мыслительных и процессуальных начал является сложной деятельностью суда, лиц, участвующих в деле, поскольку познание действительных обстоятельств дела находит отражение в выводах суда.

Современный процесс доказывания построен на принципе состязательности, который, как отмечается в литературе, меняет модель поведения суда и лиц, участвующих в деле [3, с. 54]. Состязательность отражается на обязанности доказывания позиции по делу заинтересованными в исходе дела лицами, которые активны в предоставлении доказательств. Активность сторон и других лиц, участвующих в деле, в сборе доказательств обязывает их самостоятельно изучать и представлять в суд доказательственный материал, и, следовательно, мыслительная и психическая деятельность в процессе доказывания охватывает всех субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

1. Оценка доказательств

Как сложный познавательный и процессуальный механизм доказывание состоит из нескольких этапов, детально урегулированных нормами процессуального права. Не останавливаясь на всех этапах доказывания, рассмотрим один из важнейших и заключительных этапов, которым является оценка доказательств, влияющая на выводы суда.

Оценка доказательств, как и весь процесс доказывания, связана с мыслительной деятельностью субъектов доказывания. Правила оценки доказательств адресованы суду, поскольку именно оценка доказательств судом находит отражение в окончательном акте по делу. Закон устанавливает определенные правила оценки доказательств, а именно суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Всестороннее, полное и объективное исследование зиждется на относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности.

Внутреннее убеждение, указанное в ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), связано не только с процессуальной деятельностью суда и лиц, участвующих в деле, но и с мыслительным процессом судьи, рассматривающим дело, с его субъективным восприятием доказательственного материала, с его

логикой. Например, как отмечает Б. Т. Матюшин, оценка доказательств протекает в мыслительной, психической деятельности суда как субъекта судебного познания [4, с. 7]. В процесс доказывания вовлечены лица, участвующие в деле, которые излагают свои позиции, и суд, который оценивает приведенные доводы и выносит решение, в котором отражает свои выводы относительно существования либо несуществования нарушенного права и его восстановления в случае нарушения.

Несмотря на то что регламентация оценки доказательств, установленная в ст. 67 ГПК РФ, адресована суду, так называемая предварительная оценка доказательств, высказывание суждений относительно тех или иных фактов, подтверждающих или опровергающих конкретные обстоятельства, входящие в предмет доказывания, лицами, участвующими в деле, создают тот базис, который используется судом при оценке доказательств в процессе вынесения решения. Без такой предварительной оценки доказательств, предварительных суждений относительно них было бы невозможным определить их достаточность, с учетом требований относимости и допустимости доказательств [5, с. 153].

Внутреннее убеждение судьи, которое он применяет при оценке доказательств, говорит о субъективизме лица, оценивающего то или иное доказательство. Но субъективизм судьи не может быть безграничен, поскольку доказывание – это детальность не только мыслительная, но и процессуальная, т.е. она должна подчиняться строгой процессуальной форме, исключающей произвол. Как указывается в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), оценка доказательств не может быть произвольной [6]. Гарантией от произвольности оценки в любом деле являются ее критерии, установленные в ч. 3 ст. 67 ГПК РФ. Исходя из смысла указанной нормы можно выделить критерии, которые применяются к каждому доказательству в отдельности, – это относимость, допустимость, достоверность, и критерии, которые применяются только к совокупности доказательств, – достаточность и взаимная связь.

2. Критерии оценки доказательств

В научной литературе авторы предлагают классификацию критериев оценки доказательств. Так, К. Лельчицкий, например, называет это разделение критериев на «автономные», т.е. установленные для каждого доказательства в отдельности, и «связанные», которые относятся к совокупности доказательств [7, с. 46].

Однако мы не можем согласиться с автором, утверждающим, что относимость и допустимость, а также достоверность обладают автономией, поскольку автономия предполагает независимость от иных правил доказывания в целом и оценки доказательств в частности. Каждое из доказательств оценивается на предмет его относимости в отдельности, но нельзя забывать, что относимость доказательств связана с предметом доказывания, т.е. с совокупностью фактов, подлежащих установлению по конкретному делу. В связи с этим полагаем, что нельзя говорить об автономности критериев оценки доказательств, поскольку речь идет о совокупности фактов.

Представляется, что более четко правило оценки доказательств установлено в ч. 4 ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), в соответствии

с которым каждое доказательство подлежит оценке арбитражным судом наряду с другими доказательствами, что как раз не может расцениваться как автономия.

В настоящее время много говорится об унификации институтов цивилистического судопроизводства, и доказывание не является исключением. Например, И. В. Решетникова отмечает, что доказывание распространяется на все отрасли процессуального права, и особенно близко на гражданский, арбитражный и административный процесс. Доказывание давно признается межотраслевым институтом [8, с. 11]. В этой связи полагаем, что в ГПК РФ необходимо внести соответствующие изменения. Исходя из концепции общности доказывания в гражданском и арбитражном процессах считаем, что в ГПК РФ также необходимо зафиксировать правило о том, что отдельно взятое доказательство оценивается судом наряду с другими доказательствами. Внесение указанных изменений будет более отчетливо свидетельствовать о том, что доказательство не может быть вырвано из контекста всего доказательственного материала.

3. Относимость доказательств

В пользу указанной позиции, на наш взгляд, как раз действует правило относимости доказательств, в соответствии с которым суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела (ст. 59 ГПК РФ). Это правило адресовано суду, в силу которого те доказательства, которые не относятся к делу, суд не вправе принимать. Относимость доказательств ограничивает рамки доказательственного материала по конкретному гражданскому делу. Правило относимости доказательств определяет объем представления доказательств в конкретном деле, необходимый и в то же время достаточный для вынесения законного и обоснованного решения. Относимость доказательств выступает как одно из основных правил доказывания, которое является свойством доказательств, без которого невозможна их оценка. Вопрос относимости доказательств влияет на принятие судом конкретных доказательств в общий массив материалов, исследуемых судом и влияет на их оценку.

Вопрос относимости доказательств по конкретному делу является достаточно сложным, относимость формируется различными составляющими.

Первое, чем определяется относимость доказательств по делу, как уже отмечалось выше, – это предмет доказывания. Для того чтобы определить, является ли доказательство относимым, необходимо определить предмет доказывания по делу. Как отмечают В. В. Назаров, А. Д. Золотухин, суд, определяя предмет доказывания, «организует деятельность лиц, участвующих в деле, по доказыванию тех обстоятельств, на которые он указал в предмете доказывания, независимо от мнения лиц, участвующих в деле по поводу обстоятельств, которые они просили включить в предмет доказывания» [9, с. 148]. Формирование предмета доказывания играет ключевую роль в собирании доказательств и определении их относимости к делу.

Предмет доказывания связан с иском и нормами права, лежащими в его основании. Несмотря на то что в понятие иска не входит институт доказывания и доказательств, тем не менее для восстановления нарушенных прав понятие и содержание исковой защиты права имеют большое значение. Иск имеет свою структуру и состоит из элементов; чаще всего исследователи выделяют два элемента: предмет

и основание иска. Поскольку иск в настоящем исследовании нас интересует только с позиции определения предмета доказывания, мы не будем рассматривать спорность вопросов элементов иска и вопросы состава его предмета, а изучим лишь основание иска как категории, формирующей предмет доказывания по делу.

Основание иска определяет фактический состав, связанный с нормами права, с которыми связывается возникновение прав и обязанностей сторон искового производства. И, следовательно, как отмечал К. С. Юдельсон, «исходное значение в требовании о защите гражданского права принадлежит фактам, лежащим в его основании» [10, с. 340]. Именно факты, лежащие в основании иска, определяют предмет доказывания по делу. Между этими фундаментальными институтами гражданского процессуального права имеется взаимная связь.

Иск является основным способом защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов. Истец, права которого предположительно нарушены, ищет у суда защиты, он указывает в исковом заявлении факты, которые должен доказать. Это является началом формирования предмета доказывания по конкретному делу. Ответчик, получая копию искового заявления, как правило, заявляет возражения. Эти возражения он подтверждает фактами, которые опровергают предъявленные к нему требования. Факты-возражения также входят в предмет доказывания, они должны подтверждаться соответствующими доказательствами, которые должны отвечать требованию относимости. Окончательно предмет доказывания формирует суд, руководствуясь нормами права, подлежащим применению к спорным правоотношениям.

Относимым доказательство является тогда, когда оно подтверждает обстоятельства, входящие в предмет доказывания, а значит, способствует установлению фактов, имеющих значение для дела. Относимое к делу доказательство позволяет сделать логический вывод о существовании либо несуществовании искомых фактов [7, с. 47].

Относимость является гарантией принятия доказательств и гарантией их истребования судом. В состязательном процессе суд неактивен в сборе доказательств, он лишь оказывает содействие сторонам, если для них затруднительно их получение. Поэтому адресованное суду правило относимости доказательств не только касается недопущения в процесс доказательств, не относящихся к делу, но и обязывает суд не отстраняться полностью от процесса доказывания, превращаясь в арбитра, т.е., как отмечала А. Г. Коваленко, это связано «с концептуальным подходом к роли суда в доказательственной деятельности и реализации им так называемой восполнительной функции» [11, с. 82]. Полагаем, что это является процессуальной гарантией рассмотрения дела полно и всесторонне, исключает вынесение решения не в пользу стороны (заявителя) лишь по мотивам недоказанности своей правовой позиции. Эта функция дает право суду предложить представить лицам, участвующим в деле, дополнительные доказательства, а также оказывать содействие в собирании и истребовании в необходимых случаях (абз. 2 ч. 1 ст. 57 ГПК РФ).

Относимость доказательств распространяет свое действие не только на суд. С точки зрения реализации принципа состязательности относимость доказательств не позволяет сторонам злоупотреблять правом представления доказательств,

не относящихся к делу. Стороны, будучи активными субъектами доказывания, собирая и представляя доказательства в суд, также обязаны руководствоваться относимостью доказательств. Особенно ярко это правило проявляется в тех случаях, когда сторона ходатайствует перед судом об истребовании доказательств. В соответствии с ч. 2 ст. 57 ГПК РФ в ходатайстве об истребовании доказательств должно быть указано, какой факт, относящийся к делу, подтверждает то или иное доказательство, т.е. каким образом оно относится к делу. Поэтому полагаем, что, несмотря на то, что правило относимости адресовано в первую очередь суду, оно также направлено и на доказательственную деятельность лиц, участвующих в деле, которые обязаны представлять доказательства, руководствуясь правилом относимости.

Следует отметить, что правило относимости было закреплено и ранее в процессуальном законодательстве. Как отмечается в литературе, норма об относимости доказательств в ГПК РФ полностью перешла из ГПК РСФСР 1964 г., что свидетельствует о хорошем фиксировании этого правила в ранее действовавшем законодательстве [2, с. 111]. Мы соглашаемся с данным мнением, однако полагаем необходимым рассмотреть фиксацию данного правила в более молодом процессуальном законодательстве.

Так, в ст. 67 АПК РФ само правило относимости дополнено ч. 2, где даны разъяснения о том, что арбитражный суд не принимает поступившие в суд документы, содержащие ходатайства о поддержке лиц, участвующих в деле, или оценку их деятельности, иные документы, не имеющие отношения к установлению обстоятельств по рассматриваемому делу, и отказывает в приобщении их к материалам дела. Данное правило более полно позволяет определить, какие доказательства следует принимать суду, а какие – нет, о чем свидетельствует и судебная практика.

Например, требование истца о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака было подтверждено видеоотчетами (видеофайлы, представленные на DVD-диске), которые не относились к периоду доказывания, в связи с чем были признаны судом неотносимыми доказательствами, не подлежащими приобщению к материалам дела по ч. 2 ст. 67 АПК РФ. Вышестоящие суды оставили решение суда в силе [12]. На отказ в принятии этих доказательств повлияло указанное правило, зафиксированное в АПК РФ, и правильность действий суда первой инстанции подтверждается позицией высших судов.

Представляется, что в АПК РФ установлен более широкий подход к правилу относимости, который более детально регулирует возможность судом отбора доказательств. Полагаем, что данное положение также должно быть закреплено в ГПК РФ, что, на наш взгляд, сделает правило относимости более детально урегулированным.

4. Достаточность доказательств

Говоря об относимости доказательств, также необходимо затронуть вопрос их достаточности. Достаточность доказательств также связана с их оценкой. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении указывал на дискреционное полномочие суда по оценке доказательств, необходимое для эффективного осуществле-

ния правосудия [13]. Как отмечает Конституционный Суд, оценка не может быть произвольной (на это также указывал и Верховный Суд РФ, о чем было упомянуто выше). Дискреционные полномочия дают возможность суда при конкретных обстоятельствах по своему усмотрению определить достаточность относимых доказательств в конкретном деле. В литературе отмечается, что суд может по своему усмотрению, например, выслушать не всех свидетелей, о которых заявляла ходатайство сторона, если сочтет достаточными показания уже ранее допрошенных свидетелей. В связи с этим относимые доказательства могут быть исключены из дела. Таким образом, достаточность относимых доказательств является качественным критерием оценки доказательств, который нельзя путать с количеством доказательств по делу в целом [8, с. 69].

Достаточность доказательств является субъективным, оценочным критерием. Доказательств достаточно, если факты, обосновывающие требования и возражения сторон подтверждены, и суд может прийти к выводу об удовлетворении или отказе в удовлетворении иска. Достаточность доказательств в первую очередь связана с классификацией доказательств, а именно с прямыми и косвенными. Если обратиться к указанным категориям, то прямыми доказательствами являются факты, на основании которых можно сделать единственный вывод о существовании либо несуществовании факта, входящего в предмет доказывания. Косвенные же доказательства не дают такого однозначного подтверждения, на их основе можно сделать только предположение о факте. Поэтому если прямого доказательства может быть достаточно одного в деле, то косвенные доказательства используются в совокупности и информация, содержащаяся в них, не должна быть противоречивой. Прямые и косвенные доказательства также должны отвечать критериям относимости и соответственно достаточности.

Правило относимости действует на всех стадиях судопроизводства, включая проверочные инстанции. Оно приобретает актуальность при принятии в суде апелляционной инстанции новых доказательств, на что обращает внимание Верховный Суд РФ. Принимая или отказывая в принятии новых доказательств, суд апелляционной инстанции также обязан руководствоваться правилом их относимости и допустимости [14]. В кассационной инстанции также проверяется, вынесено ли решение с учетом всех юридических значимых обстоятельств и учел ли суд все обстоятельства, необходимые для установления правоотношения сторон. Если судом учтены не все обстоятельства, то такое решение подлежит отмене. В основе этих действий вышестоящих судов также лежит правило относимости, организующее доказательственную деятельность судов всех инстанций.

Заключение

Таким образом, правило относимости является неотъемлемым критерием оценки доказательств, что влияет на всю доказательственную деятельность суда и лиц, участвующих в деле, организует процесс познания как на стадии рассмотрения дела, так и при вынесении решения и при его проверке. Относимость доказательств определяет и направляет весь процесс познания фактов, имеющих значение для дела, определяет их достаточность для вынесения законного и обоснованного решения.

Пристатейный библиографический список

1. Коваленко А. Г., Яковлева А. П. Некоторые проблемы реализации судебной реформы в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 3.
2. Треушников М. К. Судебные доказательства. М. : Городец, 2004.
3. Яковлева А. П. Соотношение принципов состязательности и диспозитивности в современном судопроизводстве // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6.
4. Матюшин Б. Т. Общие вопросы оценки доказательств в судопроизводстве : учебное пособие. Хабаровск : Хабаров. высш. шк. МВД СССР, 1987.
5. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Жилина. М. : ТК Велби, 2003.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.
7. Лельчицкий К. Относимость доказательств как индивидуальный критерий оценки доказательств // Закон и право. 2007. № 9.
8. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для вузов. М. : Юрайт, 2019.
9. Назаров В. В., Золотухин А. Д. К вопросу о допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17.
10. Юдельсон К. С. Избранное : Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М. : Статут, 2005.
11. Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М. : НОРМА, 2004.
12. Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 сентября 2020 г. по делу № СИП-1091/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 2250-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 1 Федерального закона «О приостановлении действия части второй статьи 43 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», частью 9 статьи 8 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов», а также частями первой и третьей статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

References

1. Kovalenko A. G., Iakovleva A. P. Some Problems of the Implementation of Judicial Reform in Russia. *Legal Policy and Legal Life*, 2005, no. 3. (In Russ.)
2. Terushnikov M. K. *Judicial Evidence*. Moscow: Gorodets, 2004. (In Russ.)
3. Iakovleva A. P. Correlation of the Principles of Competitiveness and Dispositivity in Modern Legal Proceedings. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2017, vol. 17, no. 6. (In Russ.)
4. Matiushin B. T. *General Issues of Evaluation of Evidence in Court Proceedings: Study Guide*. Khabarovsk: Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987. (In Russ.)
5. Zhilin G. A. (ed.). *Commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article)*. Moscow: TK Velbi, 2003. (In Russ.)
6. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 23 December 2020). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2021, no. 5. (In Russ.)
7. Lechitskii K. Relativity of Evidence as an Individual Criterion for Evaluating Evidence. *Law and Law*, 2007, no. 9. (In Russ.)
8. Reshetnikova I. V. *Proving in Civil Proceedings: An Educational and Practical Guide for Universities*. Moscow: Iurait, 2019. (In Russ.)
9. Nazarov V. V., Zolotukhin A. D. On the Admissibility of Evidence in Civil Proceedings. *Actual Problems of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17. (In Russ.)
10. Iudelson K. S. *Favorites: Soviet Notary. The Problem of Proof in the Soviet Civil Procedure*. Moscow: Statut, 2005. (In Russ.)
11. Kovalenko A. G. *Institute of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings*. Moscow: Norma, 2004. (In Russ.)
12. Decision of the Intellectual Property Rights Court of 15 September 2020 on case No. SIP-1091/2019 (SPS "Consultant Plus"). (In Russ.)
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29 September 2015 No. 2250-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Smirnov Alexander Anatolievich for Violation of His Constitutional Rights by Article 1 of the Federal Law 'On Suspension of the Second Part of Article 43 of the Law of the Russian Federation 'On Pension Provision of Persons Who Served in Military Service, Service in the Internal Affairs Bodies, State Fire Protection Service, Bodies for the Control of the Turnover of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, Institutions and Bodies of the Penal Enforcement System, and Their Families' in Connection with the Federal Law 'On the Federal Budget for 2015 and for the Planning Period of 2016 and 2017', Part 9 of Article 8 of the Federal Law 'On the Federal Budget for 2015 and for the Planned Period of 2016 and 2017', as Well as Parts of the First and Third Articles 67 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "Consultant Plus"). (In Russ.)
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 June 2021 No. 16 "On the Application by Courts of the Norms of Civil Procedural Legislation Regulating Proceedings in the Court of Appeal". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2021, no. 7. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. В. Чиркова – аспирант.

Information about the author:

D. V. Chirkova – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 02.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Рецензия

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-169-173>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

**«ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА :
библиографический указатель (1773–2019 гг.) / сост. М. Б. Аверин
[и др.] ; отв. ред. О. И. Александрова ; ВГУЮ (РПА Минюста
России). – М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – СПб. :
ООО «ИПК «НП-Принт», 2020. – 164 с.»**

Роман Геворгович Оганесян

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rgo1994@mail.ru

Аннотация

В рецензии рассматриваются материалы библиографического указателя, посвященного наследию русского поэта, государственного деятеля и первого министра юстиции Российской империи Гавриила Романовича Державина. Рецензируемый библиографический указатель является первым в России изданием, содержащим полный список работ, опубликованных как самим Державиным, так и учеными разных исторических периодов с 1773 по 2019 г. Научные работы, размещенные в хронологическом порядке, представляются важным материалом для исследователей поэтической и государственной деятельности Державина. Библиографический указатель может быть использован в исследовании отечественной литературы, а также истории государства и права России.

Ключевые слова: творческое наследие; библиографический указатель; ВГУЮ (РПА Минюста России); Г. Р. Державин; Державинские чтения; Министерство юстиции Российской империи.

Для цитирования: *Оганесян Р. Г.* Рецензия на книгу «Творческое наследие Г. Р. Державина : библиографический указатель (1773–2019 гг.) / сост. М. Б. Аверин

[и др.]; отв. ред. О. И. Александрова ; ВГУЮ (РПА Минюста России). – М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – СПб. : ООО «ИПК «НП-Принт», 2020. – 164 с.» // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 169–173. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-169-173>

REVIEW OF THE BOOK

“THE CREATIVE HERITAGE OF G. R. DERZHAVIN:

bibliographic index (1773–2019) / comp. by M. B. Averin [et al.];

ed. by O. I. Alexandrova; All-Russian State University of Justice. –

Moscow: All-Russian State University of Justice, 2020. –

St. Petersburg: IPK NP-Print LLC, 2020. – 164 p.”

Roman G. Oganessian

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,

Moscow, 117638, Russia

rgo1994@mail.ru

Abstract

The review examines the materials of the bibliographic index dedicated to the legacy of the Russian poet, statesman and first Minister of Justice of the Russian Empire – Gavriil Romanovich Derzhavin. The peer-reviewed bibliographic index is the first work in Russia containing a complete list of works published by both Derzhavin and scientists from different historical periods from 1773 to 2019. Scientific works, arranged in chronological order, are an important material for researchers of Derzhavin’s poetic and state activities. The bibliographic index can be used in the study of Russian literature, as well as the history of the state and law of Russia.

Keywords: creative heritage; bibliographic index; All-Russian State University of Justice; G. R. Derzhavin; Derzhavin Readings; Ministry of Justice of the Russian Empire.

For citation: *Oganessian R. G. Review of the Book “The Creative Heritage of G. R. Derzhavin: Bibliographic Index (1773–2019) / Comp. by M. B. Averin [et al.]; Ed. by O. I. Alexandrova; All-Russian State University of Justice. – Moscow: All-Russian State University of Justice, 2020. – St. Petersburg: IPK NP-Print LLC, 2020. – 164 p.” Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 2, pp. 169–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-2-169-173>*

В России нет такого юриста, который бы не знал Гавриила Романовича Державина. Он вошел в историю как яркий предшественник «золотого века» русской поэзии. Известный русский критик В. Г. Белинский называл его «отцом русских поэтов». Однако «вторая» жизнь поэта – административно-политическая, в отличие от литературной, находится в тени. Г. Р. Державин сыграл немаловажную роль на политической арене в последней трети XVIII – начале XIX вв.: занимал должности губернатора в Олонецкой и Тамбовской губерниях, статс-секретаря императрицы Екатерины II, Президента Коммерц-коллегии и государственного казначея в период правления Павла, и, наконец, венец его карьеры – должность министра юстиции [3, с. 7]. Благодаря его живой и энергичной деятельности 13-месячное управление Министерством юстиции не осталось бесследным:

- была проведена колоссальная работа по организации центрального аппарата Министерства;
- был разработан проект о правилах третейского суда, предполагавший объединение с совестным судом;
- принят Указ «О судимых в уголовных палатах за преступление должностей чиновниках»;
- реформа Правительствующего Сената 1801–1802 гг. [1, с. 15–17; 2, с. 5–7].

Интересен тот факт, что у истоков российской системы юстиции встал яркий обличитель чиновничьих пороков. Заложенные первым министром юстиции идеи и принципы его взаимодействия с другими органами государственной власти и управления получили дальнейшее развитие в Российской империи, в СССР и современной России.

Многогранная деятельность Гавриила Романовича нашла свое отражение в указателе литературы, составленном коллективом кафедры теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) [1]. Данный Университет уделяет большое внимание популяризации творческого наследия Г. Р. Державина. С 2005 г. Университет ежегодно проводит международную научно-практическую конференцию «Державинские чтения», на которой рассматриваются не только актуальные вопросы различных концепций и школ юридических наук, но и проблемы влияния его идей на государственную деятельность и правовую систему России, а также на развитие основных направлений филологических и других общественных наук.

Библиографический указатель является одним из наиболее полных библиографических изданий, опубликованных в нашей стране. В данном указателе литература классифицируется по двум разделам: «Сочинения Г. Р. Державина (1773–2019)» и «Исследования отечественных ученых (1816–2019 гг.)». Первый раздел содержит информацию о произведениях Г. Р. Державина, издававшихся в России в 1773–2019 гг., и в свою очередь делится на три рубрики: «Дооктябрьский период (1773–1917 гг.)», «Советский период (1917–1991 гг.)» и «Постсоветский период (1992–2019 гг.)».

Во второй раздел включены сведения об исследованиях отечественных ученых, изданных в России в 1816–2019 гг. Он состоит из трех подразделов: «Работы общего содержания», «Произведения о государственной деятельности Г. Р. Державина»

и «Работы о литературном творчестве Г. Р. Державина». Эти подразделы включают различные виды публикаций: монографии, сборники научных статей, брошюры, материалы научных конференций, статьи из сборников и журналов, авторефераты и диссертации, справочные и библиографические издания. Кроме того, эти работы также систематизированы по соответствующим периодам: «Дооктябрьский период (1773–1917 гг.)», «Советский период (1917–1991 гг.)» и «Постсоветский период (1992–2019 гг.)».

Предлагаемая классификация выявленной литературы в полной мере отображает этапы издания сочинений Г. Р. Державина и работ отечественных исследователей.

Библиографический указатель поможет исследователям определить достаточно хорошо разработанные проблемы творческого наследия и выявить темы, требующие более глубокого изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Творческое наследие Г. Р. Державина : библиографический указатель (1773–2019 гг.) / сост. М. Б. Аверин [и др.]; отв. ред. О. И. Александрова. М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020 ; СПб. : ООО «ИПК «НП-Принт», 2020.
2. Министерство юстиции за 200 лет (1802–2002). Историко-правовой очерк. М. : НОРМА, 2002.
3. На службе закону и справедливости : Очерки об отечественных министрах юстиции (1802–2002). М. : НОРМА, 2002.
4. *Цинцадзе Н. С.* Г. Р. Державин : на службе у трех императоров : в 3 ч. 2-е изд., испр. Тамбов : ТГУ, 2018. Ч. I : Государственная деятельность в царствование Екатерины II.

References

1. *Averin M. B. (comp.); Alexandrova O. I. (ed.).* The Creative Heritage of G. R. Derzhavin: Bibliographic Index (1773–2019). Moscow: All-Russian State University of Justice, 2020; St. Petersburg: IPK NP-Print LLC, 2020. (In Russ.)
2. The Ministry of Justice for 200 Years (1802–2002). Historical and Legal Essay. Moscow: Norma, 2002. (In Russ.)
3. In the Service of Law and Justice: Essays on Domestic Ministers of Justice (1802–2002). Moscow: Norma, 2002. (In Russ.)
4. *Tsintsadze N. S.* G. R. Derzhavin: In the Service of Three Emperors. In 3 parts. 2nd ed. Tambov: Tambov State University, 2018. Part I: State Activity in the Reign of Catherine II. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Р. Г. Оганесян – младший научный сотрудник.

Information about the author:

R. G. Oganesyanyan – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 25.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 17.03.2023.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 2 / 2023

Выпускающий редактор: *Е.В. Курсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

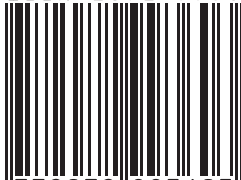
Подписано к печати 18.08.2023. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л. 11.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603